

№ 3.10
Космос

7
ИЮЛЬ
1965

Это снимки из цикла

„НА РАЗНЫХ КОНТИНЕНТАХ“

Костёр

7
ИЮЛЬ
1965

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета
Всесоюзной
пионерской организации
имени В. И. Ленина
Союза писателей СССР

В ЭТОМ НОМЕРЕ

Молодость мира, внимание! 2

Таврический сад

повесть И. ЕФИМОВА 4

Пионерская республика

фотоочерк И. БАБКИНА 20

Человеческая неполноценность

научно-фантастический рассказ А. ХЛЕБНИКОВА 23

Ура, комедианты!

заметка Б. СЕМЕНОВА 25

На учениях

очерк В. ЛЕВАНТА 26

Боевой конь

баллада Б. КОРНИЛОВА 28

Последний подвиг разведчика

очерк Л. КЕККЕЛЕВА 30

КОСЯ ТЕРКИН

новое приключение 33

Что? Где? Когда? Почему? 35

Дневник жизни

В. БАХРЕВСКОГО 37

Уголёк

журнал для малышей 41

Мио, мой Мио!

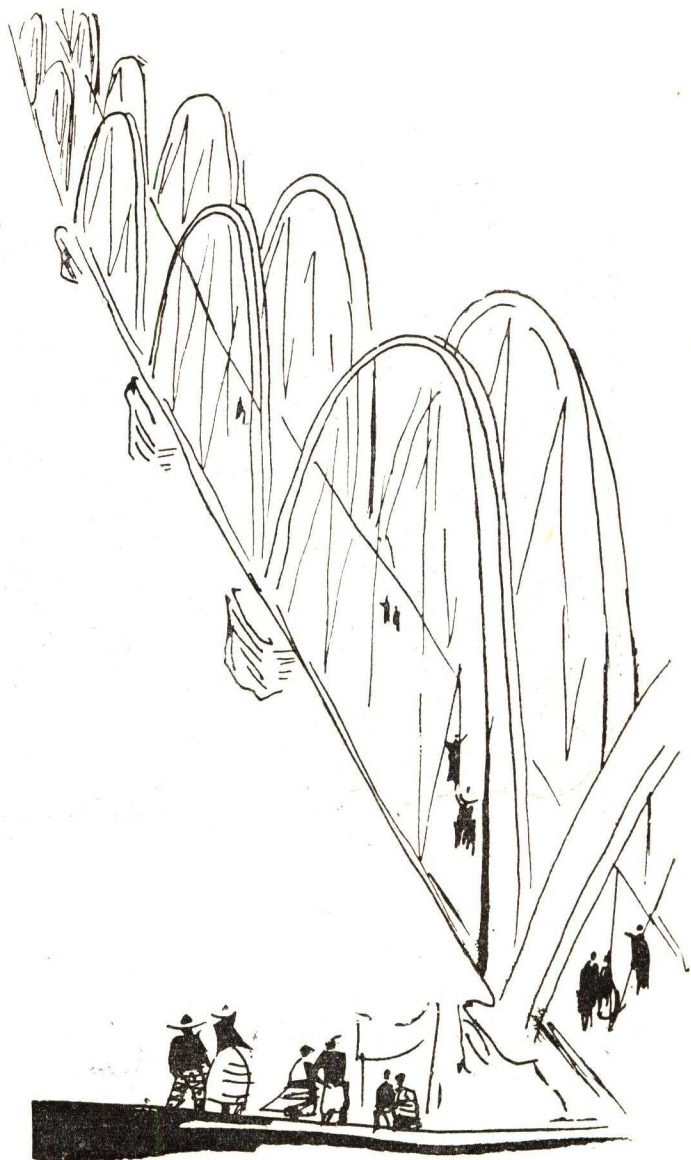
повесть-сказка А. ЛИНДГРЕН 43

Его величество Случай

очерк Л. ГЛУЗМАНА 59

Школа „Спринт“ 62

Уголок веселого Архивариуса 63

МОСТЫ

Э. Мошковская

Я думаю
о мостах.
Сколько их нужно
в разных местах!..

Мост
до звезд!

Мост
до Луны!

Мост
до другой
страны...

И мост
к сердитому
человеку,

и мост
через реку.

МОЛОДОСТЬ МИРА, ВНИМАНИЕ!

С Ш А

В городе Демополис в штате Алабама полиция, пустив в ход слезоточивые газы и дубинки, разогнала демонстрацию борцов за гражданские права. 25 участников демонстрации, в основном школьники, получили ранения и ожоги, вызванные ядовитым веществом. 9 человек арестованы.

ВЕНЕСУЭЛА

В концлагере Такаригус томятся два несовершеннолетних мальчика — Франсиско Оронесу и Эндо Мальдонадо. Их дела не зарегистрированы ни в одном суде.

САУДОВСКАЯ АРАВИЯ

Одиннадцатилетнюю девочку продали в рабство за 47 пустых бутылок.

ЮАР

Палачами Фервурда в тюрьме Претории повешен 27-летний южноафриканский учитель, председатель Олимпийского комитета ЮАР Джон Харрис. Он был обвинен в «подрывной деятельности».

АВСТРИЯ

В майские дни на улицы Вены вышла небольшая группа молодых людей. Фашиствующие молодчики выкрикивали лозунг: «Да здравствует Освенцим!» Полиция бездействовала...

ПЯТЬ ФАКТОВ—ИЗ ТЫСЯЧ

ВЕНГРИЯ

В Будапеште, на холме Роз, вырос новый красавец-отель «Юность». Он спроектирован молодыми архитекторами, построен молодыми рабочими. Обслуживающий персонал гостиницы — тоже молодежь.

ФРГ

По 16 маршрутам в Бонн вышли в поход участники традиционного весеннего «Марша мира». Это студенты, члены молодежных организаций, рабочие. Их тысячи. Лозунг один: «За безатомную зону в Центральной Европе, за отказ от ядерного оружия».

ВЬЕТНАМ

Формовщик металлургического завода Кыонг, он же пулеметчик народной милиции, сбил американский реактивный бомбардировщик.

ЧИЛИ

В столице прошел молодежный конгресс за освобождение политических заключенных.

АРГЕНТИНА

За год в коммунистическую федерацию молодежи страны вступило 17 000 новых членов.

ЮАР

В одном из крупнейших городов расистской Южно-Африканской Республики — Кейптауне — студенческий комитет выдвинул кандидатуру Мартина Лютера Кинга, видного американского борца против расовой сегрегации, на должность ректора университета.

ФИЛИППИНЫ

В Маниле у здания американского посольства состоялась массовая демонстрация молодежи. Участники демонстрации потребовали ликвидации военных баз США в стране.

ИСПАНИЯ

Более месяца продолжались митинги и демонстрации студентов в мадридском университетском городке. В поддержку своих коллег

выступили студенты Барселоны, Гренады, Севильи, Сарагоссы, Саламанки и других городов. Массовые аресты не сломили боевого духа студентов.

КУБА

Мария де Лос Анхелес Вега — «звезда» гаванского карнавала этого года. Она — медсестра и состоит в батальоне добровольного труда, который выезжает на самые трудные участки работы — будь то сбор кофе или рубка тростника.

СССР

Отрывок из письма: «Обещаем сделать все необходимое, вплоть до вступления в добровольческие отряды, чтобы помочь вьетнамским братьям отстаивать свое право на мирную, свободную жизнь. Ученики 10 «а» кл. Магнитской школы раб. молодежи Челябинской обл.».

АНГЛИЯ

Демонстрация английских комсомольцев прошла по улицам Лондона с плакатами: «Война во Вьетнаме может привести к мировой катастрофе. США должны прекратить убийства во Вьетнаме». Резолюции протеста были переданы американскому послу и премьер-министру Великобритании.

США

Группа американских студентов прошла в толпе иностранных туристов в Белый дом и устроила там семичасовую сидячую демонстрацию протеста против кровавого произвола расистов штата Алабамы. Президент не счел нужным откликнуться на просьбу студентов и не вышел к ним для беседы. Охрана изолировала демонстрантов и вывезла их из Белого дома.

АВСТРАЛИЯ

Две недели путешествовал по дорогам страны необычный автобус. Это был «рейс свободы», организованный студентами Сиднейского университета против расистского преследования аборигенов. После этого рейса о позорных явлениях расизма в стране заговорили печать, радио, телевидение...

ТРИНАДЦАТЬ ФАКТОВ—ИЗ ТЫСЯЧ

ТАВРИЧЕСКИЙ САД

ПОВЕСТЬ

Игорь Ефимов
Рисунки А. Сколозубова

Глава 7

ВЫ БЫЛИ ТАК ДОБРЫ...

С тех пор как нас узурпировали, дома началась такая жизнь, что я старался там только спать и после школы сразу же уходил во двор. Правда, я и раньше не любил бывать в нашей квартире подолгу — уж слишком много было опасностей, непривычный человек, например, какой-нибудь вор, погиб бы в ней, как несчастный путешественник в джунглях. Взять самый пустяк — дойти по коридору до кухни. В коридоре была одна лампочка на три поворота, а выключатель как раз рядом с экономайской бабкой. Нужно было сперва ощупью до него добраться, зажечь свет и мчаться со всех ног (а до кухни далеко), пока бабка не успеет выскочить из своей комнаты и погасить. Последние метры приходилось бежать в полной темноте. Тут-то кто-нибудь и входил с кастрюлей, будто ждал за дверью. Хорошо еще, если пустая, а если с супом? С кипятком?

Таких случаев было сколько угодно.

Но с бабкой ничего нельзя было поделать, потому что сама она отлично видела в темноте. Невозможно было ей доказать, что остальные никто не видят, она считала, что так, капризничают и притворяются, лишь бы ей насолить и разорить вконец на электричестве. У кого

были фонарики, носили их всегда с собой, но все равно часто, сидя в комнате, я слышал за дверью удары, столкновения и крики и каждый раз очень волновался за маму — а вдруг это ее.

Попасть в квартиру было тоже очень трудно. Ключ мне не давали, считали, что я как малолетка могу напустить полный дом грабителей — приходилось звонить. Кто-нибудь подходил к двери после пятого звонка и заводил волынку на целый час:

— Кто там?

— Да это я, Боря.

— Какой Боря?

— Боря Горбачев из третьей комнаты. Вы же меня знаете.

— Так говоришь, ты Боря Горбачев. А я кто?

— А вы Александра Пахомовна.

— А фамилия моя как?

— Бабулина. У вас в комнате еще телефон, только вы никому не даете звонить.

— Верно, голубчик, верно — не даю. Может, ты и вправду Боря. Голос уж больно похожий.

— Ну конечно, это я. Пустите, мне уроки нужно делать.

— А кто там еще с тобой?

— Да нет здесь никого.

Продолжение. См. «Костер» № 6, 1965 г.

— Как нет. Я же слышу, кто-то дышит.

— Это я сам и дышу. Что же мне не дышать, что ли?

— Да я не про тебя, я про другого. Ты ему скажи, что у меня в руках топор, как он войдет, так я его по башке и тюкну. Скажи, что без топора я и не открываю никогда — пусть уж знает.

— Александра Пахомовна, только вы меня не тюкните. Вы разберитесь хорошенько, прежде чем тюкать.

— Да, Боренька, где ж тут разобраться. Тут уж времени не будет. Да и вижу я плохо теперь, очки у меня неподходящие, давно бы сменить пора, а все некогда.

— Нет, Александра Пахомовна, я, знаете, лучше пойду еще погуляю.

— Погуляй, мальчик, погуляй. Погода-то хорошая?

— Хорошая.

— Дождя нет?

— Нет.

— Ну и гуляй себе на здоровье.

Так и гулял весь день, пока не возвращалась мама или кто-нибудь с другим ключом. Какие уж тут уроки. А с тех пор, как нас узурпировали, и вовсе нигде стало учиться, разве что в школе на переменах.

В первые дни Ксения Сергеевна только и делала, что благодарила мою маму, расхваливала ее прямо в лицо, какая она чудная, отзывчивая, таких теперь и не бывает. Они старались нас поменьше стеснять, стелили себе на полу рядом с диваном, а на диване спала Катенька. Мама тоже во всем шла им навстречу и уступала. Например, у них не было посуды, утюга, наволочки, примуса, зеркала и вешалки — она им все дала. Но Ксения Сергеевна не растерялась и выстирала всю мою одежду, занавески на окнах, скатерть и купила на последние деньги абжур. Тогда мама увела с собой Надю и устроила ее работать в справочное бюро на своем вокзале. Надя в ответ принесла восемь вязанок дров и выстояла длинную очередь за сахаром для всех.

Потом началось настоящее соревнование.

Мама сшила Катеньке передник.

Ксения Сергеевна выкрасила заново дверь и печку.

Мама достала ей походную складную кровать.

Надя прогнала из комнаты всех клопов.

Я три раза погулял с Катенькой в Таврическом саду.

Катенька изрисовала карандашом все стены.

Дошло до того, что Ксения Сергеевна решила заниматься со мной географией. Это было уже ни к чему, но, к счастью, тут у них с ма-

мой случился один разговор и про географию как-то забылось.

В тот вечер я, как обычно, лежал с головой под одеялом, притворялся, что сплю, но в действительности все слушал и смотрел через шелку. Ничего особенного там не происходило, сплошные мелочи жизни, но через шелку они казались интересными, как кино. И не в том дело, что Ксения Сергеевна иногда молилась тайком, а Надя незаметно перекалывала деньги из одной подушки в другую. Главное, они ходили и разговаривали как нормальные люди, без всякого воспитательного притворства для меня, и это было очень интересно, будто попал в новую страну или совсем на другую планету. То есть вполне возможно, что и при мне, если б я сейчас высунул голову из-под одеяла с открытыми глазами, они бы делали и говорили то же самое, но тогда бы я не был уверен, мне опять бы казалось, что они притворяются передо мной в воспитательных целях.

Надя и Катенька по-настоящему спали, а Ксения Сергеевна пила чай с конфетами. Правда, эти конфеты при нас она никогда не доставала, хранила весь день под своей подушкой, но разве это тайна. С едой, вообще, была какая-то путаница, тем более, все по карточкам. Мама, например, вызывала меня со двора и быстро чем-нибудь кормила, пока их не было дома, а они тоже при нас никогда не ели. Но раз они не умирают с голода и даже не худеют, значит, едят же где-то, думал я и ловко усыплял свою совесть, как сказал бы дядя Павел. Ксения Сергеевна, во всяком случае, не худела, походная кровать под ней прогибалась до самого пола.

Когда пришла мама, она еле успела спрятать свои конфеты под подушку. Тоже не очень-то красиво, насколько я понимаю. Мама с удовольствием поела бы конфет, если б ее угостили, она как раз такие любила. По-моему, нет ничего хуже, чем так вот спрятать конфеты и тут же приветливо улыбаться, расспрашивать о погоде, о работе и какие крушения случились сегодня на железной дороге. Тем более, что мама устала, еле смогла снять боты.

— Ну, а вы как тут без меня жили? — спросила она шепотом. — Как Боря?

— Чудный мальчик. Весь день гулял, и никто не пришел на него жаловаться. Он у нас очень славный, только несколько экзальтированный.

(Это я-то экзальтированный!)

— Конечно, дети военных лет — откуда им быть спокойными. Бомбежки, эвакуации, переезды.

— Ах, ах, ужасная судьба.

— Все детство не иметь постоянного дома, такого, в котором знаешь — вот выйду и будет дверь с пружиной, дальше улица, а на улице ходит знакомый друг Витька, а направо цистерна с квасом, тоже давно знакомая, а через дорогу сад, и там есть дерево и обломанный сук, с которого свалился в прошлом году. (Откуда она узнала про сук — я ей никогда не рассказывал.)

— Да-да, конечно, — сказала Ксения Сергеевна. — И еще питание, знаете ли... тоже... витамины, жиры, углеводы...

— Нет, дом важнее. Мне кажется, ребенку это совершенно необходимо, чтобы был освоенный кусочек земли, хорошо бы с крышей и стенами, такой вроде бы плацдарм для дальнейшего наступления на жизнь, если выражаться военным языком. А тут весь дом — мама и три чемодана. Все остальное несется мимо, меняется каждый день, неизвестно, где заснешь, где проснешься. И отца нет, и писем иногда месяцами... Да что я рассказываю, вы и сами не хуже меня знаете.

— Мне ли не знать, — закивала Ксения Сергеевна. — Дом... Вы очень верно описали его назначение, так сказать, огромную роль в воспитании детей. Отлично сказано. И я хотела — хотела уже давно, но в связи с этим разговором... раз уж пришлось к слову... надеюсь, вы меня правильно поймете. В общем, как ваши дела?

— Какие дела? — не поняла мама.

— Ну, с квартирой. Удалось вам чего-нибудь добиться за это время?

— Добиться? За это время? Чего я должна была добиваться? — изумилась мама.

— Ну как же. Другой комнаты для себя и сына.

По-моему, мама тут вскрикнула. Или вскрикнула, или поперхнулась, или закашлялась — в общем, звук был какой-то ненормальный. Ксения Сергеевна, кажется, испугалась.

— А что? Что я такого сказала? Чему тут удивляться?

Мама ничего не отвечала ей, смотрела прямо

в глаза и качала головой, будто говорила «нет, не может быть, не верю своим ушам». Ксения Сергеевна заметалась под взглядом моей мамы, спрятала зачем-то чашку под скатерть, снова достала, и все время старалась делать обиженное или даже слегка презрительное лицо.

— Вот вы, значит, какая, — сказала мама. — Значит, сами вы ничего не предпринимали, надеялись на меня. Прекрасно.

— Я не позволю... — начала Ксения Сергеевна.

— Зато я позволю, — сказала мама с бесповоротным выражением. — Позволю себе сказать, что сделала глупость, пустив вас в комнату, поддалась минутной слабости. Тем более, что у меня не было на это никакого права, я должна была прежде всего думать о собственном сыне, о муже, который может скоро вернуться. Но я надеялась, что это временно, что вы поймете, а вы... Вот вы попиваете теперь чай и спрашиваете — удалось ли мне чего-нибудь добиться!

— Нет, вы меня неправильно поняли... я не хотела. Вы были так добры, я думала, что и дальше...

— Да, я была добра, — сказала мама звонко, без всякого шепота. — И мне это очень нравилось. Все ругали меня, и соседи, и брат, называли дурой и тряпкой, но я только смеялась. А теперь я вижу, что они были правы. Ах, я не хочу, не хочу, чтобы они были правы. — Она вдруг тихо заплакала, я чуть не выскочил из-под одеяла. — Это вы заставляете меня поверить им и согласиться, а я не хочу! Мне это очень трудно и противно, а вы...

— Ну, хорошо, ну что вы... Я завтра же пойду хлопотать, мы посрамим и соседей и брата, как им не стыдно. Только не плачьте, голубушка вы моя, завтра же я пойду, и все будет хорошо...

— Ах, никуда вы не пойдете, — безнадежно сказала мама и вытерла слезы. — И все они были правы, кто меня ругал, тысячу раз правы. Просто не представляю, чем теперь все это кончится.

Глава 8

МЕЧТЫ, МЕЧТЫ...

Я тоже, по правде сказать, не представлял. Конечно, они никуда не переехали. Уже было лето, в школе кончились экзамены, а они все жили у нас и жили. Последняя надежда оставалась на пленных немцев, что они быстренько достроят дом и тогда всем хватит комнат. Но из этого тоже ничего не вышло. Никогда нель-

зя надеяться на немцев. В начале лета они внезапно пропали, и дом остался пустой и недостроенный, и над забором торчал начатый второй этаж с половинками окон — жить там, конечно, было нельзя.

Я уходил на улицу с утра и на целый день. Во дворе теперь нечего было делать, все куда-

то разъехались, зато на улице прокладывали газ. Весь день я сидел на горе песка рядом с траншеей и смотрел, как прокладывают газ — интереснее этого ничего я не видел в жизни. Удивительно, что никто не догадался продавать билеты на такое зрелище, я уверен, что были бы огромные очереди и колоссальный успех. Чего стоил один экскаватор! Он рычал, кусал землю, подгребал ее под себя зубчатым ковшом и доставал наверх, как поварешкой, потом весь дергался в сторону, проносил ковш высоко и высыпал его на край песчаной горы. При этом гора вблизи него тряслась и потихоньку стекала обратно в траншею. Но он быстро отползал на своих гусеницах дальше и снова грыз, подгребал и высыпал — на это можно было смотреть без конца. А если надоест, стоило повернуться и смотреть в другую сторону, откуда он приполз. Там голые по пояс плотники в белых штанах обшивали стены траншеи досками, за ними уже спускали на цепях черные трубы, залитые смолой, а еще дальше сверкала электросварка. Она сверкала так далеко, и все мгновенно делалось голубым. Голубые плотники забивали голубые гвозди голубыми топорами. Голубой экскаватор ел голубую землю. Одни тени на стенах были черными — они вспыхивали и сразу же исчезали, и потом глазам было немного больно и темно. Я очень долго мог сидеть там один, смотреть и ни с кем не разговаривать, и это было очень хорошее, нескучное одиночество.

Иногда еще, если мама давала деньги, я ходил в кино. В кино все были невероятно смелые, и я думал, смог бы я сам вот так же стрелять из пулемета, бежать в атаку и храбро сражаться штыком и гранатой? Мне казалось, что смог бы. Во всяком случае, очень хотелось смочь. Но в одном фильме, не про войну, показывали мальчишку, который бился со змеей — я бы на такое совершенно был неспособен. Он спокойно шел по своим делам, шел босиком, а змея вдруг выползла на дорогу и уставилась ему в лицо. Огромная змеиная голова во весь экран! Смотрит на тебя злыми глазами и только языком стреляет, будто облизывается. Это же такой нестерпимый ужас. И мальчишка побежал. Ему не очень нужно было идти туда, куда он шел, то есть дела у него были пустяковые — свободно можно было убежать домой, тем более, что змея за ним и не гналась. Но он вдруг остановился. Остановился и смотрит назад на змею, а змея опять во весь экран. И так несколько раз: мальчишка — змея, мальчишка — змея.

И вот этот мальчишка поднимает палку и медленно идет к змее. Боится он ее страшно, просто трясет всего, но идет. А змея припод-

нимается ему навстречу и начинает задыхаться от злобы, свистит, шипит. Он идет босиком, поднимает палку, змея его ждет, шипит — я почувствовал, что сам вот-вот сползу со стула от страха. И тут он кинулся на нее, ударил, но промахнулся, а змея быстро обвилась по палке и почти до руки, он еле успел палку отбросить, схватил другую и снова на нее. Пыль, свист, змея! Как уж он с ней дрался, не помню, я, наверное, сполз на пол и ничего не видел. В общем, он ее убил. Раздавил палкой на дороге и пошел дальше по своим пустяковым делам.

Нет, мне бы такое не под силу. Как же так? Ведь его никто не видел, он мог бы свободно убежать, и никто бы даже не узнал. Это и не трусость даже — убежать босиком от змеи. А он вот не убежал. И никто этого не видел — вот ведь в чем главная сила.

Кроме экскаватора и кино, у меня не было никаких удовольствий. Зато была мечта, единственная жгучая мечта с утра и до ночи. Чтобы Сморгыга взял меня в свою шайку-банду. Я тысячу раз представлял себе, как это произойдет, но не верил в возможность такого счастья. Вот, например, я случайно гуляю по улице и случайно захожу в тридцать четвертый дом. А в кармане у меня случайно лежит наган. Иду через подворотню, заглядываю за дрова и вдруг вижу — там Сморгыга со всех сторон окружен врагами. И они его случайно бьют.

— Стойте! Не шевелитесь! — кричу я им. Но они не боятся и отвечают:

— Еще один появился. Наверно, ему надоела жизнь.

— Если не прекратите, я буду стрелять, — говорю я.

— Мы тоже будем стрелять, — отвечают они и продолжают бить Сморгыгу.

Мне хочется оттянуть время. Хочется, чтобы они его подольше побили. И я кричу:

— Нечестно столько на одного!

Тут они не выдерживают такого оскорбления и кидаются на меня всей толпой.

Я открываю ураганный огонь.

Они открывают ураганный огонь.

Мой огонь гораздо ураганнее.

Последний враг падает, не добежав до меня каких-нибудь полсантиметра. Я подхожу к бессознательному Сморгыге, тормошу его, дергаю за уши, пока он не приходит в себя и не говорит слабым голосом:

— Это ты?.. Спасибо тебе, ты подросел вовремя. Я беру... беру тебя в свою шайку-банду. И умирает.

Или вот еще.

По бурной реке, по Неве, плывет пароход.

Кругом дождь и ветер. Я стою у борта на втором этаже и всматриваюсь вдаль. Вдали как всегда кто-то тонет. Я быстро надуваю ртом спасательный круг и кидаюсь вниз со второго этажа парохода. Я плыву к тонущему человеку и больно хватаю его за волосы. Человек кричит. Конечно, это Смoryга. Но я не обращаю внимания на его крики и слезы, плыву к берегу и вытаскиваю его за волосы на

Два раза я видел Смoryгину банду в Таврическом саду. Один раз они сидели на двух скамейках и босыми ногами швыряли друг в друга всякую дрянь, желуди, камешки, окурки — это у них была любимая игра. Вокруг скамеек было пустое безлюдное пространство, как после взрыва. Никто не хотел пройти по той дорожке. Как я мечтал быть вместе с ними. в их рядах!

песок. Из него все время льется вода, течет обратно в Неву, как новый приток.

— Это ты? — узнает он меня. — Вот ты, значит, какой. А я и не знал.

— О чем тут говорить, — отвечаю я.

В это время из дождя выходят двое милиционеров под зонтиками, один светит на нас фонарем и говорит:

— Смoryгин, это вы? Вот так удача. Вы арестованы, вставайте.

И уводят его с собой. Но Смoryга оборачивается и кричит мне:

— Прощай! Передай всем нашим, что ты теперь будешь главарем шайки-банды. Вместо меня.

Это были лучшие слова моей мечты, только непонятно, почему милиционеры не вернулись и не забрали меня тоже как нового главара. Видимо, поздно спохватились, я уже уплыл обратно на пароход.

В другой раз они неслись по саду с леденящими криками — то ли гнались за кем-то, то ли, наоборот, убегали. Этого у них никогда невозможно было понять. Вероятно, им было безразлично, кто за кем гонится — главное, чтоб была погоня. Смoryга пробежал совсем близко от меня, я видел, как он захлебывается от счастья и бешенства. Остальные тоже. Они топтали кусты, разбрызгивали лужи и свистели так, что опять от них шарахались и разбегались во все стороны.

Я вдруг тоже завизжал и понесся вслед за ними. Какое это восхитительное могущество, когда от тебя шарахаются, какой восторг!

Но он длился у меня недолго. Какая-то сторожиха сразу заметила, что я ненастоящий, примазавшийся самозванец, и выдернула меня из их толпы за рубашку, арестовала на всем скаку.

— Попался! — закричала она. — Попался, малолетний преступник!

— Так его! Так его! — закричали кругом все, кто шарахался.

— Пустите. Вам за меня отомстят, — сказал я.

Но она не пустила, а заставила меня до вечера чинить поломанные цветы и поливать садово-парковые. Были там такие растения непонятного вида. Она знала, что за меня некому мстить, вот и пользовалась. Я носил воду и чуть не плакал от обиды и несправедливости.

Глава 9

БОЙ ГЛАДИАТОРОВ

Наконец мама купила мне спортивный костюм. Без этого костюма я не мог ходить на футбол в Таврическом саду, все сразу принимали меня за обычного зрителя. Другое дело, в костюме. Если встать близко за воротами, вполне можно было сойти за брата вратаря, за запасного или за сына тренера. Шаровары были с резинкой, если оттянуть ее и щелкнуть себя по животу, все на стадионе оглядывались, даже судья. В общем, зеленый костюмчик что надо, швейной фабрики «Высший сорт».

Вокруг стадиона протекала речка, полная килек и головастика, мы их ловили иногда и пускали в банки с водой, чтобы основать зоологический кружок. Больше во всем саду не было никакой живой добычи для нашего кружка, и он сам собой разваливался, но мы каждый раз забывали и снова налавливали полные банки. Как-то неинтересно было ловить без всякой полезной цели. Только когда начинались спортивные соревнования, мы бросали ловлю и высаживались на высоком берегу речки, это была собственная трибуна нашего двора.

Теперь в костюме я впервые в жизни увидел так близко настоящий футбол солдат против моряков. Как громко они дышали на бегу — хы, хы, хы. Солдаты играли в майках, моряки, конечно, в тельняшках, и судья еле изворачивался среди них, он был беспристрастный летчик, и каждый старался его незаметно толкнуть. Все были облеплены тополиным пухом, особенно мяч. Целые облака этого пуха падали с окружающих деревьев, плавали по полю, запутывались среди штанг, на штрафной площадке. Невозможно было предсказать, какая команда сильнее. Моряки бежали очень быстро и метко били между сапог солдатского вратаря, зато у солдат был страшный удар пыром, они могли добить до моряцких ворот с любого конца поля, если бы им дали мяч и

Мне давно хотелось поработать в Таврическом саду, это было бы настоящее удовольствие для прежнего меня, для неарестованного. «Ломать — так мастера, портить умеете, а работать небось неохота? Не любишь работать, по глазам вижу, что не любишь», — говорила она. Попробовал бы кто так со мной обращаться, если б я был в шайке-банде. И как она только догадалась? Нет, никогда я так не мечтал о могуществе и бессмертии, как в тот несчастный вечер.

позволили спокойно прицелиться. Моряки пустились на любые хитрости, чтобы этого не допустить. Что и говорить, это была настоящая игра, не какой-нибудь пуговичный футбол и братья Красенькие.

С самого начала я чувствовал нестерпимый зуд и желание броситься на мяч, схватить его руками. Мне казалось, будь у меня собственный футбольный мяч, я бы ложился с ним спать под одним одеялом, ходил бы в кино и театры. Дядя Павел говорил, что у меня врожденный вратарский инстинкт, как и у него.

Это было настоящее мученье, бороться с инстинктом. Никакой надежды на победу. В любой момент я мог сорваться и выскочить на поле. Я прыгал в ауте и щелкал резинкой, переступал черту и тут же выдергивал ногу назад, как из кипятка. Какой-то мальчишка перестал смотреть на футбол и уставился на меня, и я тоже уставился на него и, не видя мяча, понемногу успокоился.

Не скажу, чтобы он мне сразу не понравился. Даже наоборот. Я всегда хорошо отношусь к рыжим, потому что неизвестно еще, что хуже — быть рыжим или чтоб тебя куда не принимали. Этот был рыжий до неузнаваемости, не знаю, стал бы я с ним меняться.

Потом я о нем забыл. Зашел за ворота и стал смотреть на поле, вцепившись в сетку, как настоящий малолетний преступник. Так мне гораздо легче было бороться с инстинктом. Прямо передо мной прыгал солдатский вратарь в распушенной гимнастерке (тот самый, которому я, может быть, брат), и я его каждый раз громко предупреждал, в какое место сейчас забьют следующий гол. Слишком я увлекся этими предупреждениями, не чувствовал, что сзади на меня ни с того ни с сего тихо напали. А когда почувствовал и оглянулся, было поздно — он уже убежал.

Это был тот самый рыжий мальчишка,

Что он там делал за моей спиной? Я побежал за ним, чтобы узнать, и тут же растянулся, запутавшись в штанах, в своих чуждых зеленых шароварах. Он перерезал мне щелкальную резинку, негодяй!

— Презренный трус! — заорал я (или еще какую-то грубость в этом роде) и помчался за ним. Шаровары приходилось держать рукой, но я несся с огромной скоростью, меня гнала настоящая сила ненависти. Ну, погоди, мало тебе, что рыжий, еще захотелось! Я тебе покажу! Испортил мне новый костюм, как предатель, получишь теперь у меня!

Скрыться ему было невозможно, сверкал своей головой издали, как сигнальный огонь. Вот он близко уже, сейчас я его настигну! Ага, устал уже, садится на скамейку — сейчас, сейчас начнется расплата.

И тут кто-то передо мной внезапно возник. Прямо-таки вырос из-под дорожки. Я чуть не врезался головой.

Это был Сморгыга.

Нет, он не тонул в реке, его не били враги и не арестовывали милиционеры. За его спиной была видна вся шайка-банда, они смотрели на меня молча со своих двух скамеек, и рыжий тоже был вместе с ними, а народу кругом никого, как выжженная пустыня. Значит, я с разгона залетел в самое их логово.

— Маленьких бить, — сказал Сморгыга и пошел на меня. Остальные тоже встали и пошли окружать меня. Видимо, все это у них было отработано заранее, чтобы уж не оставалось никакой надежды на спасение. Я только успел подумать, что мама будет очень беспокоиться и хорошо бы написать ей записочку, но меня уже совсем окружили.

— Ата! — закричал вдруг кто-то и все на рушил. — Сморгыга, ата! Он с ножом!

Сморгыга отпрыгнул назад и крикнул:

— Ты что? Бросай нож! Бросай, не то хуже будет!

— Да что вы. Какой нож, — сказал я и убрал пустую руку из-за спины. Шаровары, конечно, сразу упали.

Все же я не понимаю — это что, действительно так смешно, когда у человека падают штаны? Не такой уж это редкий случай, в бане, например, никто не придает значения таким пустякам. Может, они и в баню не ходят уже? В общем, хохотали они страшно, некоторые старушки на далеких скамейках встали и отсели еще дальше. Выжженная пустыня вокруг будто еще больше выжглась от их смеха. Они катались по скамейкам, визжали, обнимались, хотя я уже давно поднял штаны и подвязал их веревочкой. Наконец, Сморгыга взял себя в руки и сказал:

— Ну, все, амба. Конец. Раз так — Рыжий, иди сюда. Ты ему штаны перерезал?

— Я, ну да, я! — закричал Рыжий. — Кто же еще другой!

— Молоток! Рыжий сегодня молоток. Но и ты, — он ткнул в меня пальцем, — ты тоже молоток. Значит, вам нужно стукнуться. Молоток с молотком, а мы посмотрим. Валяйте. Начали.

Вся шайка-банда встала вокруг нас кольцом. Рыжий тоже хотел встать в круг, но его вытолкнули вперед. Видно, ему очень не хотелось стукаться, он никак не ожидал такого оборота. Глядя на него, у меня тоже пропала вся сила ненависти, даже жалко его стало. Почему-то мне представилась одна нелепая вещь — как он лежит ночью в кровати и смотрит в потолок. Долго лежит и не засыпает, вспоминает свою несчастную жизнь. Я ведь тоже так лежу и довольно часто. Только что потолок другой и следы фонарей на нем другие, а так никакой разницы; а штаны я почию, продерну резинку булавкой и завяжу, мама даже не заметит, и не будет ей лишних огорчений, и мы все вместе с Рыжим будем ходить на футбол, и все будет отлично и дружно и хорошо...

Тут он как раз на меня кинулся. Завизжал для храбрости и полез, тыча вперед кулаками — я еле успел увернуться. Но он сам почему-то упал — упал и смотрит на свою шайку-банду. А они ничего. Тогда он снова кинулся на меня и снова сам упал, кричит, что я ему ножку подставил. Тут я только понял! Он нарочно притворялся, хотел, чтобы они меня исколошматили всем скопом за нарушение правил. Сам же мне костюм испортил, мама старалась, покупала, а теперь еще так притворяется — ну, как я его возненавидел в тот же момент. И только он на меня кинулся третий раз, я ему так звезданул, что он уже по-настоящему заверещал, прикрыл лицо руками и сонулся аж до коленок.

А потом полез в карман и достал бритву.

Он шел на меня, неся впереди бритву.

Он замотал руку платком, чтобы не порезаться самому, а только меня.

Он был еще больший мерзавец, чем Сморгыга.

У меня бритвы, конечно, не было, и я посмотрел на них — неужели они позволят ему сейчас так нечестно меня резать. И сразу понял, что позволят. У них даже глаза сверкали от нетерпения, плевать они хотели на всякие правила. Я вспомнил мальчика со змеей и еще Мишку Фортунатова — вот бы где пригодилось его геройство с острой шпагой. Мне было так страшно, так не хотелось уми-

рать, наверно бы, я убежал, как последний трус, но бежать было некуда, они бы меня ни за что не выпустили.

Когда мы сцепились, я сразу схватил его за руки и повалил. Мы катались по земле, он вырывал несколько раз руки, но я каждый раз находил их снова в нашей свалке и схватывал и все время старался прижиматься к нему лицом, чтобы он не порезал мне глаза. Мы оба визжали, плакали и рычали, вся шайка-банда прыгала и кричала: «так его! кусай! руби!». Это был настоящий бой гладиаторов не на жизнь, а на смерть. Мы катались до тех пор, пока не закатились под скамейку. Я быстро выскочил, а он не успел и начал ползать под скамейкой, пытаясь порезать меня оттуда. Это уже была с его стороны настоящая глупость, ошибка слепого бешенства. Я упал ему на руку обеими коленками, отнял бритву и искромсал ее в мелкие клочки.

Какая это была победа!

Меня всего трясло, и я думал только о том, как бы мне не заплакать, смелому победи-

телю. Рыжий лежал под скамейкой один и непрерывно кричал «ой-ой-ой», будто не он только что собирался меня порезать. Я мог бы избить его ногами, мог придавить скамейкой — я все мог. Меня просто распирало от счастья и могущества, я не знал, что мне делать дальше, с кем еще следующим драться.

— Молоток, — сказал Сморыга, — парень-гвоздь, — и хлопнул меня по шее. — Завтра возьмем на дело.

— Свой в стельку, — закричал Сережа-Вася и щелкнул меня по лбу. Так больно щелкнул и улыбается, будто пошутил.

— В стельку сквозь петельку, — пошутил я в ответ и толкнул его в поддых. Он попробовал еще раз улыбнуться, но не смог, видимо, я ему метко попал, в самое сплетение.

— Атанда! — закричал вдруг Сморыга. — За мной! Рви когти!

И все бросились бежать.

Я, конечно, побежал с ними.

Мы неслись, как буря, как конная атака, как

трамвай, опрокидывали скамейки, топтали цветы и с корнем вырывали садово-парковые. Кажется, за нами гнались и свистели, но куда им! Снова все шарахались от нас на газоны, и я бежал вместе со всеми, я уже был в шайке-банде. Вот мелькнула та самая сторожиха, которая меня схватила тогда — теперь она уже не посмела встать на моей дороге, только дула неслышно в свой свисток. Она видела, что я

уже настоящий преступник, что со мной шутки плохи. И пусть, пусть преступник! Я тоже буду теперь ходить с бритвой, тоже сделаю острую шпагу — чем я хуже? Раз они так, то и я так. Вот оно, настоящее могущество! Свистит ветер, мы мчимся, Сморяга впереди, и никто не смеет меня тронуть, а я победил рыжего, и завтра меня возьмут на дело — и пусть, и пусть, и пусть!

Глава 10

СВОИМИ ГЛАЗАМИ

Я смотрю вдаль из поезда.

Я вижу, как в этой дали по всему небу от края до края окна ходят дожди. Они сталкиваются, собираются в темную толпу, из них вполне уже может выйти гроза, но они все чего-то ждут, не начинают. Еще слева толчется маленький дождик, которого не взяли. Он вдруг срывается, несется нам наперерез и пропадает, видно, ждет впереди на рельсах. Ага, вот и лужи, и мокрая трава. Значит, он нас не дождался, вылился на пустую землю. А мы себе едем дальше в лагерь.

Я думаю теперь о дожде. Мне вдруг становится непонятно, почему он идет или не идет. Хорошо, пусть капли тяжелые, пусть они падают вниз, раз уж такой закон природы, ну а раньше? Что они там делали и за что держались наверху? И как им удалось туда подняться? Вода нагрелась, испарилась, пар собрался в облака, облака в тучу — вот вам и дождь. Это я уже знаю, слышали. Но как же она испарилась — море-то не кипит. Сколько морей надо кипятить, чтобы нагонять такую прорву облаков на каждый день. Нет, я отказываюсь верить. Я не видел кипящих морей, я вообще не видел никаких морей, но как они держатся на земном шаре и не разбрызгиваются от его знаменитого вращения, это мне уже и сейчас заранее непонятно, и никогда, видимо, не понять. Я и этому отказываюсь верить. Не верю я, что есть неразбрызганные моря.

Вода кипит в паровозе, вот где, в том самом, который везет нас в лагерь. Это мне совершенно ясно. Паровоз оставляет за собой белое облако, мы под ним проезжаем, и я вижу его — вот, значит, откуда они берутся. Но облако такое мягкое, а паровоз такой твердый — как оно может сдвинуть его с места и гнать вперед, а за ним и весь наш поезд? Как это может случиться? Нет, я не верю этому. Облако не может дотолкнуть наш поезд до далекого лагеря. Я не верю, что мы едем в лагерь.

Но мы все же едем, с этим ничего не поделаешь. Я спорил, я отказывался, я не хотел брать путевку, но мама опять вела себя бесповоротно. «Почему? — спрашивала она, — почему ты не хочешь?» — и я умолкал. Я не мог сознаться ей в шайке-банде и в том, что завтра меня возьмут на дело, неизвестно, как бы она к этому отнеслась. Она и так успела заплакать, пока я не согласился.

— Ты испортил мне все удовольствие, — сказала она.

— Ты мне тоже, — ответил я.

Она подошла ко мне, обняла за голову и вдруг вскрикнула.

— Что это? Кровь! Откуда?

И правда, у нее на ладони была кровь. Значит, рыжий все же полоснул меня, а я и не заметил.

— Пустяки, — сказал я. — Это из меня. Не волнуйся.

Я вывернул назад руку, чтобы пощупать, и тут так больно стало под лопаткой — я уронил руку обратно, и не мог ничего больше выговорить. Рот вполне открывался, но звук не выходил, а если выходил, то совсем не тот, какой я хотел, будто забыл все буквы и начала слов. То есть глупо было бы говорить, что я не заплакал, что по лицу у меня ничего не текло. Не знаю, как это получилось. Слишком много всего накопилось за день, самых невозможных потрясений, просто сдала нервная система, а я ничего. Я плакать не хотел, мне это вовсе не было нужно (ведь все уже позади), а если нервная система сдала, так я не виноват.

Конечно, врет Ксения Сергеевна, что я дитя войны и экзальтированный, но за нервы свои человек отвечать не обязан — это точно. Так мне хочется думать.

Я снова смотрю вдаль из поезда. С высокой насыпи земля видна далеко, дальше горизонта, и я сам теперь вижу, как много места повсюду занимала война. Мы едем уже час и два, дожди разбрелись из своей толпы и по-

одиночке поливают наши вагоны и рельсы, потом снова светит солнце среди облаков, а на всей дальней и ближней земле проплывают окопы, воронки в траве, драконовы зубы, колючая проволока — на всей, насколько видно, земле. Как же это возможно? Если бы сосчитать по порядку номеров всех солдат первомайского парада и каждый из них занял бы один окоп или один блиндаж, это была бы капля в море. Откуда же взялось столько наших солдат, чтобы вырыть все эти окопы, построить блиндажи, надолбы и драконовы зубы, а потом сражаться, защищать их и снова наступать вперед на врага — ура, в атаку, за мной! И неужели, если б мы ехали дальше, до самого Берлина, то всюду были бы те же окопы, проволока и обломки танков, пушек и самолетов. Нет, это невозможно себе предста-

вить при помощи газет и фантазии, надо действительно сесть в поезд и ехать и ехать, смотреть и смотреть. Как это не похоже на старинные войны, когда оба войска собирались в условленный день на одном Куликовом поле, русские громили своих врагов и потом снова могли спокойно жить и развивать во все стороны свое государство.

Я впервые из поезда понял, какая она была огромная, эта война, какая отечественная. И теперь мы едем в лагерь, и на откосе стоит самая длинная немецкая пушка, она будто сползает на нас и целится черным дулом, а нам не страшно.

— Пушка, видали пушку! — кричим мы, отталкиваем друг друга от окон и смеемся — нам смешно.

Глава II НОВЕНЬКИЙ

Потом оказалось, что все в нашем вагоне знают друг друга, как зовут и другие приметы, а я один никому не известный новенький и сам тоже никого не знаю. Новенькие, я замечал, что бы ни делали, все получается очень глупо: они могут петь вместе со всеми, притворяться, будто кто-то их здесь знает, или, наоборот, не петь, могут изображать презрение, смотреть в окно, читать книгу — все будет одно глупее другого. Некоторые это понимают и сразу лезут драться. Другие достают из кармана какую-нибудь увлекательную вещь, например, шариковый подшипник, и крутят его на пальце, ждут, чтобы к ним сами подошли и напросились. Еще я знал одного чудака, который, как вошел во двор, сразу начал со всеми по порядку знакомиться: «Толик Семилетов». Так что я не очень переживал — новенький, так новенький, глупо, так глупо. Непонятно только, когда они все успели так переизнакомиться. Знали друг друга насквозь.

— Харитон, — кричали, например, из угла. — Иди с нами в города играть.

— Не пойду, — кричал тот, кто оказывался Харитоном. — У вас атлас, вы по атласу жили!

— Девочки, девочки Крюковы! А почему это вы не поете?

— А потому что ты, Боярская, очень хитрая, мы с тобой петь не будем!

— Регина Петровна, Волков еще хуже хулиганит, еще хуже, чем обычно.

— Волков, иди сюда, не прячься!

— И Семечкин хулиганит!

— И Котька Деревянко!

— И Антонов!

— И Горбачев, — закричал я неожиданно. — И Горбачев хулиганит!

И чего это меня дернуло. Все замолчали и начали оглядываться — конечно, никто не знал, кто такой этот неизвестный.

— Кто меня звал? — спросил я тихо под стук колес. — Это я и есть Горбачев.

Меня рассматривали в тишине, как покойника, выглядывали друг из-за друга, кто-то пощупал пальцами мою рубашку. Вот клянусь, в следующий раз, если увижу где новенького, подойду к нему и скажу: «Слушай, плюнь ты на них на всех. Меня зовут Боря Горбачев, а тебя?» Уж очень противное это одиночество, совсем не то, что на песчаной горе рядом с экскаватором.

— Никто не звал тебя, — приветливо сказала Регина Петровна. — Тебе послышалось.

— Но я и есть Горбачев, — сказал я настойчиво, пробираясь к ней поближе. — Это можно легко доказать.

— Знаю, знаю, ты записан в моих списках.

— А можно посмотреть? — спросил я.

Она показала мне тетрадку, и я увидел там свою фамилию и сразу успокоился. Не где-нибудь в стороне или на обороте, а в самой середине списка, одиннадцатый номер.

— Как интересно, — сказал я.

— Теперь поверил? — спросила она.

— Да, — сказал я и сел рядом с ней.

На меня опять не обращали внимания, но я думал, что все равно, теперь я без меня не обойтись — надо же кому-то быть одиннадцатым номером. Не может быть, чтобы шел де-

сятый и сразу за ним двенадцатый. Значит, я необходим. Теперь я мог без всякой зависти слушать их разговоры и запоминать понемногу, как кого зовут, чтобы потом незаметно подружиться.

Девчонки больше всего кричали про Волкова.

— Регина Петровна, — кричали они, — а Волков опять глупости говорит! Волков такое сказал, что Боярская заплакала.

— Волков, явись сюда, Волков, — позвала Регина Петровна. — Что ты ей такое сказал?

Волков явился к ней по проходу, прикрываясь тюбетейкой со смеху. Он смотрел на нее, выставив глаза над краем тюбетейки, и она тоже смотрела на него, и оба они смеялись, еще ничего не сказав, видимо, не могли уже без смеха смотреть друг на друга.

— Я ничего, — сказал Волков, весь трясаясь. — Котька, скажи? Я только сделал вот так и стал просить, как нищий.

Он закатил глаза, протянул вперед тюбетейку и прошелся взад-вперед по проходу, подтягивая ногу руками, как хромым — мы так и покатались.

— А пусть скажет, что он просил, пусть скажет, — закричали девчонки.

— И скажу! Боярская, сказать?

— Нет! — закричала Боярская. — Ни за что, не смей!

Волков подошел к Регине Петровне и тихо пропел ей в самое ухо (но я-то слышал):

— Потанцуем вечером, потанцуем вечером!

— Бессовестный, бессовестный, — закричали девчонки.

— Свести, свести, — забормотал Волков и захромал на них, протягивая вперед тюбетейку. Девчонки разбежались.

— Ну, Волков, ну, перестань, раз им обидно, — упрашивала Регина Петровна, но от смеха никак не могла рассердиться, только хлопала по скамейке рядом с собой.

Волков посмотрел на нее нормальным лицом, потом снова скривился и начал кланяться на все стороны и благодарить:

— Спасибо, граждане, век не забуду, спасибо. А сейчас будет исполнена песня.

И он запел:

*— Эх, мчитса-мчитса, эх, скорый поезд
по сто семнадцатой, эх, версте,
а кочегару, эх, молодому
кричит кондуктор, эх, на мосте...*

И вдруг перестал. И ушел один к окну. Я смотрел за ним все время, боялся пропустить что-нибудь интересное, но он не шевелился и молчал в самое стекло. Так и не сказал больше ничего и не засмеялся за всю

дорогу. Его звали, а он не оглядывался, прижался носом к стеклу, будто он, а не я был настолько новенький и одинокий.

На нашей станции вместо перрона росла высокая трава, мы отпускали поручни и прыгали в нее сверху вместе с мешками и чемоданчиками. Внизу в траве нас поджидал человек, ростом со статую спортсмена в Таврическом саду, одетый в майку с синим ромбом и перечеркнутой буквой «Д» — «Динамо». Наверняка он был физрук. Он хватал нас по двое и выстраивал парами вдоль вагона.

— Смелей, смелей! — кричал он. — Прыгай. Становись. Пятки вместе, носки врозь. Стройся!

Я нарочно прыгнул перед Волковым, чтобы попасть с ним в одну пару, но он застрял в дверях вагона, кинул на землю мешок и опять начал чего-то изображать — сделал вид, что будет нырять, как купальщик.

— Что ты задумал?! — закричал физрук и стащил его с подножки.

— Там утопленник! — кричал Волков, вырываясь и показывая на меня. — Спасите его, его надо спасти!

— Ладно-ладно, кончай свои шутки, — сказал физрук и поставил нас в одну пару.

— Земля! Мы спасены, — зашептал Волков, хватая меня за руку. — У тебя есть спички?

— Нет, — сказал я. — Только дома, на кухне.

— А карта острова у тебя? Не подмокла?

— Какая карта?

— Брось прикидываться дурачком. Со мною шутки плохи.

— Да не было у меня никакой карты.

— Ты что? Забыл, что стало с одноногим шкипером?

— С одноногим?

— Ну да.

— Шкипером?

— А, чего с тобой говорить, — махнул он рукой и отвернулся.

Он был великий мастер отворачиваться.

Где-то впереди застучали в барабан, и мы пошли по песку мимо садов и заборов. Сады свешивались далеко на улицу. Впереди несли знамя, знамя задевало за ветки и наклонялось назад, и ветки потом еще долго раскачивались над нами. Я поглядывал на Волкова, но он на меня не смотрел, а все вперед и вперед. И на-свистывал что-то и перепрыгивал и подбирал что-то с земли, хоть там ничего не было. Мы уже прошли последний дом станции, вышли на шоссе, на булыжники, а он все молчал.

— Слушай, — сказал я наконец, — если хочешь, я пойду эту карту.

— Чего? — спросил он.

— Я не хочу, чтобы со мной было, как с одноногим шкипером.

— Да ну, — сказал он. — Я уже забыл.

Видно было, что ему со мной скука смертная.

— Тогда представь еще кого-нибудь, — попросил я. — Самого смешного.

Он ничего не ответил, но посмотрел на меня прямо-таки с презрением. А что я такого сказал? Просто мучение с ним было, не угадать, что ему понравится, а что нет. Хоть иди и молчи всю дорогу.

Теперь мы шли по открытому месту между полем и березами. Березы были очень гладкие, будто лакированные, и под одной стояла Регина Петровна и спрашивала:

— Не устали? Не захромали? Может, отдохнем?

Но никто не сознавался, что устал.

Волков вдруг начал оглядываться и делать над головою знаки. Сзади в ответ прилетели две шишки, и тогда он закивал, повернулся ко мне и зашептал:

— Меняться давай? Ты туда, а Котька сюда. По команде — бенц. Тебе же все равно, а нам нет — мы друзья.

Я хотел ему сказать, что мне тоже не все равно, что я хочу с ним, и чтобы тоже дру-

зья — что он не видит, что ли? Но он и не смотрел на меня. Он замахал рукой, и Котька выбежал из своей пары. Теперь мы шли рядом втроем — я, Волков и Котька.

— Ну что же ты? — зашептал Волков. — Отваливай!

— Я не уйду, — сказал я.

— Деревянку, — позвала Регина Петровна. — Иди строем!

— Сейчас-сейчас, — ответил Волков. — Отвалишь ты или нет?

— Не отвалою, — сказал я. — Назло не отвалою.

— Деревянку!

— Ну, я пошел, — сказал Котька и повернулся назад.

«Что я наделал, — подумал я. — Что я наделал».

Я боялся посмотреть на Волкова. Он был ниже меня и совсем не сильный на вид, но я его боялся. Впереди затрубила труба, мы вышли из-за берез и увидели за рекой флаги над лагерем, и тут он сказал очень спокойно и будто бы не про меня:

— Сначала я не думал, что ты такой.

И больше ничего. Потом мы вошли в лагерь.

Глава 12

ЛЕС

Лес, лес, лес! — никогда я еще не видел такого леса. Из него можно было бы вырезать тысячу Таврических садов, каждому городскому школьнику достался бы огромный сад со своим входом и выходом, и сколько же друзей поместилось бы в гости в таком саду? — я думаю, целая школа народу, не меньше. Мы шли по лесной дороге, шли медленно, потому что там возили солому, и эти возы с соломой ползли спереди и сзади, как поршни в туннеле, а мы все главели по сторонам и рвались убежать через просветы в деревьях.

Кругом был лес муравьев, потом начался лес птиц. Муравьи смотрели на нас из муравейников своего леса, бегали по деревьям, по листьям, падали на дорогу, чтобы нас укусить, но в общем-то относились к нам равнодушно, только как к еде. Зато птицы подняли такой крик, будто мы пришли и сразу исковеркали им всю жизнь, они пищали, каркали, гыкали, трясли над нами ветки, залетали между рядами, а мы уворачивались, подпрыгивали за ними и передразнивали, махая руками. Возы ползли из солнца в тень и снова на солнце, соломины высыпались из них по одной, падали нам под ноги и повисали на

ветках и сверкали там, как елочные украшения, и вот наконец слева открылась свободная дорожка, мы свернули на нее и бросились врассыпную, будто занимать места, будто в таком лесу могло чего-то не хватить.

Регина Петровна громко звала нас назад — успокоиться и поговорить, но мы не могли успокоиться и не хотели говорить. Нам надо было что-то поскорее сделать со всеми этими соснами и березами, мхами и лишайниками, с грибами, травой, с болотами, кочками, с паутиной, натянутой, как мишень, с пеньком, облипшим смолой и опилками, с кустами черники, похожими на маленькие яблони с синими яблоками — но что? что с этим нужно делать?

Я выскочил на какую-то поляну, посыпанную желтыми цветочками, и увидел на ее краю один большой и красный.

— Эй! — закричал я. — Сюда смотрите, сюда!

Но никто не прибежал на мой крик, каждый сам кричал «смотрите, смотрите!». Я мучился с этим цветком в одиночку. Я приседал и заглядывал на него снизу, я трогал его пальцем, наклонял к земле, а он снова распрямлялся

наверх, я нюхал его, я дул на него, как его собственный отдельный ветер, но все это было не то. Может быть, мне было бы легче, если б я знал его название, но я не знал его названия. Тогда я сорвал его и понес кому-нибудь дарить, но мне жалко было его дарить.

Потом я незаметно оборвал на нем все листья.

Потом стебелек.

Потом забрал в рот и пососал.

Потом оторвал один лепесток и осторожно покусал его зубами.

Потом все остальные.

Потом съел то, что у меня осталось.

После этого я лег спиной в траву, раскинул руки и лежал там, как самый пьяный человек, голова у меня болела и кружилась, во рту было горько, и я не помнил, откуда я сюда свалился, что на мне надето и из какого я отряда, не соображал, что мне делать дальше и нужно ли вообще что-нибудь делать или только лежать так и смотреть, не отрываясь, на лесное небо.

Глава 13

ВОЛКОВ

В лесу было очень хорошо и каждый день по-новому, но в перерывах мы все же выходили из леса в лагерь, чтобы поесть или позаниматься спортом под командой Коминтерна Сергеевича, нашего физрука. Он становился на краю стадиона и кричал в синий рупор между деревьями: «Прыгуны, сюда!», и все прыгуны

сбегались к нему с разных концов леса и прыгали один за другим все выше и выше, а потом все ниже и ниже, и когда они уже ничего не могли перепрыгнуть, он прогонял их обратно в лес и вызывал, например, бегунов, и бегуны бегали у него по прямой дороге-туннелю, увешанному соломой, все быстрее и быстрее, а потом все медленнее и медленнее, если смотреть по секундомеру, и так было со

всеми. Я был записан в секцию футболистов, во вратари, и Коминтерн Сергеевич с первого удара подтвердил, что у меня безусловно инстинкт и что он из меня душу вынет, мне это так даром не пройдет. Он гонял нас по стадиону до потери сознания, и каждая тренировка кончалась тем, что, упав на мяч, я вдруг чувствовал, что не могу уже подняться, и просил какого-нибудь знакомого выкатить меня подальше из ворот, чтобы дать место следующему.

А знакомых у меня теперь был полный лагерь, куда ни повернись, всюду они мелькали, за редким исключением. Уже на второй день после приезда с утра я перестал быть новеньким и знал всех в нашем отряде, и меня тоже многие знали и запросто звали Горбачом. Мы сидели в столовой за пустыми еще столами без завтрака и от нечего делать кричали друг другу:

— Антонов!

— Чего тебе?

— Ха-ха. Ничего. Проверка слуха.

И меня тоже кто-нибудь звал:

— Горбачев! — и я с удовольствием отвечал «чего?», хоть заранее был уверен, что тоже ничего серьезного — такая же проверка. Сначала мне это очень нравилось, но быстро надоело. В общем-то, явная глупость. Я начал незаметно оглядываться, искать, где Волков и, интересно, злится он еще на меня или забыл. Они с Котькой сидели впереди, кашу им уже принесли, и они кормили друг друга с закрытыми глазами.

Нет, лучше они бы сразу опрокинули на голову всю тарелку!

Невозможно было смотреть, как каша течет у них по щекам и подбородкам, а они все тычут друг друга ложками в нос, глаза, в шею — весь их стол колотился головами и плакал от смеха, пока Регина Петровна не прогнала обо-

их умываться. На Волкова умывание никогда не действовало, он его ничуть не боялся. Его посадили за отдельный стол, и он сидел, вроде бы тихий, наказанный, и смиренно ел из новой тарелки, но только Регина Петровна отворачивалась, он доставал зеркальце и начинал пудриться. Он макал в солонку скомканный платок, потом дул на него и хлопал себя по лицу, заглядывал в зеркало, закатывал глаза, надувал щеки — мы уже не могли, мы визжали и зажимали друг другу рты, а Регина Петровна оглядывалась и ничего не могла понять! Наконец, двое поперхнувшихся встали со своих мест и красные и согнутые ушли кашлять в лазарет, только показали Волкову кулак по дороге. Регина Петровна убежала за ними, потом вернулась и сказала:

— Волков, Волков. Ну что мне с тобой делать? Поставь себя на мое место.

Волков вздохнул и покачал головой, будто хотел сказать, что он, конечно, виноват и готов на всякие мучения, лишь бы не становиться на ее место.

— Иди в палату. Ты останешься без купанья, — сказала Регина Петровна и отвернулась от него.

Волков встал, забросил себе на голову отсиженную тюбетейку и ушел. Он никогда не спорил и не кричал, как другие, «а что я сделал?», «а докажите, что я?», «а вы видели?», сразу соглашался и шел, куда велели, даже если и правда не он.

Но такого никогда не бывало, почти всегда был «он» или из-за него. Он без конца чего-нибудь выдумывал и изображал, но даже если он говорил серьезно, все по привычке

покачивались, так что серьезно он мог говорить только с Котькой Деревянко — Котька был совершенно несмеющийся человек и засматривался на всех не хуже Толика Семилетова. Регина Петровна если хотела Волкова страшно наказать, то рассаживала его с Котькой, и он этого очень боялся, но однажды она придумала наказание еще страшнее и за сущие пустяки — за вопрос.

Была лекция у костра о международном положении Бразилии, и когда лектор кончил, он долго умолял всех задать ему какой-нибудь вопросик.

— Неужели я так понятно все рассказываю? — говорил он. — Разве вам все уже ясно? Нет, не может быть, чтобы ни у кого не было каких-нибудь сомнений или вопросов.

Но все молчали, только Котька Деревянко тихо сказал:

— Вопросов нет, одни ответы.

Наконец, Волков поднял руку, и лектор ужасно обрадовался:

— Ну-ну, давай, мальчик! Не стесняйся.

— А я и не стесняюсь, — сказал Волков. — Вот вы здесь в одном месте сказали — «стереть с лица земли». Хотелось бы узнать поподробнее про это. То есть про лицо земли. Что это такое и где оно находится.

Тут мы, конечно, покатались. Может, и ничего смешного, но мы уже просто не могли слушать его без смеха, а лектор обиделся, и вот за такую ерунду, за вопрос, на следующий день Волкова послали в детский сад. Мол, еще не дорос до пионерского лагеря, пусть поучится вести себя у детсадников.

Это нужно было додуматься до такой жестокости!

— Да он не дойдет до сада, — сказал Коминтерн Сергеевич. — Вон, сейчас свернет за угол и убежит. А потом наврет.

— Нет, вы не знаете, — сказала Регина Петровна. — Это исключительный мальчик, с настоящим чувством собственного достоинства. Я голову даю на отсечение, что он не убежит.

— Да знаю я его. Как бы его и правда в скором времени не исключили, такого исключительного.

— Нет, я не позволю, — сказала Регина Петровна. — Только через мой труп.

Вот всегда они так — «исключительный, через мой труп», а сами что делают? Волкова, моего Волкова засадить в детский сад! Правда, он был никакой не мой и даже не хотел идти со мной плечом к плечу, но я подумал, что теперь как раз самое время забыть об этом, и если я побегу к нему и попробую как-нибудь выручить, спасти из плена, мы убежим на целый день вместе в лес и там, хочешь не хочешь, навсегда помиримся.

Детский сад был на самом краю деревни, он, видимо, строился нарочно для побегов — спиной к лесу. Я прополз через бузину к забору и начал высматривать. Сразу за забором стоял ящик, и на нем, вытянув голову, лежала кошка, черная и толстая, как тюлень. Она мигнула мне одним глазом, но ничего. Дальше шли клумбочки, дорожки, потом гора песка, и под этой горой копошились все детсадники в белых колпаках, рыли подкоп для Волкова, так я подумал сначала. Волков сидел в стороне на корточках перед одним очень зареванным и разговаривал с ним серьезно как никогда ни с кем:

— Ну, Миша, — говорил он. — И что же ты, Миша, не плачешь? Стоишь на земле и не плачешь? Это на тебя не похоже. Разве тебе не больно? И дышать тебе не больно? Как же так? А смотреть? Тоже не больно? Просто удивительно.

И не скучно ему было с ними возиться. Потом прибежала еще какая-то лилипутка и начала совать ему под нос зажатый кулачок и строить гримасы.

— Ага, — сказал он. — Ты поймала медвежонка. Или воробья?

— Нет, — сказала она и разжала пальцы. — Не воробья.

— Ого, какой мотылек! Очень странный, я таких никогда не видел. Должно быть, он еще

не известен науке, а? Наверно, ты первая поймала такого мотылька.

— Нет, — снова сказала лилипутка, но было видно, что ей бы до смерти хотелось. Я глядел на Волкова и ничего не понимал. Или он притворяется, или ему и правда было так весело и интересно.

— Волков, — позвал я. — Эй, Волков!

Он увидел меня и пошел к забору, улыбаясь, будто мы с ним и не ссорились никогда. Он, по-моему, никогда не помнил, с кем он ссорился, а с кем нет.

— Видал, — сказал он и кивнул назад. — Искатели клада. Ищут наперегонки мою тапку, которую я зарыл. Умора.

Детсадники пыхтели и зарывались все глубже каждый в свою пещеру.

— Брось ты эти глупости, — сказал я. — Бежим, пока никого нет.

— Куда?

— Как куда? В лес, на речку, на станцию — куда хочешь.

— Видишь ли... я, пожалуй, никуда сейчас не хочу.

— Нет, хочешь. Не можешь ты не хотеть. Хочешь и боишься.

— Ты так думаешь?

— Да-да, боишься. Достоинства своего жалеешь.

— Какого еще достоинства?

— Своего, собственного. Я все знаю.

— Слушай, а ведь я тебя сюда не звал.

(Это верно, он никуда ни разу не позвал меня.)

— Ладно. Волков, ну я тебя прошу — давай убежим пока не поздно.

— С тобой? — спросил он и сразу же отвернулся. И я увидел, что он действительно не хочет никуда убегать, особенно со мной, что ему без меня было гораздо лучше. Вот он смотрит в сторону на кошку, скушает и только ждет, чтобы я ушел.

— Я ухожу, — сказал я. — Ты еще пожалеешь.

— Нет, — сказал он. — Наверяд ли.

— Я всем расскажу, чем ты тут занимаешься.

Он повернулся и пошел к горе. Ему наплевать было, что о нем станут говорить, наверно, это и называлось «достоинством». Действительно, на ноге у него мелькала только одна тапка.

— Испугался, — крикнул я ему в спину. — Струсил! Я тебя презираю.

Но это уже было чистое вранье.

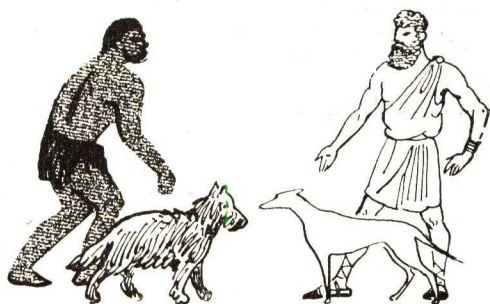
Окончание следует

ВВЕДЕНИЕ В СОБАКОВЕДЕНИЕ

Огден Нэш

США

Собака — лучший друг человека,
Начиная с неандертальца и древнего грека.
У собаки есть хвост с одной стороны;
С другой стороны — зубы видны.

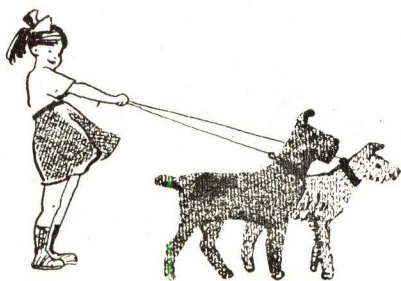

Темнота псам представляется раем,
Что по ночам подтверждается лаем.
Лай удерживает на почтительном отдалении
Взломщиков, а также сон и сновидения.

Собака в жару и в зимнюю стужу
Стремится из дома выйти наружу.
Идеал собаки вне дома — в том,
Чтоб ее впустили обратно в дом.

Все расходы псы с лихвой окупают,
Но ворчат недовольно, когда их купают.
Под кроватью они зарывают кости,
Песьей злости способствуют трости и гости.

Собаки всегда утешают стонущих.
Собаки исправно спасают тонущих.
Они же пачкают в доме паркеты
И в клочья рвут пиджаки и жакеты.

Собака за городом — вольная птица
И может носиться, носиться, носиться.
Собачья жизнь у собаки в городе:
Ошейник на шее, намордник на морде.

По натуре собаки открыты, как двери.
Впрочем, это не очень разумные звери:
Вместо рук и ног у собак только лапы ведь,
И поэтому верность — их первая заповедь.

Перевод И. Комаровой

НАПОЛЕОН

Мирослав Голуб

Чехословакия

— Ребята, когда родился
Наполеон Бонапарт? —
Спрашивает учитель.

— Тысячу лет назад, — отвечают ученики.
— Сто лет назад, — отвечают ученики.
— В прошлом году, — отвечают ученики.
Никто не знает!

— Ребята, чем знаменит
Наполеон Бонапарт? —
Спрашивает учитель.

— Выигрывал войны, — отвечают ребята.
— Проигрывал войны, — отвечают ребята.
Никто не знает!

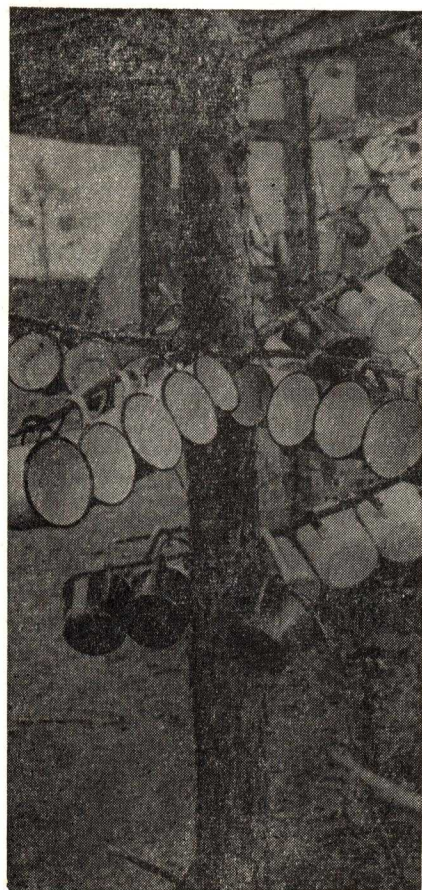

— А у нашего мясника
Была собака Наполеон, —
Говорит Франтишек, —
Мясник дубасил ее,
И год назад
Она сдохла от голода.
И ученикам становится жаль
Наполеона...

Перевод И. Иванова

Так начинается день

Это чудо-дерево растет только в Пионерской Республике

Девочки всюду одинаковы. Республиканки не забыли захватить утюги

ПИОНЕРСКАЯ

В тридцати километрах от Выборга, на Карельском перешейке, есть большое, заросшее камышом, озеро. Вокруг ни деревень, ни поселков. Тишина, безлюдье. Только рыбаки да охотники изредка приезжают сюда.

Но вот наступает июнь, первый месяц школьных каникул. И на шоссе, огибающем озеро, останавливаются синие мотоциклы с красной полосой. Сотрудники ГАИ устанавливают знаки «Осторожно, дети!». А через несколько дней на большой поляне, окаймленной сосновым лесом, как из-под земли, вырастает палаточный город, сотни зеленых шатров.

Босые ноги протаптывают в высокой траве тропинки-улицы — Пионерскую, Республиканскую, Космическую. Связисты тянут провода к штабу. В лесном городе будет полевой телефон.

Вечером над лесом появляется ПО-2. Он делает несколько кру-

РЕСПУБЛИКА

гов, покачивает крыльями. Летчики лесной авиации приветствуют Пионерскую Республику. Так называли свой лагерь сами ребята.

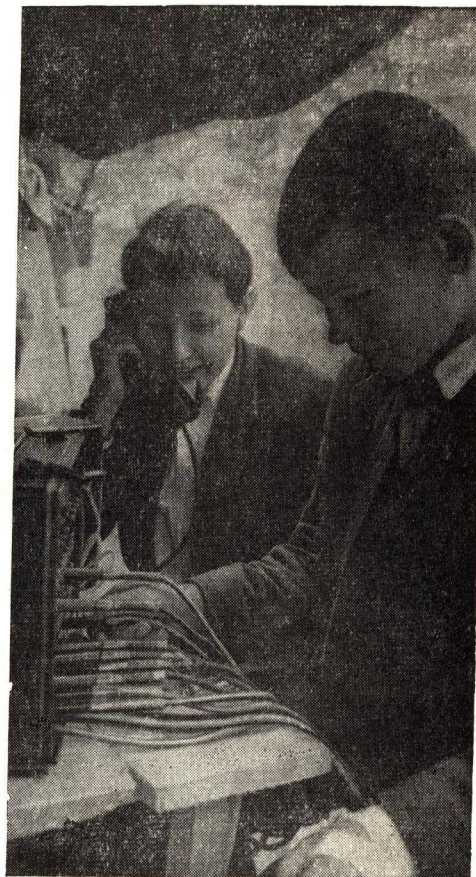
Каждый год пионеры из городов, сел и поселков Выборгского района Ленинградской области собираются сюда на свой летний слет. Каждая пионерская дружина строит свой палаточный лагерь, украшает и благоустраивает его. У каждой дружины своя форма, свои пилотки, эмблема.

Жизнью лагеря управляет Совет Республики, в нем представители всех дружин. По вечерам Совет усаживается в традиционный «круг» и, отмахиваясь березовыми ветками от надоедливых комаров, обсуждает республиканские дела. А их немало: соревнования, конкурсы, встречи, военные игры, концерты, праздники, рыбалки, карнавалы, походы... Настоящая пионерская жизнь!

А. Крестинский

Связисты торопятся. К вечеру телефон должен работать

Алло! Алло! Приморская дружина! Вас вызывает штаб!

А так кончается день...

ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЬ НЕВЕДОМЫХ СТРАН

Спросите-ка у самых заядлых любителей географии, знают ли они страну Швамбранию, могут ли отыскать ее на глобусе? И самые заядлые любители географии только пожмут плечами.

Спросите-ка у самых заядлых любителей истории, откуда произошел герб Синегории, как появились на нем радуга и стрела, оплетенная вьюнками?

И самые заядлые любители истории только разведут в недоумении руками.

Спросите-ка у самых заядлых коллекционеров, как выглядит флаг страны Джунгахоры?

И самые заядлые коллекционеры только смущенно промолчат в ответ.

Но зато тысячи мальчишек и девочек могут рассказать со всеми подробностями и как возникла Швамбрания, и кто жил в Синегории — неведомой стране Лазоревых Гор, и какие события потрясли далекую Джунгахору.

Все эти страны открыл для нас писатель Лев Кассиль.

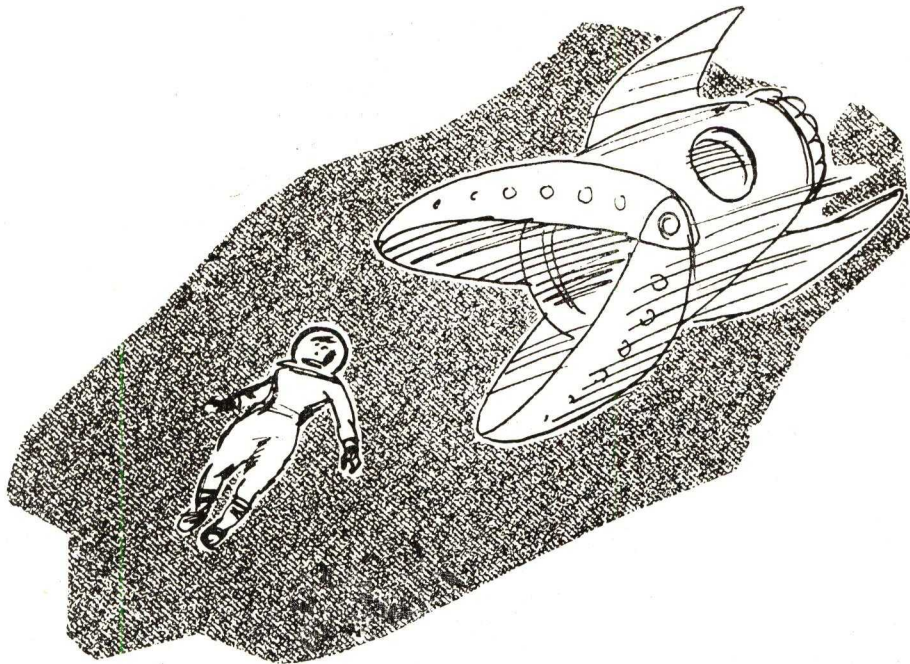
Это он познакомил нас с веселыми находчивыми швамбранами — братьями Лелей и Оськой, с прославленными мастерами-синегорцами Амальгамой, Изобаром и Джоном Садовая Голова, заставил полюбить маленького принца Дэлихьяра.

А кто из девочек не мечтал быть похожей на Симу Крупицыну из «Великого противостояния», кто из мальчишек не хотел стать таким же мужественным и прославленным вратарем, как знаменитый вратарь республики?

Об этих людях тоже написал Лев Кассиль. И они тоже стали нашими любимыми героями.

10 июля Льву Абрамовичу исполняется шестьдесят лет.

Пожелаем же в этот день бывшему швамбранскому адмиралу Арделяру Крейсу, ныне живущему под именем Льва Кассиля, новых плаваний и новых открытий!

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ НЕПОЛНОЦЕННОСТЬ

НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

А. Хлебников

Рисунки Н. Кустова

Испугаться она не успела. Просто стена каюты исчезла. Прямо перед ней открылась звездная бездна, у самых ног — пустота. Потом мгновенное замерзание водяных паров — «белый взрыв», и воздушный пузырь вырвался в космический вакуум. Могучим рывком Дану швырнуло в черное ничто, далеко от корабля. Падая, она поворачивалась вокруг своего центра тяжести. Но ей казалось, что она — неподвижна, а кружится вся звездная сфера. Перед глазами вертелось огромное огненное колесо, черный обод, густо утыканный желтыми, красными, фиолетовыми шляпками звезд.

Где-то в стороне, перекрывая звездную россыпь, мелькнула тень — едва различимый силуэт корабля. Малиновыми жгутиками молний полыхнули его дюзы — и корабль пропал.

Дана продолжала лететь. Одинокая, беспомощная живая пылинка, обреченная на скорую гибель.

— Лат! — опомнившись, в отчаянии крикнула девушка, — Лат, меня выбросило в космос!

— Не теряй мужества, Дана, — услышала она как всегда спокойный голос капитана. — Жди — ГЭМ спасет нас.

— Лат, где ты?

— Недалеко от тебя. Мы друзья и по несчастью.

— Что случилось?

— Удар метеорита. Вероятно, он из антивещества. Пробило оба корпуса, защитный и основной. — Капитан замолчал.

— Лат, говори все что угодно — только не молчи! — взмолилась Дана. Ведь она летела в бездонном пространстве со стенками из кружившихся звезд, и голос человека оставался единственной реальностью, связывающей с миром живых.

— Дана, когда вернемся на Землю, ты сможешь сдать Совету экзамен по корабельной кибернетике? — быстро спросил капитан.

— Смогу!

— Биолог и кибернетик — это будет замечательно. Смотри не загордись. А то сбежишь

с нашего рудовоза на какой-нибудь пассажирский лайнер...

— Лат, ты не обманываешь? Ты уверен... что мы вернемся на Землю?

— Верь мне, «щуки» разыскивают нас...

Капитан сознательно лгал. Маленькая спасательная ракета, или «щука», прозванная так астронавтами за способность как бы заглатывать терпящего бедствие, брала только одного человека и сразу же возвращалась на корабль-базу, полностью израсходовав энергоресурсы.

Рудовоз «Кристалл» имел две «щуки», по числу членов экипажа. Но Дана не знала, как капитан, того, что гнездо одной из «щук» находилось между корпусами как раз над бортом разрушенного отсека...

— Несколько минут, и они найдут нас, — звучал уверенный голос капитана, только значительно тише.

— Лат, почему тебя стало плохо слышно?

— Нас разносит. При выбросе мы получили ускорение под разными углами.

— Лат, ты не можешь приблизиться ко мне?

— К сожалению, ранцевый двигатель я тоже не успел прикрепить. Слишком поздно ГЭМ объявил тревогу. Скафандры успели — и то ладно... Дана, ты слышишь меня? — голос капитана звучал уже как шепот.

— Да, да!

— Мы разошлись на предельную дистанцию. Сейчас связь прекратится. Не пугайся! Я — с тобой! Радиомаяк у тебя работает?

— Да, конечно.

— Держись. Будь молодцом. Сча... — голос капитана прервался. В наушниках лишь плескался неумолчный шум помех — язык звезд. Дана зажмурилась, чтобы не видеть пронзительный торжествующий блеск мертвой материи, и все летела, летела в никуда.

В поврежденном отсеке не успел рассеяться туман «белого взрыва», а пробойну уже начала затягивать быстротвердеющая пленка. По наружной стороне защитного корпуса заставляли роботы-разведчики, определяя характер и объем восстановительных работ. В своих норах зашевелились роботы-электросварщики, гостоясь на выход.

ГЭМ — главный электронный мозг корабля работал с молниеносной быстротой и главное — безошибочно. Датчики, установленные во всех отсеках и уголках корабля, беспре-

рывно посылали в его анализаторный блок всеобъемлющую информацию.

ГЭМ сразу же узнал, что оба человека покинули корабль не нормально. Значит — им необходима помощь. Получил ГЭМ сообщение и о гибели «щуки». Но сохранилась вторая! И по приказу ГЭМа распахнулся люк. Уцелевшая «щука» выдвинулась из своего гнезда. Вздрыгнули усики ее антенн. Ожил ее МЭМ — малый электронный мозг.

— В космосе два объекта. Кого спасти? — языком электромагнитных сигналов послал он запрос старшему повелителю.

— Капитана — объект «Альфа». При невозможности — объект «Дельта»! — следует команда ГЭМа. Он не мог принять другого решения. Основной пункт программы, заложенный в него человеком, гласил: «Делать максимум возможного для обеспечения безопасности корабля и нормального функционирования всех его систем». Исходя из этого, капитан-кибернетик предпочтительнее биолога...

— Открой рот, открой рот, открой рот...

Дана очнулась. Она находилась в госпитальной каюте корабля.

— Лат! — позвала она.

Металлическая рука осторожно прижимала к ее губам бутылочку.

— Надо пить, надо пить, надо пить... — одностонно бубнил робот-санитар.

— Лат! — отворачиваясь от питья, сказала она.

Но, кроме робота, никого в каюте не было.

— Сани, вызови ГЭМ, — попросила она.

— Никаких волнений, никаких волнений...

— Я приказываю.

Робот подчинился. Он подошел к стене, нажал кнопку.

Засветился зеленый глазок:

— ГЭМ слушает.

— Где капитан?

— Капитан погиб.

— Неправда! У нас две «щуки»!

— ГЭМ всегда говорит точно. «Щука» была одна.

— Почему же ты спас меня, а не его?

— Капитан выключил свой радиомаяк.

— Зачем он это сделал? — сквозь слезы спросила Дана.

— Объясняю: человеческая неполноценность. Роботы так не поступают, — бесстрастно ответил ГЭМ.

Дана плакала, уткнувшись в подушку.

УРА, КОМЕДИАНТЫ!

Б. Семенов

Представление окончено. Радостно ликует, бренчит золотыми дукатами глупый скряга Панталоне, корчась от смеха, потешается над ним хитроумный слуга Арлекин. Ведь только что он со своей подружкой Смеральдиной ловко обвел вокруг пальца подозрительного и жадного купца.

Все довольные: кто получил мешок золота, а кто — радость и счастье.

В шумной толпе зрителей нет безучастных. Обиженные имеются, но они в жалком меньшинстве. Яростно аплодирует, свистит, вызывает любимых актеров весь зрительный зал. А, впрочем, зала никакого нет. Спектакль идет во дворе провинциальной гостиницы, на шатких, наспех выстроенных подмостках.

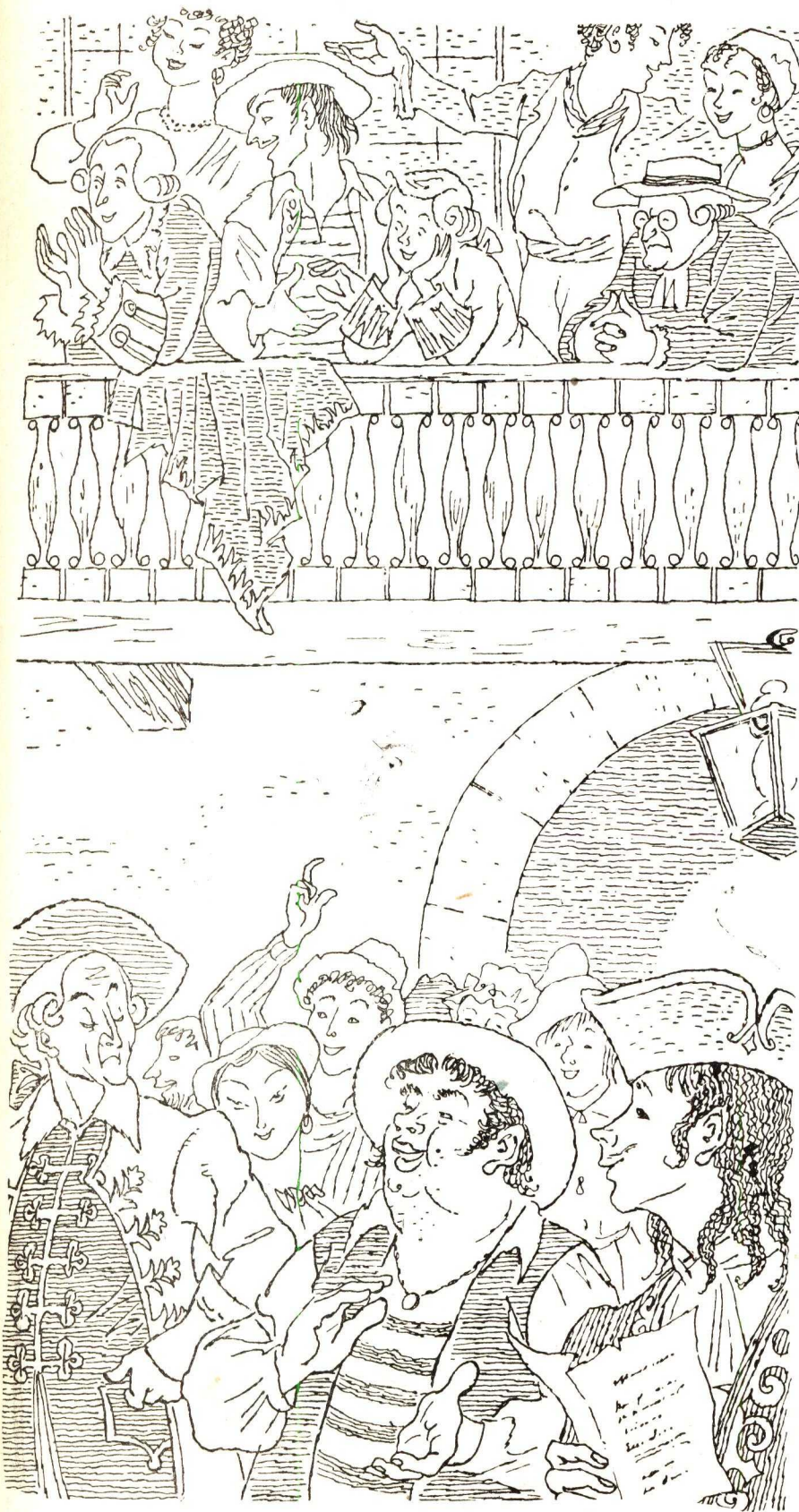
Участники этого яркого карнавального зрелища — бродячая труппа комедиантов, из числа тех, что уже три столетия колятся по выжженным дорогам Италии. Весь свой драгоценный скарб — декорации, писанные водяными красками, сундуки с дорогами, пышными костюмами — актеры перевозят из конца в конец страны на ветхих тележках. Маски, которые скрывают почти все лицо, не мешают выразительной игре артистов. Наоборот, маска помогает зрителю узнать с первого взгляда, кто перед ним: чванливый аристократ Капитан, или лжеученый Доктор, или же подлинные любимцы толпы Бригелла, Пульчинелла, Арлекин, — веселые и плутоватые слуги.

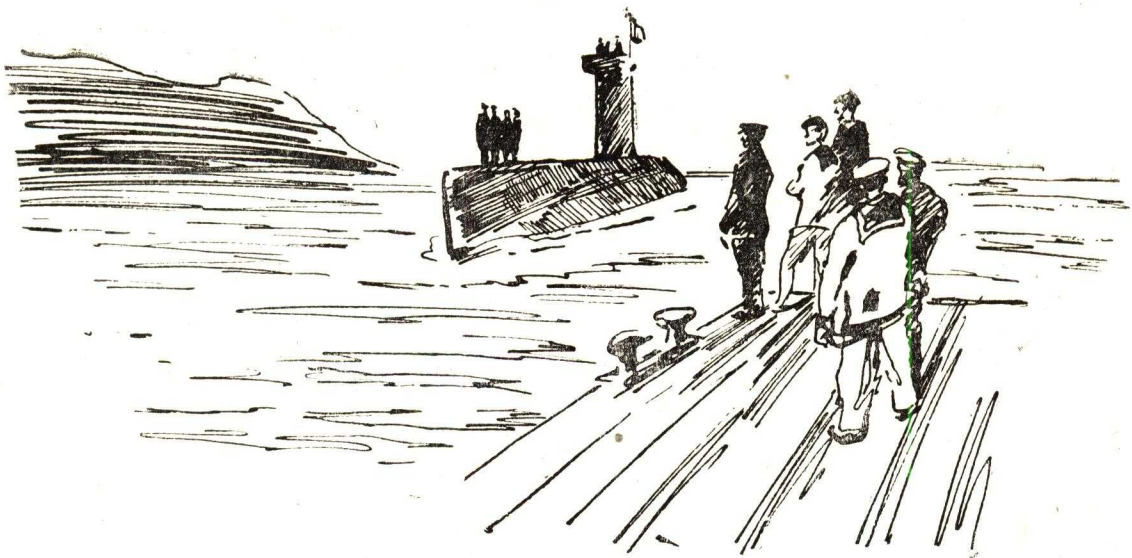
И вот, пожалуй, самый важный закон этого народного театра: актеры не учат ролей, не зубрят слово в слово текст пьесы. Вместо пьесы — сценарий. Это краткий рассказ о том, что должно происходить на подмостках, а там уж от самого актера зависит, как он расцветит свою роль злободневными монологами, как он наперчит ее острыми шутками и задорными намеками на самовластие и тиранию...

В истории театра «Комедии дель Арте» (так он называется по-итальянски) было много тяжелых и мрачных дней, когда правители Италии при содействии свирепых цензоров в черных рясах надолго изгоняли комедиантов за пределы родины.

Никогда не померкнет слава безвестных актеров комедии масок, создателей настоящего народного театра.

Рисунок автора

НА УЧЕНИЯХ

В. Левант

Рисунки автора

Вспарывая форштевнем воду, подводная лодка уходит в море.

На носу нас трое: Саша Оборотов — он торпедист, — Миша Белякович — электрик — и я. Матросы осмотрели швартовы — стальные тросы, сложили кнехты — тумбы, за которые крепится лодка на стоянке. Все это убрано в гнезда палубы и теперь лодка стала обтекаемая, без единого выступа.

Балтийская непогода встречает нас пригоршнями дождя.

— Всем вниз!

Сколько раз уже пройден этот путь с мостика в нутро подводного корабля, но никак у меня не получается так ловко, как у подводников: пять секунд — и они пролетают весь трап, а я и коленями ударюсь, и не всегда попаду на перекладину лестницы, и комингс мешает. Комингс — это труба, в которой проходит трап.

После пустынного моря лодка кажется обжитым родным островком. Здесь тепло, горят лампы. Посредине центрального отсека две колонны — это перископы. Один для поисков самолетов, другой командирский, через него находят мишень, целятся.

Трюмный машинист Сахаров показывает мне большой красный штурвал. С его помощью при аварии продуют все системы сразу и лодка мгновенно всплывает.

Оборотов и Белякович пошли на свои посты управления. А мне куда деваться?

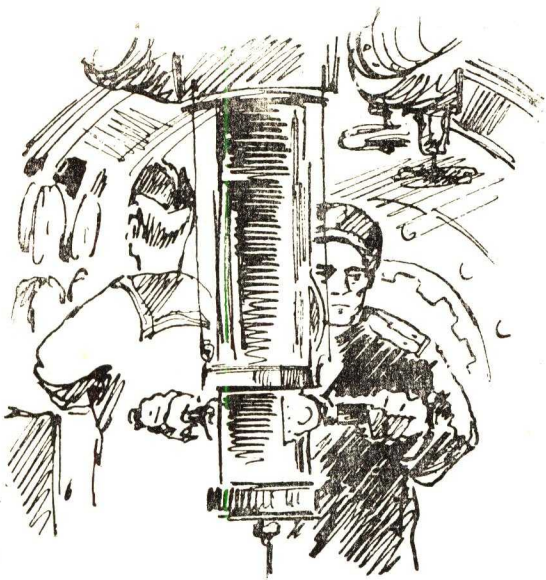
Мне хотелось увидеть, что делает каждый подводник, но только я останавливался, как тут же кому-то необходимо было повернуть маховик или рычаг, на который я, оказываясь, оперся, или — еще чище — наступил ногой. Меня вежливо передвигали — получалось что-то вроде игры в третий лишний, где лишним был все время я. В общем, я пошел в пятый отсек — там чуть-чуть посвободнее.

Согнувшись, шагнул через люк в переборке к мотористам — и сразу же все иные звуки потонули в грохоте дизелей. Володя Малый, который на вахте у машин, прокричал мне прямо на ухо, что все, мол, в порядке. Цепляясь, как акробат, за поручни (качка

усилилась), я прошел к посту управления. Мне представилось, что я в большой трубе, которую какой-то великан слегка поворачивает в руке, причем эта труба содрогается в такт работе дизелей.

Вдруг по лодке прокатился звон колоколов громкого боя, над дизелями замигали красные лампочки. Срочное погружение! Срочное погружение!

Мотористы резко останавливают дизеля и отключают их от гребного вала; сейчас Миша Белякович включит электромоторы. Володя Малый закрывает забортные клапаны, и отсеk готов к погружению.

Я слышу, как выходит воздух из цистерн, точно сводят беззвучно меха гармони. По трапу сверху прыгают сигнальщик и командир — верхний люк закрыт. Звенит в ушах от наступившей тишины.

Начинается подводное плавание.

Точно большая рыба, плывет лодка в толще воды. А внутри этой рыбы горит свет, вахтенные заняты своим делом, свободные от вахты отдыхают. Вот горизонтальные рули, как плавники, чуть пошевельнулись — лодка привсплывает. Мягко полезла вверх узкая длинная труба перископа.

Командир раздвинул ручки и осмотрел горизонт. И сразу — боевая тревога! Значит, будут торпедные стрельбы!

Сейчас много работы у Саши Оборотова. Еще и еще раз проверить свое хозяйство, тут уж осечки не должно быть. В носу корабля несколько торпедных аппаратов — больших труб, здесь же в отсеке расположились жирно смазанные запасные торпеды.

Вот в войну на этой смазке и писали «Смерть фашизму!», «По врагу!».

Лица матросов суровые, сосредоточенные, — выходим в атаку.

И хоть все подводники знают, что не война сейчас и атака учебная, но внимательнее следят за приборами, крепче сжимают пальцы на ручках управления. Снова на несколько секунд поднят перископ — уточнение маневра! — и снова абсолютная тишина. Сейчас прозвучит команда и произойдет то, к чему долго готовились, чему учились.

Резкое «пли!» — и лодка содрогнулась, как живое существо. Как вздох, пронесся по лодке лишний сжатый воздух. Сейчас важно удержать лодку на глубине, чтобы она, облегченная, не выскочила на поверхность. Право руля! Средний ход!

Лодка уходит от «преследователей». А уже над нашими головами зашумели винты, закричали, как утки, морские охотники «противника» — они нас ищут. Шум нарастает, потом стал стихать — мимо! Другие шумы буравят воду в стороне.

Мы снова и снова меняем курс и глубину. Засечь нас не удастся. А мысли прикованы к торпедам: как они «попали» в цель?

По переговорным трубам разнеслось: «В носу, в корме, приготовиться к всплытию!»

Раздались сигналы, со звоном понесся по трубам сжатый воздух, — сейчас он выжмет воду из цистерн. Мы всплываем. Вот заложило уши и хлопнули консервные банки, — значит, открыли верхний люк — давление стало атмосферным, а в лодке было повышенным, — банки выпрямились, а нам пришлось сглотнуть, чтобы восстановить слух.

Зашумела вентиляция, отсеки затопил свежий морской воздух.

В люк виден кругляшок голубого сияющего неба, он разрастается — и вот с мостика открывается простор необъятного неба и моря. Невдалеке стоят корабли «противника». Сигнальщики уже прочитали по флажному семафору — нас поздравляют с отлично выполненной задачей.

Продолжение жизни

Ребята, кто из вас читал сказку «Как от меда у медведя зубы начали болеть»? Чудесная сказка! Раз прочитаешь — и запомнишь навсегда. Ну, а те, кому не посчастливилось прочитать эту сказку, наверное, знают, а быть может, иногда и поют знаменитую «Песню о встречном». Помните, там есть такие слова:

... И радость никак не запрягать,
Когда барабанщики бьют.
За ними идут октябрюта,
Картавые песни поют.
Отважные, картавые
Идут, звеня.
Страна встает со славою
На встречу дня!

Написана эта песня давно, в 1932 году, для кинофильма «Встречный», музыку сочинил тогда еще молодой композитор Дмитрий Шостакович, а слова написал тот же, кто и сказку о медведе — поэт Борис Корнилов. Счастливая судьба у этой песни! Она оказалась первой песней, сле-

тевшей с советского экрана в народ. И народ ее полюбил и с тех пор поет. Эта песня, по словам Д. Шостаковича, «за океаном стала гимном прогрессивных людей...» А на родине Бориса Корнилова, в городе Семенове Горьковской области, в школе, в которой учился поэт, «Песня о встречном» стала песней пионерского отряда.

Пионеры города Семенова помнят своего земляка, они устроили в школе уголок Бориса Корнилова, где представлены произведения поэта, его книги, фотографии. По просьбе пионеров, Семеновский горсовет переименовал Крестьянскую улицу, на которой жил Боря Корнилов, в улицу Бориса Корнилова.

Поэтический талант Корнилова развивался стремительно. Хотя поэт ушел из жизни в 1938 году, молодым, ему был только тридцать один год, но за десятилетие своей поэтической деятельности Корнилов создал немало своеобразных ярких поэтических произведений, выдержавших испытание временем, не потерявших своего большого общественного значения.

Гордостью русской советской поэзии являются многие стихи и поэмы Корнилова, среди них «Интернациональная», «Продолжение жизни», «Соловьи», «Гроза», «Мечта», «Вечер», стихи о Пушкине, поэма «Триполье». Поэма «Триполье» является подлинным поэтическим памятником подвигам комсомола в гражданской войне. Но наиболее значительное произведение Корнилова — поэма «Моя Африка», высоко оцененная великим французским писателем, другом Советского Союза — Роменом Ролланом.

Последние годы своей жизни Корнилов писал много. Его стихи всегда были связаны с жизнью, отражали время, в которое он жил. В 1936 году поэт работал над поэмой о герое гражданской войны, знаменитом полководце Г. Котовском, но закончить поэму не успел. Стихотворение «Боевой конь» — глава из этой поэмы.

Мих. Бернович

БОЕВОЙ КОНЬ

Борис Корнилов

Рисунок В. Курдова

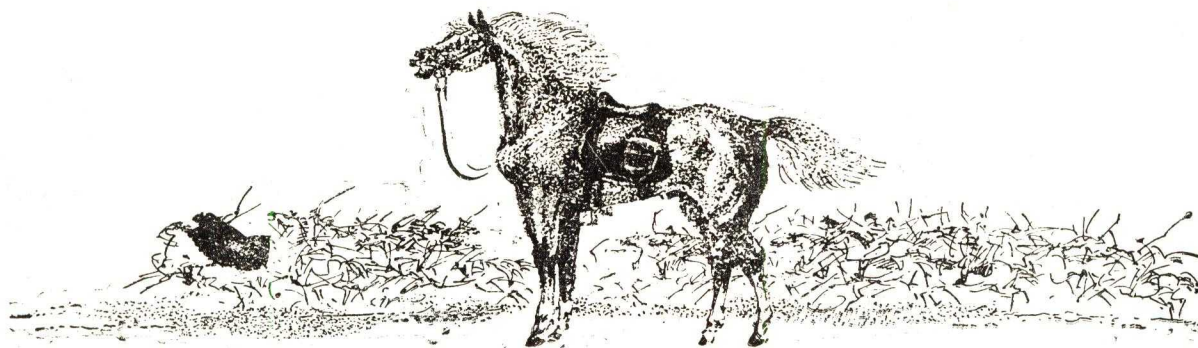
Помнят все украинские села,
как бесстрашно
в пургу и огонь
под Котовским ходил веселый
боевой Котовского конь.

Вот о нем рассказать хочу я,
как он прожил,
как воевал,
как, врага своего почуя,

бил копытом,
зубами рвал.

Из атаки в атаку снова —
знать, войне не будет конца.
Звали Орликом боевого
золотистого жеребца.

Бой под Горенкой.
Это вьюга.
Сабли-молнии зажжены.

Это ринулись друг на друга
две сверкающие стены.

Сваха-пуля,
со смертью сватай,
панихидную, ветер, пой!
И Котовский
в бурке косматой
всю бригаду повел на бой.

Ржанье Орлика золотого...
Два удара — не больше.
Вот...
Вот победа сейчас...
Готово...
Но шрапнель над Котовским рвет.

И упал на колени Орлик,
все заплывало в полумгле,
в голове осколки
и в горле...
Командир лежит на земле.

Он лежит на земле контужен,
возле преданного коня,
он бригаде, как знамя, нужен,
и спасают их из огня.

Много в жизни минут печальных,
тех, которым никто не рад.
Без сознания лежал начальник
восемь суток почти подряд.

Как и раньше —
клинки свистели.
День проходит — опять угас.
Но дежурили у постели,
Никогда не смыкая глаз.

И раненье коню промыли.
И, мечтая о встрече с врагом,
на конюшне коня кормили
сладким пряником,
пирогом.

И Котовский очнулся.
Встать бы!

Нет — потеряно много сил,
но теперь заживет до свадьбы...
О коне Котовский спросил.

В лазарете —
тепло и чисто.
И деревья цветут в окне.
Но желанье кавалериста —
снова быть на верном коне.

Ну, а что до коня касаясь —
за любовь его не виню —
тяжело ему без хозяина,
замечательному коню.

Одиночество — комом в горле,
за хозяина все отдашь,
и однажды взобрался Орлик
в лазарет,
на второй этаж...

Как о песне давно допетой,
как о ненависти к врагу,
я подумать о дружбе этой
без волнения не могу.

Битвы были,
победы были,
Орлик пережил седока,
пионеры его любили,
золотистого старика.

И готовые для погони,
для побед на любой войне,
табунами
другие кони
по советской идут стране.

И когда команда:
— По коням! —
хоть сегодня или на днях —
мы любого врага догоним
вот на этих
наших конях.

1936 г.

ПОСЛЕДНИЙ ПОДВИГ РАЗВЕДЧИКА

Л. Кеккелев

Николай Иванович Кузнецов, — это имя вам хорошо знакомо. О легендарных подвигах разведчика Кузнецова вы слышали и читали не раз.

Весной 1944 года Николай Кузнецов погиб. Как погиб? При каких обстоятельствах? Об этом долгое время ничего не было известно...

Кончилась война. Во Львове, на квартире боевого друга Кузнецова Николая Струтинского, часто собирались старые партизаны.

На столе лежала истертая карта Украины. Друзья склонились над ней, делали пометки карандашом.

— Из Луцка Николай Кузнецов в форме немецкого обер-лейтенанта Пауля Зиберта вместе с Иваном Беловым и Яном Каминским направились по заданию отряда во Львов. — Карандаш поставил кружок вокруг точки «Львов». Николай Струтинский помолчал, потом провел новую линию. — Выполнив задание отряда, Кузнецов с товарищами направился в Ганавичский лес. Здесь, на маяке, они должны были встретиться с группой Крутикова, чтобы вместе прийти в отряд. Только Крутиков знал, куда мог сняться отряд Медведева. Но Крутикова на месте не оказалось.

Карандаш уперся в Ганавичский лес...

— На этом следы Кузнецова потерялись. Он наверняка был на маяке, но куда ушел, в какую сторону?

— А что если пройти по маршруту Кузнецова и побеседовать с местными жителями?

На том и порешили.

Стояло лето, теплое и ласковое. Местные жители встречали гостей приветливо. Они угощали их свежим молоком, показывали места, где особенно хорошо клюет окунь. Но в ответ на вопросы, помнят ли они советского разведчика в немецкой форме, беспомощно пожимали плечами.

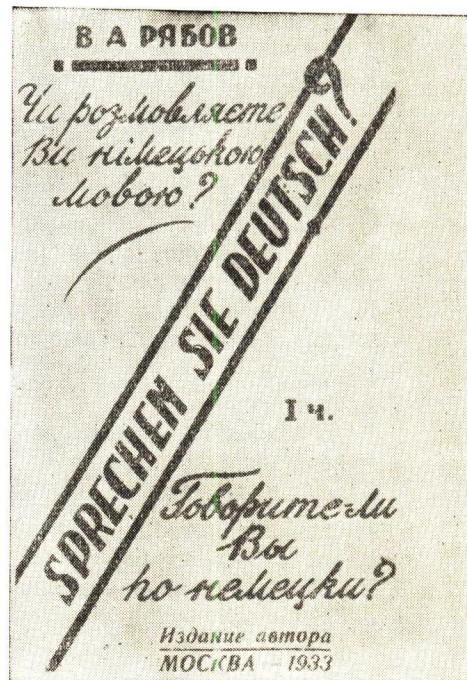
В течение долгого времени Николай Струтинский и его друзья шли от одного хутора к другому. Поиски не давали никаких результатов. Им показывали могилы советских солдат и офицеров, погибших в этих местах при освобождении Украины. Но... Кузнецова среди них не было.

Украина большая. Сотни хуторов под Львовом. Через какие хутора шел Николай Кузнецов? Попробуй найди.

И вдруг след нашелся. В одном из архивов Николай Струтинский обнаружил старый фашистский

Николай Кузнецов — студент 3-го курса
лесного техникума. 1929 год

Учебник, по которому Н. Кузнецов учился
немецкому языку

рапорт: «14 февраля 1944 года в одной из автомашин с фальшивым регистрационным номером найдены две гильзы от патронов калибром 7,65. Из этой машины 12 февраля 1944 года в Куровичах был убит майор Кантэр...»

— Значит, маршрут Кузнецова из Львова проходил через Куровичи! От Куровичей он мог взять два направления — Золочев и Броды.

На новые поиски ушло несколько лет. Крупинку за крупинкой собирали сведения бывшие партизаны.

...Хата Степана Голубовича стояла на краю хутора. Днем сюда пришли бандиты из шайки украинского националиста Черногора. В то время гитлеровцы обещали большую сумму денег тому, кто доставит советского разведчика живым или мертвым. Об этом знал Черногора и мечтал о встрече с Паулем Зибертом.

Поздно ночью трое неизвестных подошли к хате со стороны леса и постучали. Степан, шаркая подошвами, вышел в сени.

— Кого бог послал?

— Свои, хозяин! — ответили по-немецки. — К своим пробираемся. Продрогли, да и есть страшно хочется.

Клацнула щеколда. Холодный ветер надул рубашу Голубовича.

— В хате кто есть? — строго спросил немецкий офицер.

— Никого...

Двое вошли. Третий остался на улице.

Не успел немецкий офицер расплатиться за ужин, как дверь распахнулась. Влетела шайка националистов, вооруженная автоматами и пистолетами.

— Ни с места! — гаркнул высокий детина, видимо, старший. — Стрелять буду!

— Кто вы? — возмутился немецкий офицер.

— Бойцы украинской повстанческой армии. Бьем большевиков, а у бродячих немцев конфискуем оружие.

— Вы будете отвечать перед немецким командованием!

— Ха-ха! Немцы тикают. Большевики наступают. Оружие на стол, говорят!

Появился Черногора.

— Почему ваши разболтанные солдаты задерживают немецкого офицера? — встал немец.

— Ба... да это... Ребята! Вяжите немца! Это же Зиберт! Тот самый! — заорал Черногора. — Попался-таки!

Не успел «немецкий офицер» выхватить пистолет, как бандиты повисли на шее, на руках. Схватка была неравной. Черногоровцы обезоружили штатского и выхватили пистолет из кобуры «немца».

— Ваша взяла! — спокойно по-русски признал «офицер».

Лето 1942 года. Кузнецов накануне отправки в тыл фашистов

«Пауль Зиберт»

Пять человек скрутили ему руки, дышали спиртным перегаром.

— Дали бы закурить, что ли?

— Дайте закурить пану Зиберту! — распорядился Черногора.

Кто-то полез в карман за махоркой. «Немец» огляделся. Бежать не было смысла. Он стоял в кольце бандитов и свертывал сигарку. У него оставался последний козырь: за пазухой лежала граната с деревянной ручкой.

«Офицер» смело отстранил рукой толстого бандита, шагнул к керосиновой лампе. Старался прикуривать как можно дольше. Затянулся табачным дымом. Закашлялся. Будто случайно погасил свет. Секунда — и в руках граната!

— Получайте, сволочи! Так погибают русские!

Сильный взрыв вырвал два окна в хате Голубовича...

— А вдруг это был не Кузнецов? — спросил Струтинский, выслушав рассказчиков из села Боратин.

— Может, и не Кузнецов. Надо спросить Голубовича. Он работает в нашем колхозе.

Степан Голубович ничего дельного не сказал. Он не отрицает, что пришли к нему ночью три человека. Офицер и человек в штатском вошли в хату. Другой, тоже в штатском, остался на улице.

— Офицер был настоящим немцем. А когда погасил лампу, крикнул, что якобы русский. Вот и пойми тут. Война есть война.

Неужели начинать все поиски сначала?

— А офицера-то закопали недалеко от дома Голубовича

— Где? Помните место? — загорелся Струтинский.

Вот она, многолетняя развязка!

Во Львове была создана специальная комиссия. Произвели раскопки останков неизвестного немецкого офицера. Заведующий кафедрой судебной медицины Львовского медицинского института В. Зеленгуров установил, что скелет принадлежит мужчине, погибшему от взрыва гранаты или мины, в возрасте тридцати трех-тридцати шести лет.

И вот от львовского вокзала отходит пассажирский поезд. Николай Струтинский едет в Москву, к доктору исторических наук М. Герасимову.

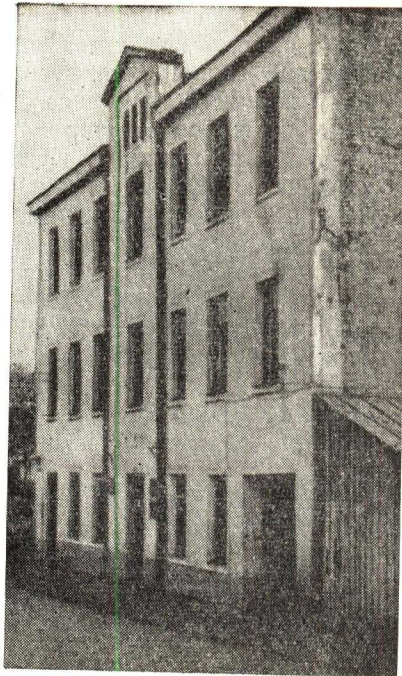
На стол Герасимова положена фотография молодого человека, а рядом — коробка с разбитыми черепными костями.

— Вы можете установить, принадлежит ли череп человеку, которого вы видите на этом снимке?

Началась кропотливая работа. Прежде всего нужно было склеить кости черепа. Когда это было сделано, череп сфотографировали в таком ракурсе, как фотографировался Николай Кузнецов. Потом наступил последний этап. Два негатива — с черепа и с фотографии — наложили друг на друга. И что же? Негативы совпали!

Так была открыта последняя страница подвига Николая Кузнецова. Он бросил гранату себе под ноги. Погиб сам, но погибли и националисты из шайки Черногоры.

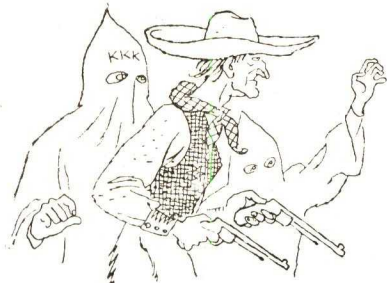
Останки Героя Советского Союза Николая Ивановича Кузнецова похоронены на холме Славы во Львове. Легенды о замечательном русском солдате будут всегда жить в памяти народа.

Ровно.
Здание, где был убит Н. Кузнецовым
президент юстиции Функ

Львов.
Памятник Герою Советского Союза
Н. Кузнецову

**Подлинная история
забавных и поучительных приключений
КОСТИ ТЕРКИНА,
записанная со слов героя
его друзьями**

4. КОСТЯ И ТОММИ

«Спи, мой бэби!
Спи, малыш!
Над землею
Ночь и тишь.
Спят зеленые долины,
И деревья спят в росе.
Только поздние машины
Где-то воют на шоссе.
Может, это не за нами?..
Притаилось все окрест.
Но пылает над холмами
Ку-клукс-клана страшный
крест.

Спи, мой бэби!
Спи, малыш!
Туча вышла
Из-за крыш.
Черный бог на черном небе,
Все, что хочешь,

попроси,—
Не меня, хотя бы бэби
От погромщиков спаси!
Пропади они в болоте,
Прегради им 'путь, гроза!
Пусть на резком повороте
Им откажут тормоза!
Спи, мой бэби!
Спи, малыш!
Что же, мальчик,
Ты не спишь?

Бродят тени вдоль забора,
Фары светят сквозь
туман...»

* * *

Словно клацанье затвора,
Это слово — ку-клукс-клан.
Стекла вдребезги —

и прямо
Через окна лезут в дом.
Том (в испуге): — Мама!

Мать (в отчаянии): — Ах,
Том!..

Капюшоны — над кроватью.
Злые дыры — вместо глаз.
Вот сейчас мальчишку

схватят
И убьют его сейчас!

И тогда поднялся Теркин
В восемнадцатом ряду.
И тогда воскликнул

Теркин:
«Прочь, бандиты! Я иду!»
К удивлению суфлера,
И актеров, и актрис,
К удивленью режиссера,
Что глядел из-за кулис,
Костя наш в одно
мгновение

Выбрал правильный
маршрут,
И в разгаре представленья
Он — на сцене тут как тут!
«Вы свои дубинки
бросьте!» —
Ку-клукс-клановцам сказал.
И тотчас же: «Браво,
Костя!» —
Отозвался целый зал.
«Полагается по роли,
Чтоб меня еще пороли
И сожгли дотла наш
дом!..» —

Тихо шепчет Косте Том.
Говорит актриса-«мама»:
«Понимаешь, это драма!»
(А смущенный «ку-клукс-
клан»
Отошел на задний план).

Костя матери и сыну
Говорит: «Друзья, вперед!
На шоссе! Скорей! В
машину!

Я прикрою ваш отход...»
Все, кто были на
спектакле,
Не могли найти ответ:

Так по пьесе иль не так ли?
Есть в ней Теркин или нет?
Должен был вставать он
смело,

Говорить за нас, за вас?..
Но овация гремела
В том театре целый час!
В зале все вскочили с
кресел:

«Браво, Костя! Молодец!
Может, это не по пьесе,
Только — правильный конец!»

Какие бывают переправы

Г. Усыскин

Сидя за письменным столом где-нибудь на шестом этаже в большом городе, трудно себе представить, какая она в самом деле — нетронутая саянская тайга. Перелистываешь страницы книг, вглядываешься в рисунки и фотографии, потом водишь пальцем по карте: коричневое — горы, зеленое — леса, голубое — жилки рек.

А какие это леса и горы, а что таят в себе реки с такими загадочными названиями: Абакан, Анзас, Она, Кайла, Откыл?

Итак, мы отправляемся в Саяны.

Только вместе

Вблизи населенных пунктов тропа почти всегда хорошо «набита», даже в полной темноте ее можно нащупать руками. Ходи да посвистывай, если бы не тяжелый объемистый рюкзак.

И вдруг, у большой скалы, тропа, круто повернув, уходит в воду. На противоположном берегу она начинается снова.

Первый брод — первое боевое крещение. Сегодня их будет еще три — так сказали в поселке.

Один в воду не лезь — собьет, это только кажется, что река неглубокая, а сила у нее большая. Переправляются в таких случаях через горные реки только вместе, так называемым таджикским способом.

Взявшись за плечи, поставив наиболее сильных по краям, идем наискось против течения, помогая друг другу, осторожно делая каждый шаг. Успех переправы зависит от согласованности движений: когда один ступает, другой поддерживает.

Если поскользнулся товарищ, держи его что есть мочи, не удержишь — полетишь сам, а за тобой и другие. Вот когда непреложно действует закон: один — за всех, все — за одного.

Только вместе — это мы хорошо запомнили, влезая иногда по десять раз в день в холодную бурлящую воду.

Страховка готова

Третий день идут дожди. Набухла земля, холодным мокрым веником сечет по лицу высокая трава, скользкой стала кора на огромных поваленных кедрах. Все время приходится перешагивать через стволы, перекатываться на животе, проползать под завалами на четвереньках. Веселое занятие, особенно, в дождливую погоду.

Главный ориентир — река. С каждым часом она меняется на

глазах. Вода все время прибывает. Откуда-то сверху катится сплошной мутный вал, как будто после стирки разом выплеснули гигантское корыто.

Тут уж и таджикский способ не поможет, а переправляться надо. Выбираем узкое место и высокий кедр у самой воды. Двое берутся за пилу, один работает топором. Берегись!..

Дерево с треском валится в точно намеченном направлении. Вершина с гирляндами шишек лежит на противоположном берегу. Мостик переброшен. Но это не всё.

Теперь маленьким топориком тщательно обрубаются ветки, а на гладком стволе делается насечка. Спешка здесь ни к чему, как говорят в таких случаях, часы надо спрятать в карман.

Сучья обрублены, насечка сделана, кажется, все, можно идти. И опять рано. Есть еще одно обязательное условие — страховка. Поскользнулся кто-нибудь нечаянно на мокром стволе, потянул тяжелый рюкзак в сторону и...

Самый ловкий и смелый переходит с веревкой в руках. Конец закрепляется надежным узлом. Туго натягиваются перила. Страховка готова — можно идти. Но и теперь товарищи внимательно смотрят за каждым шагом, готовые в любой момент прийти на помощь.

Кто идет первым

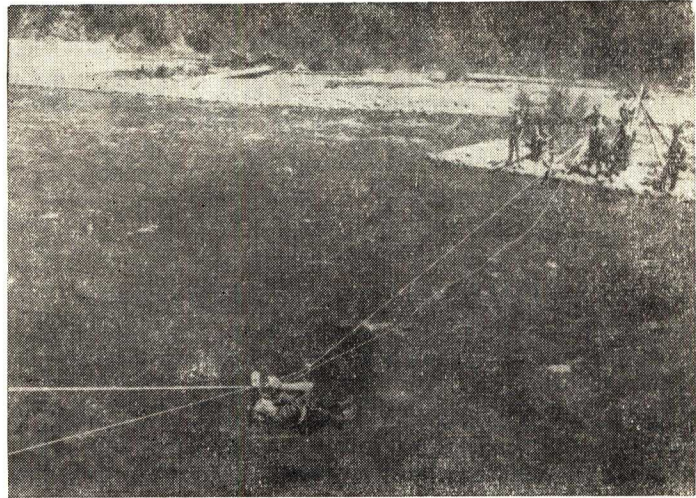
Реки Анзас, Откыл, Кайла и много-много других впадают в Абакан. Абакан, в переводе с хакасского, Медвежья река, широкая, глубокая, сильная, она несет свои воды в могучий Енисей.

Пешком тут не пройдешь, да и кедров еще таких не выросло, чтобы их от одного до другого берега хватило. Есть только один выход — навесная переправа, самая надежная и безопасная. Прочная капроновая веревка как струна натянута высоко над водой. Переправляющегося обвязывают веревкой, вроде как у парашютиста беседка из лямок, потом помогают пристегнуться карабином — специальным альпинистским замком — к веревочной переправе. И пошел! Только руками перебирай. Таким же способом переправляются рюкзаки.

Все просто и ясно, но как натянуть веревку над водой, как она окажется закрепленной на противоположном берегу, кто идет первым?

В этом, действительно, вся сложность. Первый должен преодолеть реку вплавь, обвязанный у пояса тонкой прочной веревкой — ее называют репшнур.

Сбило смельчака течением, понесло вниз — товарищи сразу подтягивают его обратно. Еще одна попытка и опять неудача. И так до тех

пор, пока не станет ясен норв реки, пока не выйдет «первый», усталый и замерзший, на тот берег.

Теперь ничего не стоит привязать к репшнуру толстую, основную веревку, перетянуть ее и закрепить мертвым узлом за толстенный кедр.

Переправа готова! Кто идет первым?

ЧТО?

Город роз

Свыше трех миллионов кустов роз цветет в скверах и парках Ташкента. На каждого жителя столицы приходится по три куста этого ароматного растения.

ГДЕ?

Поединок колибри и сокола

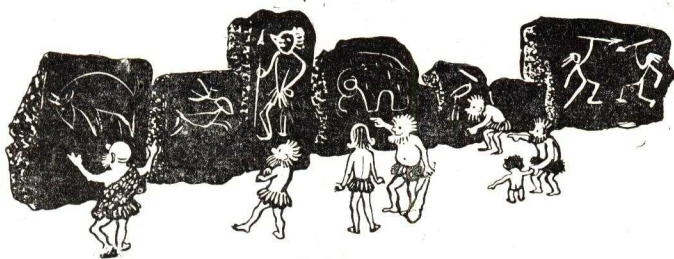
Колибри — птичка-лилипут. Она немного больше обыкновенного шершня. Казалось бы, любая птица может обидеть крошку. Вот на нее кидается огромный сокол. Отважный малыш не улетает, он дерзко принимает бой. Стремительный полет, невероятная увертливость, непрерывные атаки колибри на глаза хищника утомляют его. Измученный сокол покидает поле сражения.

Этот удивительный поединок наблюдал на берегах реки Амазонки польский путешественник и писатель А. Фидлер.

КОГДА?

ПОЧЕМУ?

Картинная галерея на камнях

В малоисследованных скалах Кабыстана, неподалеку от Баку, старейший азербайджанский археолог Джафар Заде обнаружил любопытные рисунки. Было очевидно, что они сделаны людьми. Самые ранние — несколько тысяч лет назад. Научный мир был взбудоражен. Ученые тщательно изучили первые страницы каменной книги. 3000 рисунков. На камнях изображены сцены охоты, танцы, отдельные животные и птицы. Целая картинная галерея из жизни первобытного человека!

Шуба держит экзамен

Есть шубы весом в сто граммов. Они подбиты пухом гаг, полярных птиц. Гаги гнездятся на самых отвесных скалах, и сбор пуха — дело отважных, поэтому-то шуба и ценится дороже золота. Счастливчиками считают на Севере тех, кто носит такие шубы.

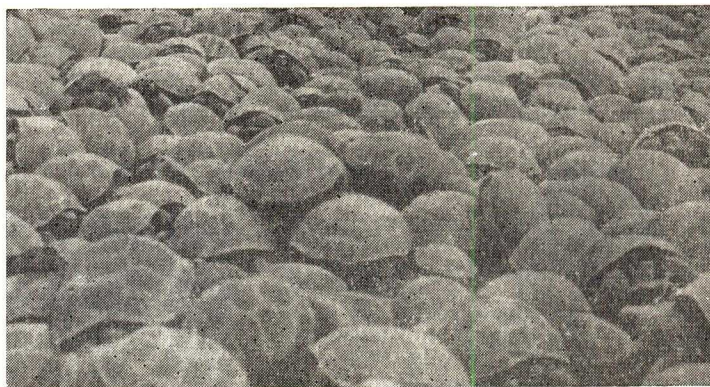
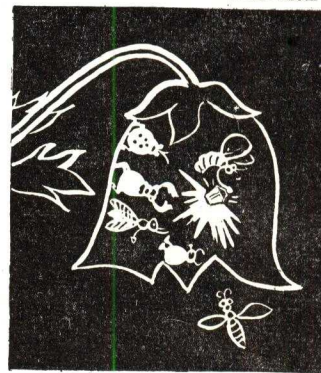
А вот в наше время химики и модельеры предложили новые материалы швейному производству. Они позволят шить одежду легкую и теплую.

...За стеклянной стеной лаборатории — холод. Поворот рукоятки — ртутный столбик термометра падает все ниже: —30, —40, —50 градусов. На манекене — шуба из синтетики. К разным ее частям подвешены датчики и приборы. Мощный вентилятор обдувает шубу потоком холодного воздуха. На улице тепло, а здесь бушует северная вьюга. Приборы должны показать, как новая одежда удерживает тепло. Внесут последние поправки в модели — и геологи, охотники и рыболовы получат шубы не хуже гагачьих.

Кто живет в голубом колокольчике!

Ночью в ненастную погоду цветы колокольчика и наперстянки служат убежищем для мелких жучков, для мух, для насекомых, не имеющих постоянного жилья. В полости этих цветков ночью температура выше, чем в окружающем похолодевшем воздухе. С восходом солнца квартиранты покидают домики, чтобы вечером вернуться на ночлег.

Черепахи едут в зоопарк

На земном шаре известно около 250 видов черепах. Одни живут в горах, другие в море, третьи на болоте. Очень распространены степные черепахи.

На снимке черепахи, пойманные в степи. Почти 70000 черепах в этой «толпе». Они сфотографированы в Ташкенте и разъедутся отсюда по всем зоопаркам мира. Но не обязательно только в зоопарки попадут степные черепахи. «Черепаший рог» высоко ценится во многих странах. Мясо, жир, яйца идут

в пищу. В некоторых странах даже существуют фермы для разведения и откармливания черепах.

Весной узбекские охотники ежедневно ловят от 200 до 300 этих пресмыкающихся. Черепахи ведь не безобидны. Болотные вредят рыболовству, уничтожают рыбу, степные портят железнодорожные насыпи, оросительные каналы, вредят насаждениям саксаула, посевам пшеницы. Пусть сидит в клетке зоопарка черепаха, приносящая вред!

ДНЕВНИК ЖИЗНИ

30 ноября

Мы думали. Анатолий Михайлович не простит нам поступок Трепакова. И когда он вошел в класс, сидели мрачные и тихие, даже страницами не шелестели. А тут вдруг—ужас!—Машков трахнул Трепакова по голове книжкой. На весь класс раздалось.

А. М. посмотрел на нас и сказал: «Даю две минуты. Ударьте друг друга книжками, и чтоб это в последний раз, и чтоб ни одной скорбной физиономии».

Мы, конечно, постарались!

Алина задумала рейды к отстающим. И опять у нее ничего не получилось. В рейды пошли девчонки, ребята подкараулили их и атаковали. Про это узнал директор. Шум, наказания. Алина совсем не выходит из пионерской комнаты.

2 декабря

Мама меня ругает. Говорит, что я разбрасываюсь. Я и правда записался во все кружки, но бояться ей было нечего. Уже почти все они не работают. О них забыли и учителя, и ученики. Я хожу только в гимнастическую секцию и в географический.

4 декабря

Про меня говорит вся школа. Я переделал стихи Маяковского, и получилось очень смешно.

Вьется

улица-змея,

Окончание. См. «Костер» № 5—6

Ходит курица

вдоль змеи.

Улица и

курица —

мои!

Висит плакатина

на стене.

Моя плакатина

нравится мне.

Мой гром

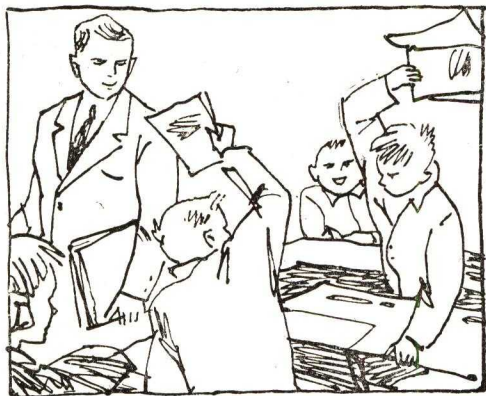
загремел

среди бела дня,

Мои читатели

любят

меня.

8 декабря

День прошел как обычно. Ниловна поставила четыре. После занятий был смотр самодеятельности. Н. пела очень хорошо совсем незнакомую песенку. Я подошел к ней и сказал: «Спишите мне эту песню». Она вынула из кармана листочек и говорит: «Вот. Возвращать не надо». И смотрит куда-то в сторону. Я ей безразличен.

9 декабря

Алина готовит диспут: «Все ли у нас красиво?» Вопросы раздала девчонкам, потому что мальчишки отказались.

12 декабря

Сегодня была прекрасная ночь. Я шел из кино по чистому снегу. Никто по нему еще не прошел до меня. И вдруг я увидел Н. Она была с мальчишкой. Стояли, смотрели вверх. Наверное, на звезды. Я спрятался за углом. Очень и очень тяжело.

Что-то беспокойно на душе.

Что-то сердце так тревожно бьется.

Желтая луна с небес уже,
Видно, больше мне не улыбнется.
И зачем улыбки мне дарить!
Лучше улыбайся всему свету.
Не могу же я легко любить,
А большой любви все нет и нету.

15 декабря

Лариса Петрик стала чемпионкой СССР по гимнастике. Ей пятнадцать лет. Мне скоро четырнадцать, а я еще ничего настоящего не сделал. Лермонтов в 1828 году написал всего четыре стихотворения. Слабых. Но вот напишу ли я такие могучие стихи, какие он писал в двадцать три года?

16 декабря

Жизнь бьет ключом. Наш класс готовит классный КВН, а вся школа — вечер, который придумал Анатолий Михайлович. Вечер будет называться «Праздник народов». О диспуте забыли. Алина за нас. Это будет грандиозный праздник. Мы готовим костюмы разных народов, танцы, песни. Пятиклассники, все шесть классов, захотели быть индейцами. Алина — гений. Она организовала девочек — и пионерская комната превратилась в ателье мод. А спортивный зал — в зал танцев. Директор, как услышал самбо да буги-вуги, сразу примчался. А запретить не смог. Не мы же виноваты, что негры и южно-американцы танцуют под такую музыку. Но скандал все-таки получился. Трепаков решил изображать переходный период от обезьяны к человеку. Раскачался на одном кольце и заехал ногой в стекло. Репетиции временно отменили. Но директора взялась уговорить Алина. Уж она-то добьется своего.

19 декабря

Все-таки мы поплатились за Трепакова. Сегодня директор отменил у нас КВН. Мы приготовили смешные вопросы, оркестр на бутылочках,

пришли вечером в школу, а директор просто взял и разогнал нас. Видите ли, не доложились ему! Что хочет, то и делает. За нас заступился А. М., не помогло. Хотели со злости стекла в директорском кабинете побить, да школу пожалели.

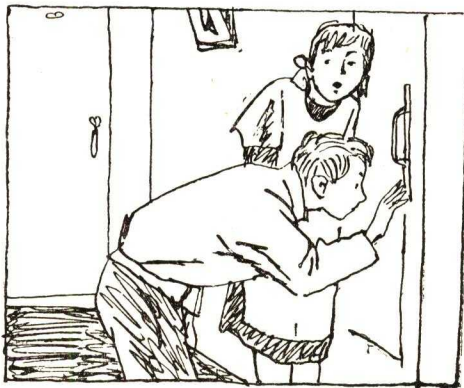

21 декабря

Над А. М. сгущаются тучи. Был открытый урок по географии. Пришли из горно, директора школ, учителя, человек двадцать. И, честное слово, мы не подкачали. Мы же к празднику народов готовимся. Мы каждый островок по имени знаем. Всем понравился этот урок. Мы думали, А. М. похвалит, и послали Косарева и Дашевского подслушать, как его будут хвалить. И все его хвалили. Но наш директор вдруг попросил показать конспект урока. Конспекта у А. М. не было. И тогда его стали ругать. Особенно старалась наша Антонина. Классный руководитель тоже. Мы поклялись отомстить ей.

Оказывается, они знали все про А. М., и про то, как мы сначала его не любили, и про то, как он выкинул с катка Трепакова, и как мы били друг друга книжками. Все это непедагогично. И об А. М. поставили вопрос. Это, конечно, директор постарался. Изжить он хочет А. М. из школы. Пусть лучше сам уходит!

Оказывается, они знали все про А. М., и про то, как мы сначала его не любили, и про то, как он выкинул с катка Трепакова, и как мы били друг друга книжками. Все это непедагогично. И об А. М. поставили вопрос. Это, конечно, директор постарался. Изжить он хочет А. М. из школы. Пусть лучше сам уходит!

22 декабря

Сегодня мы дежурили по школе, и на обще-школьной линейке нас

лишили дежурства: сняли красные повязки.

Мы сорвали урок у нашей Антонины. Она вошла в класс, мы встали и мычали, не разжимая ртов. Она не поняла сначала, говорит, садитесь. Мы сели и мычим. Она крикнула на нас — мы свое. Позвала директора. Он вошел. Мы встали и — мычим. Ну и сразу линейку собрали.

Удивительно, почему он нас за родителями не послал?

23 декабря

Сегодня встретил в коридоре Н., и она мне улыбнулась. Я разговаривал по этому поводу с моим соседом по квартире Ю. Он десятиклассник. За ним девочки бегают. Ю. сказал: «Подойди к ней после школы и проводи. Разговаривай о кино или книгах. С первого вечера не целуйся». И как так можно говорить о девочках. «С первого вечера не целуйся». Да я целый год не буду целоваться.

24 декабря

Четверть я закончу не плохо. Может быть, даже без троек. Если напишу контрольную по алгебре хорошо, тогда я — хорошист! А. М. будет очень рад.

25 декабря

На перемене подошла ко мне девочка из шестого «а» и дала свой дневник. Она хочет записаться в литкружок. А зачем дневник дала, не понимаю. Ничего в нем нет. Записывает каждый день, и записи в основном такие: «Ничего интересного не было». «Все то же». «В школе по-прежнему». «Все то же». Дашевский издевается надо мной. Говорит, что дневник мне девочка дала потому, что влюбилась в меня.

26 декабря

На уроке географии мы разговаривали с А. М. по душам. Начистоту. Он не боится наших вопросов, и мы не боимся ему задавать их. Мы спросили, почему директор придирается к нему, почему такие люди, как директор, руководят более умными людьми. А. М. сказал, что директор совсем не плохой человек, но дело в том, что ему хочется устойчивости, а жизнь идет. Ученики уже не те, что два года назад, а он не хочет с этим смириться. «Вот ваша Алина, — сказал Анатолий Михайлович, — она никак не могла найти к вам подхода, потому что, когда сама училась, и ре-

бята были другие, и пионерская организация другая. А теперь она поняла, в чем дело, и вы с ней стали друзьями».

27 декабря

Я рассказал о школьных делах дома. Мама сочувствует А. М., а папа сказал: «Они бы вас лучше учили, а то все опыты делают, Макаренки!»

28 декабря

Анатолий Михайлович веселый, но мы знаем, что ему трудно. На уроках то и дело сидят разные представители. Сегодня мы составили заговор ДАМ — Друзей Анатолия Михайловича. Завтра в знак протеста на четвертом уроке в школе погаснет свет. Если А. М. съедят, мы будем писать плакаты: «Верните учителя». И свет будет гаснуть каждый день. За электрогруппу отвечают Машков и Дашевский. Плакаты рисуют Сметанина и Косарева.

На собрании по итогам 2-й четверти решено устроить директору «Бум».

29 декабря

Света не было весь урок. Задание ребята выполнили отлично. Четверть закончил с одной тройкой. Контрольную по алгебре написал на «пару». Это меня, конечно, погубило.

30 декабря

После уроков было открытое комсомольское собрание по итогам четверти. Трюк удался. Под директорский стул подложили пистоны. Он сел, они — трах! Он как вскочит, чуть стол не опрокинул. Весь зал захохотал, а директор — кулаком по столу: «Замолчать! Кто сделал?» Два часа разбирались, и без толку. Как бы он удивился, если бы узнал, что пистоны подложила Сметанина. Она же начальство. В президиуме сидит.

3 января, вернее, 4

Новогодний бал. Все идет кувырком, и все прекрасно. Концерт самодеятельности затянулся, и его почти не слушали. Потом танцевали. Я выбрал место напротив Н. Заиграли вальс, и я не пошел танцевать. Непременно, обязательно надо научиться танцевать вальс! Потом заиграли танго. Я пошел приглашать, стал рядом, а когда решился, Н. пригласили. И второй раз так получилось. Я решил кончить эту комедию и ушел подальше от Н. Смотрю, она совсем рядом и улыбается. Оглянулся, какой-то пижон из 10-го. И тут меня поманил А. М. Я подошел, а он говорит шепотом: «Что же ты стоишь столбом? Ведь тебе улыбались». Я сразу подошел к Н., и мы танцевали.

Эта запись в дневнике последняя. Что случилось дальше, вы знаете.

А теперь о том, как я узнал про всю эту историю.

Я живу по соседству со школьной нянечкой тетей Паней. Однажды тетя Паня сказала мне:

— Ты хоть бы в школу к нам зашел, писатель. Хороших ребятшек хотят исключить...

В школе было тихо, шли уроки, и я начал свое путешествие с пионерской комнаты. За столом, спиной ко мне, сидела девушка, и плечи ее вздрагивали. Она услышала, что дверь открылась. Ее руки метнулись к сумочке за платком. Это была пионервожатая Алина.

От Алины я узнал многое. Я узнал, что Пантелеев бежал из дома. Доехал до Москвы, был в музее Ленина, в Третьяковской галерее. Его сняли с поезда, идущего к Черному морю.

Почему бежал Пантелеев?

Как-то после уроков, едва прозвенел звонок, в класс вошел директор и назвал три фамилии: Машков, Дашевский, Сметанина.

Когда все трое ушли вслед за директором в его кабинет, в классе наступила небывалая тишина. Вдруг вскочил Трепаков.

— Кто выдал?! — крикнул он.

Все молчали. Это был позор. В классе появился фискал.

И тут у Пантелеева мелькнула догадка, в которую он сразу поверил. У него закружилась голо-

ва. Дневник! Ребят выдал он, Пантелеев. Его дневник. Бритик грозился не зря.

На следующий день события разворачивались с головокружительной быстротой. Дашевскому, Сметаниной и Машкову по поведению за вторую четверть поставили тройки. Директор вызвал Алину и попросил подготовить собрание, на котором Дашевского и Машкова должны были исключить из пионеров. Сметанина была комсомолкой, и для нее готовили комсомольское собрание.

В классе стало невозможно. Все подозревали друг друга, боялись делиться мыслями. А у Пантелеева не хватало смелости рассказать о своем дневнике ребятам или хотя бы Анатолию Михайловичу. В эти дни он и решил убежать из дома.

Вернувшись после побега в школу, Пантелеев рассказал обо всем ребятам, и тогда возникла идея написать письмо.

Письмо было правдивое, ребята честно писали о своих прегрешениях, но и директора не хвалили. От Алины ребята не скрыли, что написали письмо, что послать его собираются в «Пионерскую правду» и что идет таинственная работа по сбору подписей.

О письме узнал директор. Он вызвал Алину и приказал доставить письмо.

Потом, чтобы не мозолить глаза, я долго не подходил к Н. и потерял. Ждал возле школы, а ее не было.

Все равно она улыбалась мне! Да здравствует Новый год!

7 января

Каникулы. Ждали их, ждали, а теперь скучно. В школу даже хочется. Собираюсь в Дом Пионеров на «Золушку». Играет театральный кружок. Говорят, хорошо.

10 января

Сегодня мы смотрели в Доме Пионеров пьесу «Золушка». Она мне очень понравилась. Золушкой была Таня Прохорова. Она учится в 21-й школе, в шестом классе.

Я пришел в школу в тот момент, когда Алина совершенно запуталась, металась между ребятами и директором и не могла найти выхода. В таких случаях министры подают в отставку.

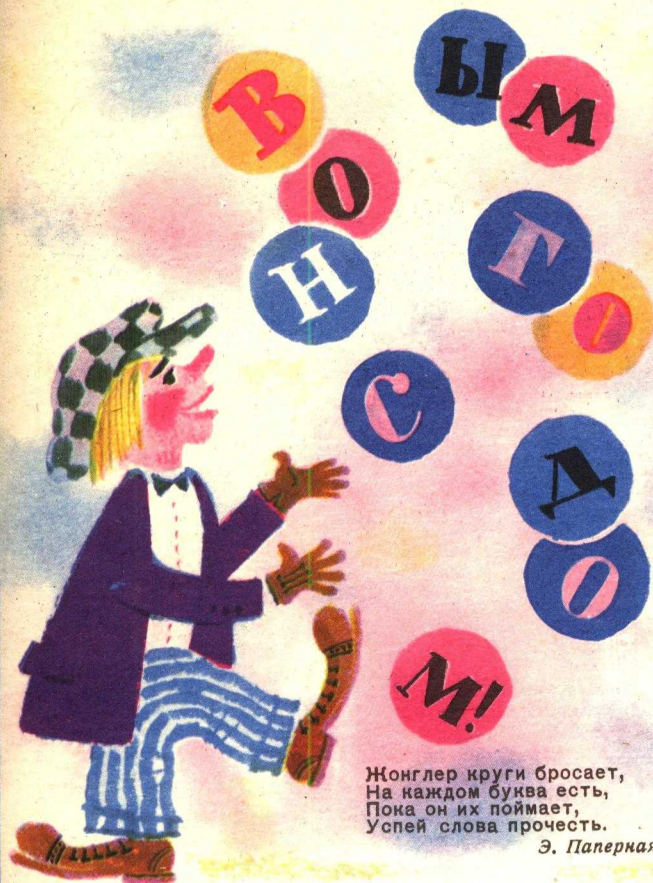
Алина не хотела в отставку. Она рассказала мне о своем горе, мы долго вместе думали, спорили и в конце концов решили, что надо продолжать борьбу.

...И вот наконец у меня на столе появилась коричневая обложка тетрадь. С одной стороны — «Дневник жизни», с другой — стихи. Я прочитал дневник и решил опубликовать его. Разумеется, с разрешения Пантелеева. Пусть великий школьный народ разберется в этой истории. Кто прав, кто неправ. Пусть подумает над тем, что волновало Пантелеева и его друзей.

Для любопытных сообщаю: учитель Анатолий Михайлович остался в школе, Машкова и Дашевского из пионеров не исключили. Сметанину не исключили из комсомола. Все они получили предупреждения. Директор тоже остался в школе. Он разрешил провести «Праздник народов», и это был лучший вечер, какой только знала его школа.

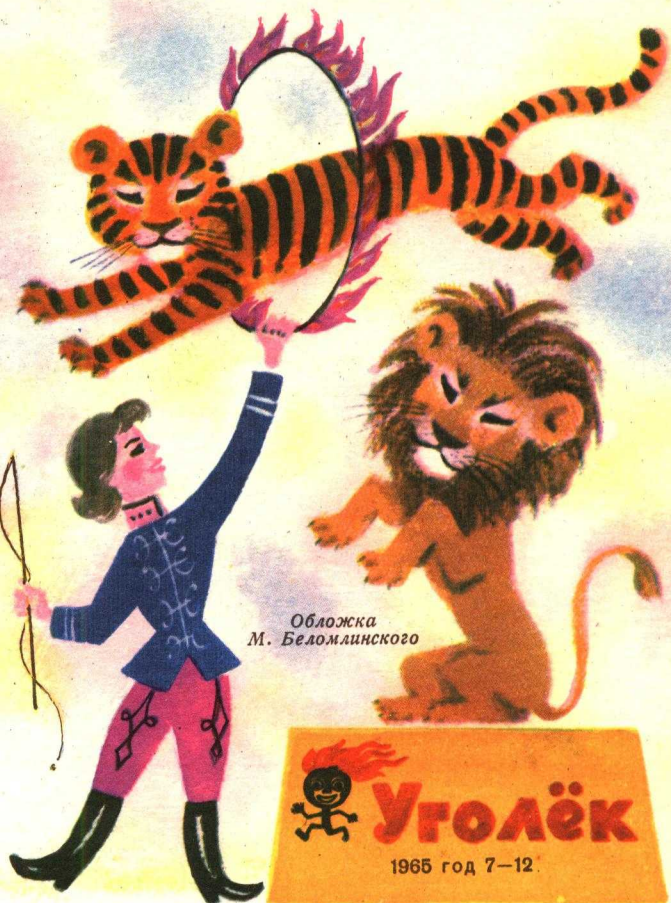
С Пантелеевым мы большие друзья. У него, конечно, другая фамилия, но будьте уверены, ребята: он получает все ваши письма и благодарит вас за них.

Владислав Бахревский

Жонглер круги бросает,
На каждом буква есть,
Пока он их поймает,
Успей слова прочесть.

Э. Паперная

Обложка
М. Беломлинского

Уголёк

1965 год 7-12.

Приглядись — и ты поймешь,
Где же здесь колючий ёж.

Рисунок К. Савкевич

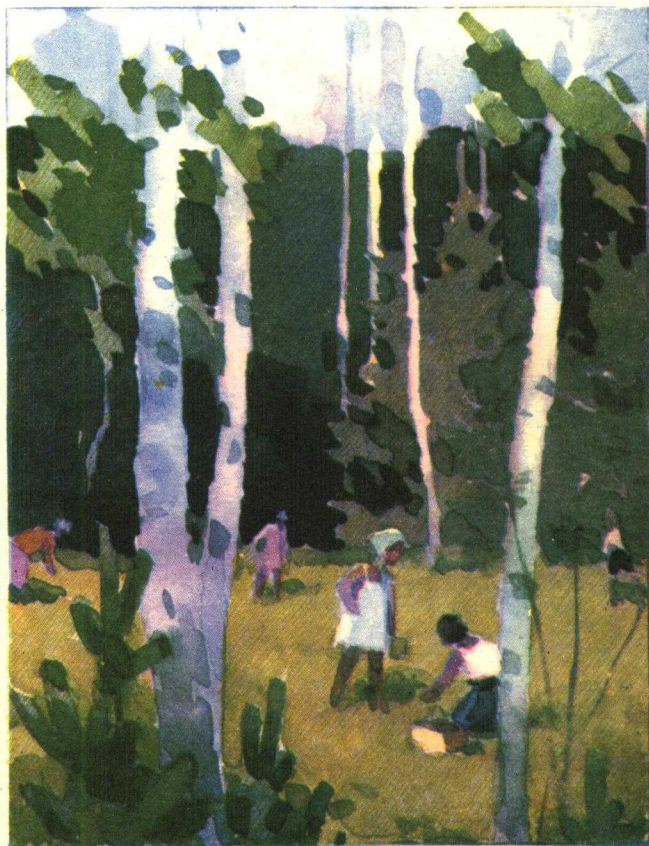
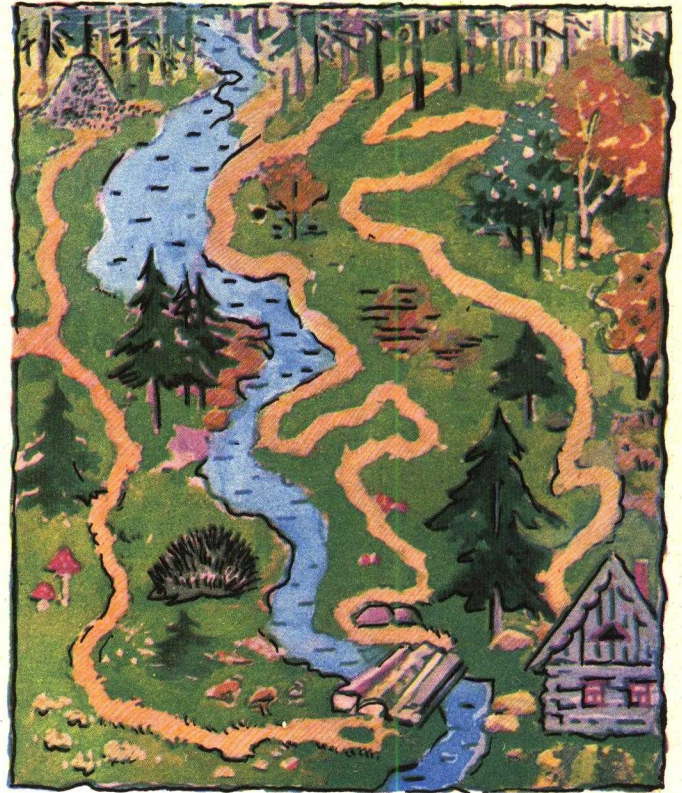
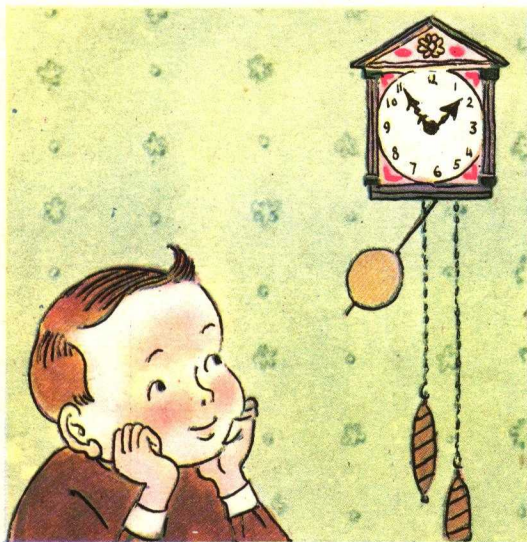

Рисунок И. Ризнича к странице 2

Куда спрятался зайчик?

Василий Фетисов

НУ — ЧАСЫ

Удивляюсь я, однако:
ведь часы,
а не собака!..
Не чиню,
не завожу,
не я
прибил их гвоздиком,
но, когда ни погляжу,
мне виляют хвостиком!

Рисунок Б. Семенова

ПЕРЕСТАРЛСЯ

За невежливость Володя
так ребят критиковал,
что однажды в огороде
тыкву
выквою
назвал.

Н. Егоров

Фиалки в стакане.
Ландыши в вазе.
Кто принес?
Таня.
Кто принес?
Вася.

Что за наказание?
Что за безобразие?
Кто сделал?
Нетаня.
Кто сделал?
Невася.

В чем же дело? Что
такое?
Все считают, что нас
двое.

Л. Виноградов
Рисунки В. Гальбы

8

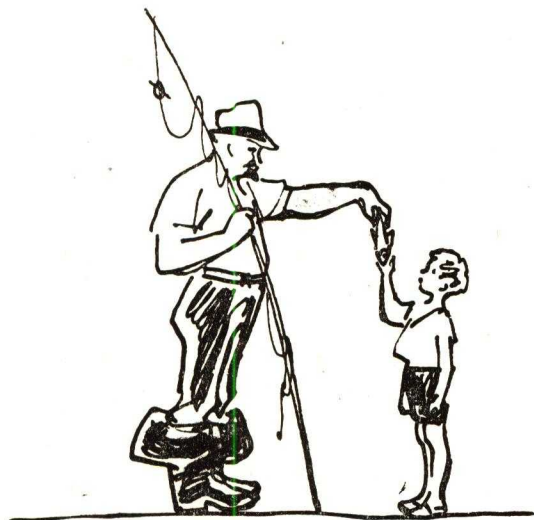
«Уголёк» № 7

Рисунок Н. Носкович

Июль—хоть разденься,
а легче нет!

1

ПЕТЯ И РЫБКА

Это дело было так:
Пете рыбку дал рыбак.
Петя
С рыбкою в руке
Отражается
В реке.

4

Он стоит с уснувшей рыбкой.
На нее глядит с улыбкой.
На ладони рыбка спит,
Чешуя у ней блестит.
Только вдруг она проснулась,
Как пружинка, изогнулась,
По ладони Петю—
хлоп!
И с ладони— в воду— шлеп!..
Юрким хвостиком вильнула
И исчезла в тот же миг.
— Мама!
Рыбка утонула! —
Поднял Петя громкий крик.

Владимир Лифшиц
Рисунки И. Кустова

5

ЛЯГУШКА И КОМАР

СКАЗКА

Однажды лягушка увидела комара и захотела его съесть. Она раскрыла рот, поднадулась ихватила в себя воздух с такой силой, что тотчас туда влетели две мошки, за мошками пять бабочек, за бабочками луг с одуванчиками и коровой, дом, мальчик с велосипедом, дед с бородой, баба с ведрами, село с улицами и флагами, лес с грибами и грибниками, гора с пещерой, река с рыбами и сетями, море с тремя песчинками, солнце и звезды.

Все проглотила лягушка, остался на свете один комар, жужжит он рядом, не влетает. Рада бы лягушка схватить комара, да брюхо не вмещает — и так полным-полно.

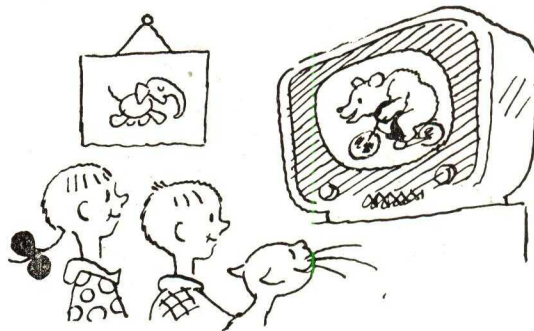
Стала лягушка выдыхать воздух обратно, и появились звезды, солнце, море с тремя песчинками, река с рыбами и сетями, гора с пещерой, лес с грибами и грибниками, село с улицами и флагами, баба с ведрами, дед с бородой, мальчик с велосипедом, дом, луг с одуванчиками и коровой, за лугом пять бабочек, за бабочками две мошки, и за мошками лягушкин язык тянется. Вот он все длиннее и длиннее растет. Дотянулся до комара, тут лягушка комара и поймала.

С тех пор у лягушки длинный язык.

Б. Сергуенков

Рисунок И. Ризнича

2

Цирк на экране!
Смотри, удивляйся!
Кто смотрит?
Таня.
Кто смотрит?
Вася.

Следы на диване.
Ты не сомневайся:
Кто ходил?
Нетаня.
Кто ходил?
Невася.

7

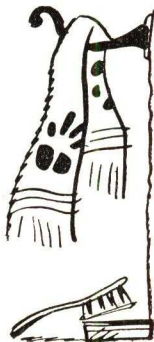
СКОЛЬКО НАС?

Вообще у нас в квартире
Детей всего четыре.

Вот блины в сметане.
Окрошка на квасе.
Кто будет есть?
Таня,
Кто будет есть?
Вася.

Полотенце в ванне.
Вымазано в ваксе.
Кто сделал?
Нетаня.
Кто сделал?
Невася.

6

Стихи
про
Петю
В. Лифшиц

ПЕТЯ И БУКВЫ

Если мы не примем мер,
Мальчик Петя — вот беда —
Букву „Ш“ и букву „Р“
Не осилит никогда.

Вместо слова „ХОРОШО“,
Говорит он — „ХОЛОСО“.
Вместо слова „ПАРАШЮТ“,
Говорит он — „ПАЛАСЮТ“...

А теперь наоборот:
Прочим буквам не в пример,
Полюбил он через год
Букву „Ш“ и букву „Р“.

Вместо слова „КОЛЕСО“,
Говорит он „КОРЕШО“.
Вместо слова „ПЫЛЕСОС“,
Говорит он — „ПЫРЕШОШ“.

3

Мно, мой Мно!

ПОВЕСТЬ-СКАЗКА

Астрид Линдгрен

Рисунки Илон Векланд

И ДЕНЬ И НОЧЬ В ПУТИ

Слушал кто-нибудь радио пятнадцатого октября прошлого года? Слышал кто-нибудь сообщение об исчезнувшем мальчике? По радио объявили:

«Полиция Стокгольма разыскивает девятилетнего Бу Вильгельма Ульссона. Позавчера в шесть часов вечера он исчез из дома на улице Упланд, тринадцать. У Бу Вильгельма Ульссона светлые волосы и голубые глаза. В тот день на нем были короткие коричневые штаны, серый вязаный свитер и красная шапочка. Сведения о пропавшем посылайте в дежурное отделение полиции».

Вот что говорили по радио. Но известий о Бу Вильгельме Ульссоне так никогда и не поступило. Он исчез. Никто никогда не узнает, куда он делся. Тут уж никто не знает больше меня. Потому что я и есть Бу Вильгельм Ульссон.

Как бы мне хотелось рассказать обо всем хотя бы Бенке. Я часто играл с ним. Он тоже живет на улице Упланд. Его полное имя Бенгт, но все зовут его просто Бенка. И понятно, меня тоже никто не зовет Бу Вильгельм Ульссон, а просто Боссе.

Вернее, раньше меня звали Боссе. Теперь, когда я исчез, меня вообще никак не могут звать. Только тетя Эдля и дядя Сикстен говорили мне — Бу Вильгельм. А если сказать по правде, то дядя Сикстен никак ко мне не обращался, он вообще со мной не разговаривал.

Я был приемышем у тети Эдли и дяди Сикстена. Попал я к ним, когда мне был всего один год. А до того я жил в приюте. Тетя

Эдля и взяла меня оттуда. Вообще-то ей хотелось девочку, но подходящей девочки не нашлось, и она выбрала меня. Впрочем, дядя Сикстен и тетя Эдля мальчишек терпеть не могут. Тетя Эдля уверяла, что в доме от меня дым идет коромыслом, что я притаскиваю с прогулки всю грязь из парка Тегнера, что я повсюду разбрасываю свою одежду и слишком громко болтаю и смеюсь. Она без конца повторяла: «Будь проклят тот день, когда ты появился в нашем доме». А дядя Сикстен изредка кричал: «Эй, ты, убирайся с глаз долой, чтоб духу твоего не было!»

Большую часть дня я пропадал у Бенки. Его отец подолгу беседовал с ним и помогал строить планеры. Иногда он делал метки на кухонной двери, чтобы видеть, как растет Бенка. Бенка мог смеяться и болтать сколько влезет и разбрасывать свои вещи где ему вздумается. Все равно отец любил его.

И ребята могли приходить к Бенке в гости и играть с ним. Ко мне никому не разрешали приходить, потому что тетя Эдля говорила: «Здесь не место для беготни». И дядя Сикстен поддакивал: «Хватит с нас одного сорванца».

Иногда вечером, ложась в постель, я мечтал о том, чтобы отец Бенки вдруг стал бы и моим отцом. И тогда я задумывался, кто же мой настоящий отец и почему я не вместе с ним и с мамой, а живу то в приюте, то у тети Эдли и дяди Сикстена. Тетя Эдля как-то сказала мне, что моя мать умерла, когда я родился. «А кто был твоим отцом, никто этого не знает. Зато всем ясно, какой он проходец», — добавила она.

Печатается с сокращениями.

Я ненавижу тетю Эдлю за то, что она так отзывалась о моем отце. Может, это и правда, что мама умерла, когда я родился. Но я знал, что мой отец не проходимец. И не раз, лежа в постели, я украдкой плакал о нем.

Кто был по-настоящему добр ко мне, так это фру Лундин из фруктовой лавки. Случалось, она угощала меня сладостями и фруктами.

Теперь, после всего, что произошло, я часто задумываюсь, кто же она такая, тетушка Лундин. Ведь с нее-то все и началось тем октябрьским днем прошлого года.

В тот день тетя Эдль то и дело попрекала меня, будто я причина всех ее несчастий. Около шести часов вечера она велела мне сбежать в булочную на улицу Дротнинг и купить ее любимых сухарей. Натянув красную шапочку, я выбежал на улицу.

Когда я проходил мимо фруктовой лавки, тетушка Лундин стояла в дверях. Она взяла меня за подбородок и посмотрела на меня долгим, странным взглядом.

Потом она спросила:

— Хочешь яблоко?

— Да, благодарю, — ответил я.

И она дала мне красивое спелое яблоко.

Потом она спросила:

— Ты не бросишь открытку в почтовый ящик?

— Конечно, — согласился я.

Тогда она написала на открытке несколько строк и протянула ее мне.

— До свидания, Бу Вильгельм Ульссон, — сказала тетушка Лундин. — Прощай, прощай, Бу Вильгельм Ульссон.

Ее слова прозвучали так странно. Она ведь всегда называла меня просто Боссе.

До почтового ящика мне нужно было пройти еще один квартал. Но когда я опускал открытку, то увидел, что она вся так и сверкает. Да, буквы, которые написала тетушка Лундин, горели, как на световой рекламе. Я не мог удержаться и прочитал их. На открытке было написано:

«Королю Страны Дальней.

Тот, кого ты так долго искал, уже в пути. И день и ночь он в пути, в руке у него волшебный знак — золотое яблоко».

Я не понял ни слова. Но мороз пробежал по коже. Я поспешно бросил открытку в ящик.

Интересно, кто же это странствует днем и ночью? И у кого в руке золотое яблоко?

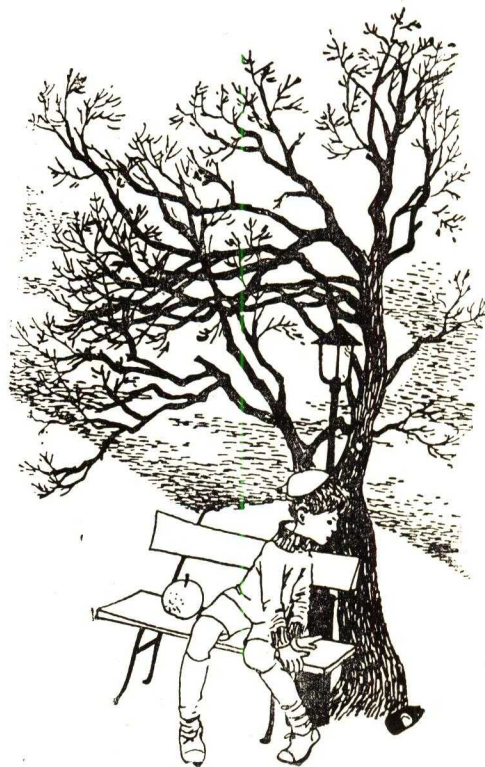
Тут я взглянул на яблоко, что мне дала тетушка Лундин. Оно было золотое.

Я почувствовал себя таким одиноким и чуть не заплакал. Пошел и сел на скамейку в парке Тегнера. Там не было ни души. Наверное, все ушли ужинать. Опустились су-

мерки, накрапывал дождь. В домах вокруг парка зажглись огни. В Бенкиных окнах тоже был свет. Значит, он дома, вместе с папой и мамой, ест блины с горошком. Повсюду, где горит свет, дети сидят возле своих пап и мам. Только я здесь один, в темноте. Один, с золотым яблоком в руках. Поблизости стоял уличный фонарь, свет от которого падал на меня и мое яблоко. Но вдруг в свете фонаря на земле что-то блеснуло. Оказалось, это простая бутылка из-под пива. Конечно, пустая. Кто-то засунул в ее горлышко кусок деревяшки.

Я поднял бутылку и прочел на этикетке: «Акционерное общество пивоварения. Стокгольм. 2-й сорт». Неожиданно мне показалось, что в бутылке кто-то копошится.

Однажды в библиотеке я взял книжку «Тысяча и одна ночь». В ней рассказывалось о духе, который сидел в бутылке. Но то было в далекой-далекой Аравии много тысяч лет назад. Совсем другое дело простая бутылка из-под пива в парке Тегнера. Небось, духи не каждый день встречаются в бутылках стокгольмских пивоварен. Но в этой бутылке на самом деле кто-то был. Честное слово, там сидел дух. И ему не терпелось выйти из заточения. Не очень-то я привык иметь дело с ду-

хами, и мне было чуточку боязно вынуть из бутылочного горлышка деревяшку. Наконец, я все же решился, и дух со страшным шумом вылетел из бутылки; в один миг он вырос до таких громадных размеров, что самые высокие дома вокруг парка Тегнера оказались ему по плечо. С духами всегда так: то они сжимаются и становятся такими маленькими, что умещаются в бутылке, то мгновенно вырастают выше домов.

Вы не представляете, как я испугался. Я дрожал с ног до головы. Тут дух заговорил. Его голос грохотал, будто могучий водопад, и я подумал: вот бы тете Эдле и дяде Сикстену услышать его, а то они вечно недовольны, что люди разговаривают слишком громко.

— Малыш, — сказал дух, — ты освободил меня из заточения. Проси, чего пожелаешь!

Но я вовсе не ждал вознаграждения за то, что вытащил из бутылки кусок деревяшки. Оказывается, дух прибыл в Стокгольм вчера вечером и забрался в бутылку, чтобы хорошенько выспаться. Лучше, чем в бутылке, нигде не выспаться, это все духи знают. Но пока он там спал, кто-то закупорил бутылку. Не освободи я его, он протомился бы в ней тысячу лет, пока не сгнила бы пробка.

— Это не понравилось бы моему повелителю-королю, — пробормотал дух себе под нос. Тут я набрался храбрости и спросил:

— Дух, откуда ты?

На миг воцарилась тишина. Потом дух ответил:

— Из Страны Дальней.

Только он произнес эти слова, как у меня в душе все запело и зазвенело. Его слова пробудили во мне тоску по незнакомой стране. Я протянул руки и закричал:

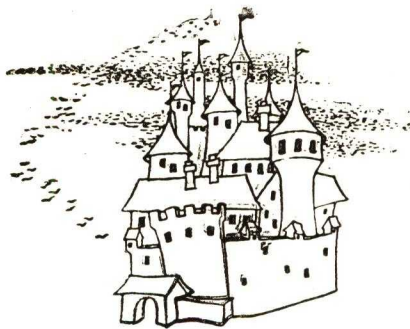
— Возьми меня с собой! О дух, возьми меня в Страну Дальнюю.

Дух покачал головой. Но тут он увидел мое золотое яблоко и воскликнул:

— В твоей руке волшебный знак! Ты тот, кого так долго разыскивает наш король.

Он наклонился и обнял меня. Вокруг нас что-то запело и зазвенело, и мы полетели ввысь. Далеко внизу остался парк Тегнера и дома, где в окнах горел свет и дети обедали вместе со своими папами и мамами. А я, Бу Вильхельм Ульссон, был уже высоко-высоко в звездных краях.

Где-то внизу под нами плыли облака, а мы мчались вперед быстрее молнии и с грохотом, подобным грому. Звезды, луна и солнце сверкали вокруг. Иногда нас вдруг окутывал мрак, а потом снова ослепляла такая белизна, что невозможно было смотреть.

«И день и ночь в пути», — прошептал я. Именно так было написано в открытке.

Тут дух протянул руку и указал вдаль на зеленые луга, омываемые прозрачной голубой водой и залитые ярким солнечным светом.

— Смотри, вон страна Дальняя, — сказал дух. И мы начали опускаться.

На берегу моря возвышался громадный белокаменный замок, там мы и приземлились. Навстречу нам кто-то бежал вдоль берега. Это был сам король. Стоило мне взглянуть на него, как я понял, что это мой отец. Я в этом ничуть не сомневался. Отец широко раскинул руки, и я бросился в его объятия.

Вот бы тетя Эдля увидела моего отца! Какой он красивый и как сверкает его шитое золотом и разукрашенное драгоценными камнями платье. Он был похож на отца Бенки, только еще красивее. Жаль, что тетя Эдля не видит его. Она бы сразу поняла, что отец мой не проходимец.

Но тетя Эдля сказала и правду: моя мать умерла, когда я родился. А эти глупые люди в приюте и не подумали известить моего отца-короля о том, где я нахожусь. Он разыскивал меня долгих девять лет. Я был страшно рад, что наконец нашелся.

Я уже давно живу в Стране Дальней. Все дни напролет я веселюсь. Каждый вечер отец приходит ко мне в детскую комнату, и мы строим планеры и болтаем друг с другом.

А я расту и взрослею, и мне здесь отлично живется. Мой отец каждый месяц делает метку на кухонной двери, чтобы видеть, насколько я подрос.

— Мио, мой Мио, как ты снова вытянулся, — говорит он, когда мы делаем новую метку.

«Мио, мой Мио!» — говорит он, и голос его звучит нежно и ласково. Оказывается, и зовут меня вовсе не Боссе.

Видите! Имя Боссе оказалось ненастоящим, как и моя жизнь на улице Упланд. Теперь все стало на свое место. Я обожаю отца, и он очень любит меня.

Вот было бы хорошо, если бы Бенка узнал обо всем. Возьму и напишу ему письмо и вложу его в бутылку. Потом заткну ее пробкой и кину в синее море. И вот однажды поедет Бенка со своими папой и мамой на дачу в Ваксхольм и, купаясь в море, увидит плывущую бутылку. Здорово, если Бенка узнает о

всех чудесах, которые произошли со мной. И он сможет позвонить в дежурное отделение полиции и сообщить, что Бу Вильгельм Ульссон, которого на самом деле зовут Мио, под надежной защитой в стране Дальней, и ему отлично живется в доме своего отца.

СРЕДИ РОЗ

Правда, я не очень-то знаю, как написать Бенке. То, что приключилось со мной, не похоже ни на какие другие приключения, которые происходят на свете. Может, стоило написать так: со мной приключилось неслыханное. Но ведь Бенка все равно не узнает, что это за Страна Дальняя. Мне пришлось бы послать по меньшей мере десять бутылок, вздумай я рассказать ему о моем отце и королевском саде роз, о моем новом друге Юм-Юме, о моей прекрасной лошади Мирамис и о жестоком рыцаре Като из Страны Чужедальней. Нет, невозможно рассказать обо всем, что случилось со мной.

Уже в самый первый день отец повел меня в свой сад. Вечерело и ветерок играл среди деревьев. Приближаясь к саду, я услышал дивную музыку. Казалось, разом звенели тысячи хрустальных колокольчиков. И от этой музыки тревожно замирало сердце.

— Слышишь, как звенят мои серебристые тополя? — спросил отец.

Гуляя со мной, отец взял меня за руку. Тетя Эдла и дядя Сикстен никогда не брали меня за руку, и никто раньше так не ходил со мной. Поэтому я очень люблю гулять с отцом, когда он держит меня за руку, хотя я уже давно не малыш.

Сад окружала высокая каменная стена. Отец отворил калитку, и мы вошли.

Когда-то давным-давно мне разрешили поехать с Бенкой на дачу в Ваксхольм, и мы сидели там с ним на уступе скалы и удили рыбу. Садилось солнце. Небо было сплошь багровым, и вода словно замерла. Цвел шиповник, и его яркие цветы алели среди диких скал. А далеко на другой стороне залива во весь голос куковала кукушка. Я подумал про себя, что ничего более прекрасного на свете не бывает. Конечно, кукушку я так и не видел, но вся природа замирала, слушая ее песню. Я ничего не сказал Бенке, боясь показаться смешным, хотя сам был твердо уверен, что это и есть самое прекрасное на земле.

Но тогда я еще не видел сада моего отца. Я не видел ни его роз, целого моря сказочных

чудесных роз, струившихся разноцветными потоками, ни его белых лилий, колыхавшихся на ветру. Я не видел его тополей с серебристыми листьями. Их вершины упирались в самое небо, так что, когда наступал вечер, звезды зажигались прямо на их макушках. Я не видел его белых птиц, порхающих в саду, и никогда не слышал ничего похожего ни на их песни, ни на музыку серебристых тополей.

— Мио, мой Мио, как нравится тебе мой сад?

Я не в силах был ответить. Меня охватило непонятное чувство. Словно тоска закрадывалась в сердце.

Мне захотелось поскорее приласкаться к отцу, чтобы он чего доброго не почувствовал моей смутной тревоги. Он сказал:

— Приятно видеть тебя радостным. Будь всегда таким, Мио, мой Мио!

У меня даже голова кружилась от всей этой красоты, как если бы я всласть напился сиропа. Мои ноги не могли устоять на месте и приплясывали, а руки налились силой. Вот бы Бенка был со мной! Я бы подрался с ним, понятно, понарочному. И правда, как мне не хватало Бенки! Бедняга Бенка по-прежнему бегает в парке Тегнера, а там сейчас и ветер свистит, и дождь идет, и темно.

Мне слегка взгрустнулось, и я было повесил голову. Вдруг я поднял глаза. Передо мной на дорожке стоял... кто бы вы думали? Бенка. Передо мной стоял мальчик. С такими же темно-каштановыми волосами, как у Бенки, и такими же карими глазами.

— Кто ты? — спросил я.

— Юм-Юм, — ответил он.

И тут я увидел, что он не очень похож на Бенку. Он как-то серьезнее и, видно, добрее Бенки. Бенка, конечно, тоже добрый, как и я, то есть в меру, но нам обоим случалось вспылить и подраться друг с другом. Случалось нам и сердиться друг на друга, хотя потом мы снова мирились. А вот с Юм-Юмом и подраться было никак нельзя.

— Знаешь, как меня зовут? — спросил я. — Думаешь, Боссе? Совсем нет, меня так звали.

— Я знаю, что тебя зовут Мио, — ответил Юм-Юм. — Наш король послал гонцов по всей стране, и они возвестили, что Мио вернулся домой.

Подумать только! Как обрадовался мой отец, когда нашел меня. Он даже велел оповестить об этом всех жителей своего королевства.

— А у тебя есть отец, Юм-Юм? — спросил я, изо всех сил желая, чтобы у него был отец.

— Конечно, есть, — ответил Юм-Юм. — Мой отец — садовник короля. Пойдем, посмотришь, где я живу.

И Юм-Юм побежал впереди по извилистой тропинке в самый отдаленный уголок сада.

Там стоял небольшой белый домик с соломенной крышей, точь-в-точь как в сказках. Его стены и крыша так густо поросли розами, что домика почти не было видно. Окошки были раскрыты настежь, и белые птицы то влетали в домик, то вылетали оттуда. Из кухни послышался чей-то голос.

— Юм-Юм, ты не забыл про ужин? — Это был голос его матери. Она вышла на крыльцо, улыбаясь. И тогда я увидел, что она очень похожа на тетюшку Лундин, только чуть помоложе. Глубокие ямочки на круглых щеках были совсем как у тетюшки Лундин, и она взяла меня за подбородок точно так же, как тетюшка Лундин.

— Добрый, добрый день, Мио! Хочешь поужинать вместе с Юм-Юмом?

— С удовольствием, — ответил я, — если только не доставлю вам хлопот.

Она сказала, что для нее это приятные хлопоты. Юм-Юм и я сели за стол возле домика, а его мама вынесла блюдо блинов, клубничное варенье и молоко. Мы с Юм-Юмом наелись так, что чуть не лопнули. Под конец мы толь-

ко глазели друг на друга и смеялись. Как я был рад, что у меня есть Юм-Юм. Вдруг полетела птица и отщипнула кусочек блина с моей тарелки, и нам стало еще веселее.

Тут мы увидели, что к нам направляется мой отец. Увидев меня, король остановился.

— Мио, мой Мио, я вижу, тебе весело, — сказал отец.

— Да, простите! — извинился я, думая, что, может, королю, как дяде Сикстену и тете Эдле, не нравится, когда громко смеются.

— Смейся на здоровье, — ответил отец. Потом он повернулся к садовнику и сказал: — Мне нравится пение птиц, нравится музыка моих серебристых тополей, но больше всего люблю я слушать смех сына в моем саду.

Я обрадовался так, как никогда в жизни. Запрокинул голову и захохотал как сумасшедший, так, что даже птицы испугались.

Наевшись досыта, мы побежали в сад и начали там кувыряться на полянках и играть в прятки среди розовых кустов. В саду было столько тайников, что десятой их доли в парке Тегнера хватило бы нам с Бенкой по горло. Вернее, Бенке хватило бы их. Ведь ясно, что мне не придется больше искать тайники в парке Тегнера.

Смерклось. Над садом опустилась легкая голубая дымка. Белые птицы уgomонились, спрятавшись в своих гнездах. Серебристые тополя перестали звенеть. В саду воцарилась тишина. Только на верхушке самого высокого тополя сидела большая черная птица и пела. Она пела лучше всех птиц, вместе взятых, и мне казалось, что она поет только для меня. Но в то же время мне хотелось заткнуть уши и не слушать птицу, потому что ее пение нагоняло на меня тоску.

— Вот уж вечер, а скоро и ночь, — сказал Юм-Юм. — Мне пора домой.

— Постой, не уходи, — попросил я. Мне не хотелось оставаться наедине с этой загадочной птицей.

— Юм-Юм, кто это? — спросил я, показав на черную птицу.

— Не знаю, я зову ее птицей Горюн, раз она вся черная, словно в трауре, и поет так печально. Но, может, ее зовут иначе.

— Не очень-то она мне нравится, — признался я.

— А я ее люблю, — сказал Юм-Юм, — у нее такие добрые глаза. Спокойной ночи, Мио! — он попрощался со мной и убежал.

Не успели мы выйти из сада, как птица взмахнула большими черными крыльями и взмыла ввысь. И мне показалось, что на небе зажглись три маленькие звездочки.

Интересно, что сказал бы Бенка, если бы увидел мою белую лошадь с золотой гривой, мою Мирамис с золотыми копытами.

Мы с Бенкой страшно любим лошадей. Когда я жил на улице Упланд, моими друзьями были не только Бенка и тетушка Лундин. Я чуть не забыл еще об одном друге. Его звали Калле Пюнт, это был старый ломовик с пивоваренного завода.

По утрам несколько раз в неделю в магазин на улице Упланд привозили пиво. Когда я шел в школу, я всякий раз выкраивал несколько минут, чтобы хоть немного поболтать с Калле Пюнтом. Это был необыкновенно добрый конь, состарившийся на работе, и я припасал для него кусочки сахара и корки хлеба, Бенка делал то же самое, — ведь он не меньше меня любил Калле. Он говорил, что Калле — его конь, а я — что он мой; иногда мы даже ссорились из-за Калле. Но когда Бенка не слышал, я шептал на ухо Калле: «Ведь ты мой», и Калле Пюнт понимающе косился в мою сторону. У Бенки были родители и все, что его душе угодно, и ему вовсе уж не так была нужна лошадь, как мне. А по справедливости Калле Пюнт принадлежал совсем не нам, а пивоварне. Мы только воображали, что он был наш. Правда, временами я сам верил в это.

Иной раз я долго-долго болтал с Калле и опаздывал в школу, а когда учительница спрашивала меня, почему я не пришел вовремя, я не знал, что сказать. Ведь не скажешь же учительнице, что заговорился со старым конем.

Сейчас Калле целиком достался Бенке. Ну и правильно. Пусть Калле утешает Бенку, раз он теперь живет без меня.

А у меня есть Мирамис с золотой гривой. И досталась она мне неожиданно-негаданно.

Однажды вечером, когда мы с отцом болтали и строили планеры — ну, так же, как

Бенка со своим отцом, — я рассказал отцу о Калле.

— Мио, мой Мио! — спросил отец. — Ты любишь лошадей?

— Ну да, — ответил я нарочно как можно равнодушнее, чтобы отец не подумал, что мне чего-то у него недостает.

На другое утро, гуляя по саду, я увидел, как навстречу мне среди розовых кустов скачет белая лошадь. Никогда я не видел такого красивого галопа. Золотая грива развевалась по ветру, и золотые копыта сверкали на солнце. Лошадь мчалась прямо на меня и весело ржала. Мне никогда еще не приходилось слышать такого буйного ржания. Струсив, я пугливо прижался к отцу. Но отец твердой рукой ухватил за золотую гриву, и лошадь стала как вкопанная. Потом она ткнулась мягким носом в мой карман, надеясь найти там сахар. Точь-в-точь как это делал Калле Пюнт. К счастью, у меня в кармане завалялся кусочек сахара, видно, по старой привычке я сунул его в карман. Лошадь нашла его и с хрустом съела.

— Мио, мой Мио, — сказал мой отец. — Это твоя лошадь и зовут ее Мирамис.

О моя Мирамис! Я полюбил тебя с первого взгляда. Хоть весь свет обойди, прекраснее лошади не сыщешь, и потом она ни капельки не была похожа на старого измученного работника Калле. По крайней мере, я не находил никакого сходства, пока Мирамис не подняла свою красивую голову и не посмотрела на меня. Тогда я увидел, что у нее точно такие же глаза, как у Калле. Преданные-преданные глаза, как вообще у всех лошадей.

Никогда в жизни мне не приходилось ездить верхом. А тут отец посадил меня на Мирамис.

— Не знаю, сумею ли я?

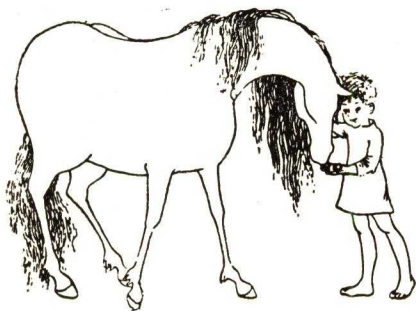
— Мио, мой Мио! — сказал мой отец. — Разве у тебя не мужественное сердце?

Едва я тронул поводья, как мы понеслись по саду под кронами тополей, и серебристые листья их застревали в моих волосах. Я скакал все быстрее, быстрее и быстрее, Мирамис перемахивала через самые высокие кусты роз. Только раз она едва коснулась живой изгороди, и облако лепестков взметнулось за нами.

Тут в саду появился Юм-Юм. Увидев меня верхом, он захлопал в ладоши и закричал:

— Мио скачет на Мирамис, Мио скачет на Мирамис!

Я придержал лошадь и спросил Юм-Юма, не хочет ли он прокатиться. Еще бы не хотеть! Он стремглав вскочил на лошадь и уселся позади. И мы поскакали в зеленые луга, раски-

нувшиеся за розовым садом. Пожалуй, никогда еще мне не было так весело!

— По ту сторону фьорда лежит Страна Заморская и Страна Загорная. Это тоже королевство твоего отца! — крикнул мне Юм-Юм, когда мы мчались по зеленым лугам.

Кругом было так красиво. Мягкая сочная трава, пестрые цветы, а на изумрудно-зеленых холмах паслись белые пушистые ягнята. И пастушок наигрывал на флейте какой-то чудесный напев. Мне показалось, будто я слышал его раньше, только не припомню где.

Я остановил лошадей, и мы разговорились. Пастушка звали Нонно. Я спросил, не даст ли он поиграть мне на флейте.

Нонно улыбнулся.

— Хотите, я вырежу вам по флейте?

Нечего и говорить, как нам этого хотелось. Неподалеку бежал ручей. Плакучая ива раскинула над ним свои ветви. Мы уселись там и болтали ногами в воде, а Нонно мастерил нам флейты. Нонно сказал, что напев его флейты — самый древний в мире. Пастухи наигрывали его на пастбищах уже много тысяч лет назад.

Мы поблагодарили Нонно за то, что он сделал нам флейты и научил играть старинную мелодию. Потом, вскочив на лошадь, мы поскакали дальше. И долго-долго еще слышались затихающие звуки флейты, на которой Нонно наигрывал старинный пастуший напев.

— Давай будем беречь эти флейты, — сказал я Юм-Юму. — Если кто-нибудь из нас окажется в беде, пусть он сыграет на флейте пастуший напев.

В этот момент Юм-Юм обхватил меня сзади руками, чтобы не свалиться с лошади. И сказал:

— Да, мы будем беречь эти флейты. Если ты услышишь звуки моей флейты, знай, что я зову тебя.

— Хорошо, — ответил я. — А когда я заиграю, ты тоже знай, что я зову тебя.

— Да, — сказал Юм-Юм. И я подумал, что теперь он мой лучший друг. Конечно, если не считать отца. Моего отца я любил больше всех на свете. А Юм-Юм мой сверстник и лучший друг, раз уж я не могу больше видеться с Бенкой.

Вот здорово! У меня есть отец, Юм-Юм, Мирамис, и я, как вольный ветер, могу летать по холмам и лугам. От такого счастья голова идет кругом.

— А как попасть в Страну Заморскую и Страну Загорную? — спросил я Юм-Юма.

— Через мост Утреннего Сияния, — ответил он.

— Где же этот мост? — поинтересовался я.

— Сейчас увидишь, — сказал Юм-Юм.

И вправду, скоро мы увидели мост. Он был такой громадный и длинный, что казалось, ему не было ни конца ни края. Мост весь сверкал в сиянии солнца, словно выковали его из золотых солнечных лучей.

— Это самый большой мост в мире, — сказал Юм-Юм. — Он соединяет Остров Зеленых Лугов со Страной Заморской. Но по ночам король велит разводить его, чтобы мы могли спокойно спать на Острове Зеленых Лугов.

— Это почему? — спросил я. — Кто может нагрянуть к нам ночью?

— Рыцарь Като!

Едва он произнес эти слова, как в полях дохнуло холодом, и Мирамис задрожала.

В первый раз услышал я о рыцаре Като и громко повторил: «Рыцарь Като». И мороз пробежал у меня по коже.

— Жестокий рыцарь Като, — добавил Юм-Юм. Мирамис тревожно заржала, и мы умолкли.

Конечно, нам очень хотелось промчатся по мосту Утреннего Сияния, но ведь я не спросил разрешения у отца. Поэтому мы повернули обратно, в розовый сад. Так закончилось наше первое путешествие.

ПРАВИТСЯ ЛИ СЕРЕНАДА ЗВЕЗДАМ

На другой день мы снова поскакали в гости к Нонно. Сперва мы не могли его найти. Но потом из-за холма до нас донеслись звуки его флейты. Сидя на траве, он наигрывал свой напев, а его овцы мирно щипали траву.

Увидев нас, он отнял флейту от губ и сплюнул, потом рассмеялся и сказал:

— А, вот и вы.

Видно было, что он обрадовался нам. Мы достали свои флейты и стали играть втроем. До чего получилось красиво, я даже не мог понять, как это мы научились играть так быстро.

— Жаль, что никто не слушает, как мы играем, — вздохнул я.

— Нас слушают травы, — сказал Нонно. — И цветы, и ветер. Нас слушают деревья. Посмотри, как притихли плакучие ивы, склонившиеся над ручьем.

— Неужто это правда? — спросил я. — Им нравится наша музыка?

— Очень нравится, — ответил Нонно.

Мы еще долго играли травам и цветам, деревьям и ветру. И все-таки мне было жаль, что никто из людей не слышит нас. Тогда Нонно предложил:

— Если хочешь, пойдем ко мне домой и сыграем моей бабушке.

Во всех сказках всегда есть добрые старички и старушки. Но настоящей живой бабушки я никогда еще не видел. Поэтому мне было очень интересно познакомиться с бабушкой Нонно.

Получился целый караван. Впереди шли Юм-Юм, Нонно и я, потом овцы и ягнята, а замыкала шествие Мирамис.

Мы шли по холмам и долинам и наигрывали на флейтах. Овцам и ягням, наверно, нравилось это веселое путешествие: всю дорогу они блеяли и прыгали вокруг нас.

Мы шли так долго, миновали много холмов. И, наконец, подошли к жилищу Нонно. Это была маленькая, словно игрушечная, хижина с соломенной крышей, утонувшая в кустах жасмина и цветущей сирени.

— Тс... с... — прошептал Нонно. — Давайте застанем бабушку врасплох.

Нонно, Юм-Юм и я выстроились перед окном.

— Раз, два, три! — скомандовал Нонно.

И мы заиграли. Музыка получилась такой веселой, что овцы и ягнята, услышав ее, пустились в пляс. А в оконце появилась старая-престарая старушка. Это и была бабушка Нонно. Она всплеснула руками и воскликнула:

— Ой, какая дивная музыка!

Она была очень старенькая и выглядела так, будто вышла из какой-нибудь сказки, хотя была самой что ни на есть настоящей бабушкой.

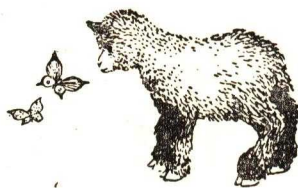
Потом мы вошли в дом. Бабушка Нонно спросила нас, не хотим ли мы поесть. Еще бы не хотеть! Она достала каравай хлеба и нарезала его толстыми ломтями. Это был черный хлеб, но вкуснее его не было на свете.

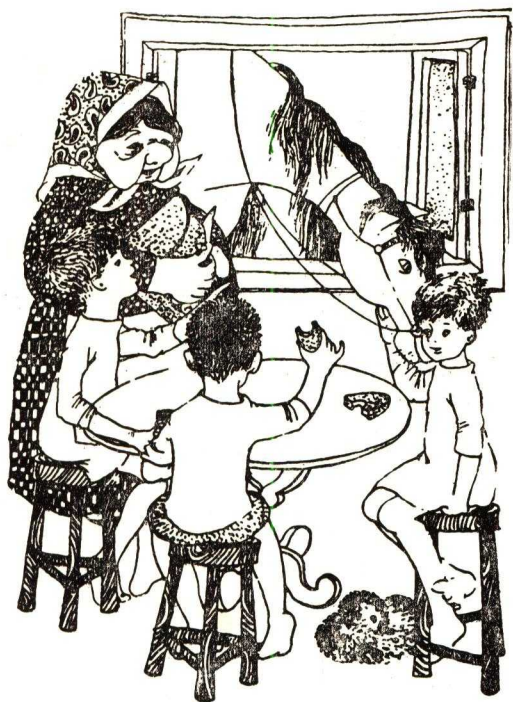
— Как вкусно! — сказал я Нонно. — Что это за хлеб?

— Это просто черный хлеб, — ответил Нонно. — Это наш хлеб насыщенный, каждый день он утоляет наш голод.

Мирамис тоже была не прочь поужинать с нами. Она просунула голову в окошко и негромко заржала. Ну и рассмеялись же мы! А бабушка хлопала Мирамис по морде и дала ей своего вкусного хлеба.

А потом мне захотелось пить, и я сказал об этом Нонно.

Он провел нас в сад, где бил ключ с прозрачной водой. Нонно опустил в источник деревянную бадью, зачерпнул воды и дал нам напиться. Ни разу в жизни я не пил такой прохладной и вкусной воды.

— До чего вкусно, — сказал я Нонно. — Что это за вода?

— Самая обыкновенная вода, — ответил Нонно. — Она каждый день утоляет нашу жажду.

Мирамис тоже попросила попить, и мы дали ей воды. Затем мы напоили овец и ягнят.

Скоро настало время Нонно возвращаться со своим стадом обратно на пастбище в Долину холмов. Он попросил бабушку дать его пастуший плащ. И она протянула ему коричневый плащ. Ну и счастливчик этот Нонно: может ночевать один в поле. Мне еще никогда не выпадало такое счастье.

— Везет же тебе! — сказал я Нонно. — Ты можешь ночевать под открытым небом.

— А тебе кто мешает? — спросил Нонно. — Пошли со мной!

— Нет! — отказался я. — Отец будет волноваться, если я не вернусь вечером домой.

— Я могу послать весточку королю, что ты ночуешь сегодня в поле, — сказала бабушка Нонно.

— И моему отцу тоже, — попросил Юм-Юм.

— Ладно, и садовнику тоже, — согласилась бабушка Нонно.

Мы с Юм-Юмом так обрадовались, что начали скакать и прыгать пуще ягнят.

Бабушка взглянула на нас и покачала головой:

— Когда выпадет роса, вы замерзнете!

Внезапно лицо ее помрачнело.

— У меня есть еще два плаща.

Тут она подошла к старому сундуку, стоявшему в углу избышки, и достала два плаща, красный и голубой.

— Плащи моих братьев! — сказал Нонно тихо.

— А где же твои братья? — спросил я.

— Рыцарь Като! — прошептал Нонно. — Жестокий рыцарь Като захватил их в плен.

При этих словах за окном жалобно заржала Мирамис, словно кто-то ее ударил. Ягнята в испуге бросились к овцам, и овцы жалобно заблеяли, будто настал их последний час. Бабушка Нонно дала мне красный плащ, а Юм-Юму голубой. Еще она дала Нонно краюху хлеба насущного и кувшин с ключевой водой, утоляющей жажду, и мы снова отправились по холмам и долинам той же дорогой.

Мы остановились у подножья холма, где плачущая ива смотрится в прозрачный ручей. Развели огромный костер и, усевшись вокруг него, поели хлеба насущного и напились ключевой воды, утоляющей жажду. Скоро опустился туман и сгустилась тьма, но возле костра было тепло и светло.

Потом мы завернулись в плащи и легли, прижавшись друг к другу, возле костра. Около нас примостились овцы и ягнята, а Мирамис неподалеку пощипывала траву. Мы слышали, как ветер гуляет по травам, и видели, как огни костров озаряют притихшие дали. Много, много

костров мерцало в ночи, — ведь на Острове Зеленых Лугов пастухи зажигают их каждую ночь. Лежа на траве, мы глядели на костры и слушали старинный пастуший напев.

На небе светились звезды. Звезд крупнее и ярче я еще никогда не видел. Я лежал и смотрел на них, потом перевернулся на

спину, потеплее закутался в плащ и стал думать о звездах. Интересно, нравится ли сиренада звездам? Я спросил об этом Нонно, и он ответил, что звезды, конечно, любят музыку. Тогда мы снова уселись вокруг костра, достали флейты и заиграли звездам наш пастуший напев.

КОЛОДЕЦ, КОТОРЫЙ НАШЕПТЫВАЕТ СКАЗКИ

А Страну Заморскую и Страну Загорную я еще не видел. Однажды, гуляя с отцом по саду, я спросил его, можно ли мне прокатиться на коне по мосту Утреннего Сияния. Отец замедлил шаги и обхватил мое лицо обеими руками. Он взглянул на меня ласково, но в то же время серьезно.

— Mio, мой Mio! — сказал он. — Можешь скакать, куда тебе только вздумается. Можешь мчаться на запад и восток, на север и юг, сколько хватит сил у Мирамис. Помни только об одном. Есть еще на свете Страна Чуждальняя.

— А кто там живет? — спросил я.

— Рыцарь Като, — ответил отец, и лицо его потемнело. — Жестокий рыцарь Като.

Как только назвал он это имя, словно какой-то злой вихрь пронесся по саду. Белые птицы попрятались в свои гнезда, а птица Горюн тревожно закричала и забила большими черными крыльями. И в тот же миг увяло несметное множество роз.

— Mio, мой Mio, — сказал отец. — Ты мне дороже всего на свете, и у меня сжимается сердце всякий раз, как я вспоминаю о рыцаре Като.

Тут, словно в бурю, загудели серебристые тополя. Много листьев осыпалось на землю, — казалось, деревья горько рыдали. Я так испугался, что мороз пробежал у меня по коже.

— Пожалуйста, не думай больше о нем, — попросил я отца.

Отец кивнул и взял меня за руку.

— Ты прав. Я не буду думать о нем, пока ты играешь на флейте и строишь шалаши в розовом саду.

И мы отправились разыскивать Юм-Юма.

У моего отца было немало забот: ведь не так-то просто управлять таким огромным королевством. Но всегда у него находилось время и для меня. Никогда не слышал я от него: «Проваливай отсюда, мне некогда». Ему было приятно побыть со мной. Каждое утро мы гуляли в саду. Он показывал мне птичьи гнезда, заходил в наш шалаш, учил меня ездить верхом на Мирамис и беседовал со мной и

Юм-Юмом обо всем на свете. Точь-в-точь как отец Бенки со мной. А я бывал на седьмом небе, когда отец Бенки разговаривал со мной. И Бенка всегда выглядел страшно довольным в таких случаях. На лице у него словно было написано: «Хоть это мой отец, а мне приятно, что он разговаривает и с тобой». Мне тоже было очень приятно, когда мой отец беседовал с Юм-Юмом.

О моя Мирамис, какие путешествия я совершал на твоей спине! О моя Мирамис, ты впервые перенесла меня через мост Утреннего Сияния, и этого я никогда не забуду.

Было раннее утро. Зеленые шелковые травы умывались росой, и Мирамис замочила свои золотые копыта, но ей было все нипочем! Поднявшись ни свет ни заря, мы с Юм-Юмом еще клевали носами. Прохладный бодрящий ветер освежал наши лица. С восходом солнца мы уже были на мосту Утреннего Сияния. Мост высоко-высоко вознесся над водой. Взглянешь вниз — кружится голова. Мы скакали по самому высокому и самому длинному мосту в мире. Золотая грива Мирамис горела на солнце. Лошадь скакала быстрее, быстрее, быстрее, и мы поднимались на мост все выше, выше и выше. Копыта Мирамис грохотали как гром.

— Юм-Юм, — закричал я, — Юм-Юм, разве ты не рад? Посмотри, какая вокруг красота!

Но вдруг я увидел, что вот-вот произойдет катастрофа. Ужасная катастрофа. Мирамис на полном скаку мчалась навстречу опасности. Впереди моста больше не было, он обрывался прямо над морем: видно, часовые не опустили его до конца. Перед нами зияла пропасть. Никогда мне еще не было так страшно. Я хотел крикнуть Юм-Юму, но голос пропал. Я потянул за поводья, попробовал осадить Мирамис, но она, дико заржав, только прибавила ходу. До чего же я испугался! Я закрыл глаза и вспомнил отца. Копыта Мирамис грохотали как гром.

Внезапно грохот смолк. Я открыл глаза. Мирамис скакала по воздуху! О моя Мирамис с золотыми копытами и золотой гривой! Она

мчалась по воздуху так же легко, как и по земле.

Прямо дух захватывало, до чего было здорово! Наконец, пришла пора приземляться. И мы оказались в Стране Заморской.

— А вот и зеленая роща для твоей Мирамис с золотой гривой, — сказал Юм-Юм. — Пусть пасется, а мы пока навестим Ири.

— Кто такой Ири? — спросил я.

— Скоро увидишь, — ответил Юм-Юм. — Ири со своими сестрами и братьями живет совсем рядом.

Он взял меня за руку и повел к домику, что стоял недалеко. Маленький белый домик с соломенной крышей, точно такой, как в сказках.

Во дворе перед домом был старинный круглый колодец. Может, этот колодец придавал домику сказочный вид. В наше время таких колодцев больше не увидишь. По крайней мере, мне видеть не доводилось.

Вокруг колодца сидело пятеро ребятшек. Старший мальчик улыбнулся нам широкой доброй улыбкой.

— Я видел, как вы подъехали. У вас замечательная лошадь.

— Ее зовут Мирамис, — ответил я. — А это Юм-Юм, а я — Мио.

— Я вас знаю, — сказал мальчик. — Меня зовут Ири, а это мои братья и сестры.

Видно было, что они рады нашему приезду.

На улице Упланд такой встречи нечего и ждать. Там мальчишки огрызались как волчата, посмей к ним только подойти незнакомый мальчик. Они всегда находили себе жертву, над которой издевались, не позволяли с ними играть или вовсе прогоняли. Такой жертвой часто оказывался я. Только один Бенка всегда играл со мной...

Просто удивляешься, когда встречаешь таких приветливых ребят, как Ири с его братьями и сестрами, Юм-Юм или Нонно.

Мы с Юм-Юмом уселись рядом с Ири. Я заглянул в колодец. Он был такой глубокий, что дна не было видно.

— Как же вы достаете оттуда воду? — спросил я.

— Мы не достаем оттуда воду, — ответил Ири. — Это не простой колодец.

— Что же это за колодец? — спросил я.

— Это — колодец, который нашептывает сказки по вечерам.

— Как так? — изумился я.

— Потерпи до вечера, узнаешь.

Весь день мы провели с Ири и его братьями и сестрами, играя под кронами вековых деревьев. А когда проголодались, сестра Ири Минонна-Нелль побежала на кухню за хлебом. Как у бабушки Нонно, это был хлеб насущный, и мне он показался таким же вкусным, как и раньше.

В траве под деревьями я вдруг увидел серебряную ложечку. Я показал ее Ири, и он сразу загрустил.

— Это ложечка нашей сестренки, — сказал он.

— А где ваша сестренка? — спросил я.

— Рыцарь Като, жестокий рыцарь Като похитил ее.

Только он назвал это имя, как дунула ледяная стужа. Большой подсолнух в саду сразу увял, и бабочки упали на землю, потому что у них замерзли крылья. Никогда уже они не будут больше летать. А я почувствовал, что боюсь рыцаря Като, просто ужасно боюсь.

Я протянул Ири серебряную ложечку, но он сказал:

— Возьми себе ложечку нашей сестренки. Ей она уже не понадобится, раз ты ее нашел, она твоя.

Услышав, что их сестренке ложечка больше не понадобится, малыши заревели. Но мы снова затеяли игры и старались не думать о грустных историях. Ложечку я сунул в карман и позабыл о ней.

День клонился к вечеру, стало смеркаться. Тогда Ири, таинственно подмигнув малышам, сказал:

— Пора!

Все уселись на краю колодца, и мы с Юм-Юмом тоже сели рядом.

— Тише! — прошептал Ири.

Мы сидели молча и ждали. Среди вековых деревьев быстро сгущались тени. Домик Ири погружался в таинственный полумрак.

Казалось, что-то серое, таинственное, древнее окружает со всех сторон домик, деревья, колодец, по краям которого мы примостились.

— Помолчим, — прошептал Ири, хотя никто из нас и рта не открывал. Темные сизые тени опускались меж деревьев. Было совсем тихо. Колодец молчал.

Но вот послышались какие-то звуки. Правда, правда, в колодце раздался чей-то шепот. В глубине колодца кто-то шептал и бормотал. Какой-то странный, ни на что не похожий голос нашептывал сказки. Это были никому

не известные сказки, самые интересные в мире. Ничего я так не люблю, как слушать сказки.

— Что это за необыкновенный колодец? — спросил я Йри.

— Колодец, полный сказок и песен, вот все, что я о нем знаю, — ответил Йри. — Колодец забытых сказок и песен.

Долго мы так сидели. Темнота все сгущалась, а голос затихал, затихал и совсем умолк.

В лесу заржала Мирамис. Она напомнила мне, что пора возвращаться домой к отцу.

— Прощай, Йри, прощай Минонна-Нелль, прощайте, малыши! — сказал я.

— Прощай, Мио, прощай, Юм-Юм! — ответил Йри. — Приезжайте к нам еще.

— Конечно, приедем! — пообещал я.

Мы взобрались на спину Мирамис и помчались домой. Мрак поредел: на небо взошла луна, осветила рощи и леса, и деревья засеребрились, точь-в-точь как тополя в отцовском саду.

Мы подъехали к мосту Утреннего Сияния, но я с трудом узнал его. Это был совсем другой мост, он словно был выкован из серебряных лучей.

— Ночью мост и называется иначе, — сказал Юм-Юм.

— Как же он называется ночью? — спросил я.

— Мост Лунного Сияния, — ответил Юм-Юм.

Мы скакали по мосту Лунного Сияния, который вот-вот должны были развести часовые. Мы видели костры, зажженные пастухами на Острове Зеленых Лугов. Отсюда они казались маленькими огоньками. Весь мир был погружен в тишину, и только копыта Мирамис грохотали по мосту как гром.

Я вспоминал колодец-сказочник и его сказки. Особенно мне понравилась одна, она начиналась так:

«Жил-был королевич. Однажды в лунную ночь оседлал он лошадь и отправился странствовать». Вот здорово! И я бы мог тоже стать героем сказки! Я ведь тоже королевский сын!

Все ближе и ближе Остров Зеленых Лугов, копыта Мирамис грохочут как гром. Я все время думаю об этой сказке, она кажется мне такой прекрасной:

«Жил-был королевич. Однажды в лунную ночь оседлал он лошадь и отправился странствовать. Вот скачет он дремучим лесом...»

ВОТ СКАЧЕТ ОН ДРЕМУЧИМ ЛЕСОМ...

Когда я еще жил у дяди Сикстена и тети Эдлы, я частенько брал в библиотеке сказки. Но тетя Эдля терпеть этого не могла.

— Опять уткнулся носом в книгу! — ворчала она. — Вот потому ты такой заморыш, такой бледный и несчастный, что не бываешь на воздухе, как другие дети!

Я-то бывал на воздухе — почти все время торчал на улице. Но тете Эдле и дяде Сикстену, видно, больше всего хотелось, чтобы я вовсе не возвращался домой. Так что теперь,

наверно, они рады, раз уж я никогда не вернусь к ним в дом.

Читать я мог только по вечерам, да и то урывками, и бледный я был вовсе не поэтому. Посмотрела бы тетя Эдля, как я окреп и вырос, каким я стал теперь смуглым и здоровым.

Интересно, что сказала бы тетя Эдля, если бы она услышала про колодец, который нашептывает по вечерам сказки, или если бы она узнала, что вовсе незачем сидеть на одном

месте, уткнувшись носом в книги, а можно быть на свежем воздухе и слушать сколько хочешь сказок. Может, это понравилось бы даже тете Эдле, хотя она никогда не бывает довольна.

«Жил был королевич. Однажды в лунную ночь оседлал он лошадь и отправился странствовать. Вот скачет он дремучим лесом...»

Так нашептывал колодец, и я не мог не думать о его словах. Мне казалось, что колодец рассказывает эту сказку неспроста. Вдруг я и есть тот самый королевич, который скакал Дремучим Лесом и которому снова предстоит этот путь?

Я спросил моего отца, не знает ли он, где Дремучий Лес. Конечно, он знал.

— Дремучий Лес в Стране Загорной, — сказал он. И до чего же печально звучал его голос. — Зачем он тебе, Мио, мой Мио?

— Хочу поскакать туда сегодня ночью, как взойдет луна, — отвечал я.

Мой отец, пораженный, взглянул на меня.

— Вот как! Уже нынче? — сказал он, и голос его зазвучал еще печальней.

— Может, ты против? — спросил я. — Может, ты будешь беспокоиться, если я уйду из дома и поскачу ночью в Дремучий Лес?

Мой отец покачал головой.

— Нет, — ответил он. — Лес, мирно спящий при свете луны, никому не причинит зла. — Потом отец замолчал и сел, обхватив голову руками, и видно было, что его мучают какие-то мысли.

Я обнял его за плечи и сказал:

— Хочешь, я останусь дома, с тобой?

Он долго смотрел на меня, и глаза его были печальны.

— Нет, Мио, мой Мио! Ты не останешься. Луна уже взошла, и Дремучий Лес ожидает тебя.

— А ты вправду нисколько не горюешь? — спросил я.

— Вправду, — ответил он, погладив меня по голове.

Тогда я побежал спросить Юм-Юма, не поедет ли он со мной в Дремучий Лес. Но отец тотчас окликнул меня:

— Мио, мой Мио!

Я обернулся: он стоял, протянув ко мне руки. Я бросился к нему и очутился в его объятиях. Мы долго стояли, крепко-крепко обнявшись, а потом я сказал:

— Ведь я скоро вернусь!

— Возвращайся быстрее, — сказал отец чуть слышно.

Юм-Юма я отыскал у домика садовника и рассказал ему, что собираюсь в Дремучий Лес.

— Вот как! Наконец-то! — воскликнул Юм-Юм.

Как все это непонятно! Когда я сказал, что собираюсь поехать в Дремучий Лес, мой отец изумился: «Вот как! Уже нынче?», а Юм-Юм: «Вот как! Наконец-то!» Но я не стал ломать себе голову над этим.

— Поедешь со мной? — спросил я Юм-Юма. Юм-Юм глубоко вздохнул.

— Да! — ответил он. — Да! Да!

Мы пошли за Мирамис, которая паслась в саду среди розовых кустов, и я сказал, что ей придется везти нас в Дремучий Лес. Тут Мирамис прямо затанцевала, будто приятнее этой новости и быть ничего не могло. И только мы с Юм-Юмом взобрались к ней на спину, как Мирамис вихрем помчалась вперед. Когда мы выезжали из сада, мне послышался голос отца.

— Мио, мой Мио! — звал он, и печальнее голоса мне не доводилось слышать.

Но свернуть с пути я не мог. Никак не мог.

Страна Загорная была за тридевять земель. Пешком, без такой лошади, как Мирамис, нам бы туда ни за что не попасть. Нам бы ни за что не перебраться через высокие горные хребты, достающие чуть ли не до неба. Но Мирамис, точно птица, парила над вершинами гор. Я велел ей опуститься на самую высокую из вершин, где лежали вечные снега. Внизу, у подножья гор, освещенный луной, виднелся Дремучий Лес. Он был так красив и, казалось, не таил никакой опасности. Видно, и в самом деле, лес, мирно спящий при свете луны, не причинит зла. Так что бояться было нечего.

Только одного надо было бояться, одного единственного!

Я увидел вдаль за Дремучим Лесом страну, погруженную во мрак. И мрак этот был не обычным. Нельзя было смотреть на него без содрогания.

— Что за ужасная страна! — сказал я Юм-Юму.

— Там начинается Страна Чужедальняя, — сказал Юм-Юм.

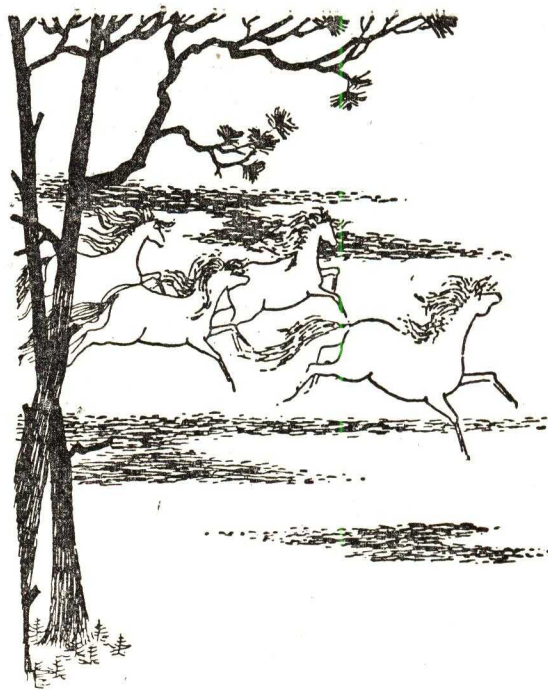
— Страна рыцаря Като! — сказал я.

Тут Мирамис задрожала всем телом, а огромная каменная глыба откололась от горы и со страшным грохотом покатила вниз в долину.

Да, только одного надо было здесь опасаться — рыцаря Като! Его нужно было бояться! Очень бояться! Но мне не хотелось больше думать о нем.

— В Дремучий Лес, — сказал я Юм-Юму. — В Дремучий Лес, вот куда я теперь хочу!

Тут Мирамис заржала, и высоко в горах гулко отозвалось эхо. Медленно Мирамис

поплыла по воздуху вниз, к освещенному лунной лесу, который рос у подножья гор. А из леса донеслись ответные звуки, будто сотня лошадей заржала в ночи.

Мы опускались все ниже и ниже, пока копыта Мирамис не коснулись верхушек деревьев... нежно, очень нежно. И вот мы в Дремучем Лесу.

На своем веку я повидал не так уж много лесов, но, сдается мне, вряд ли найдется на свете хоть один, похожий на этот. Дремучий Лес хранил какую-то тайну. Великая, удивительная тайна скрывалась в нем, — я это чувствовал. Но, видно, луна набросила на нее свой покров, и я ничего не мог разгадать. Шелестели деревья, они шептали про эту тайну, но я ничего не мог понять. Деревья мерцали при свете луны, они знали эту тайну, а я ничего не знал.

Вдруг мы услышали отдаленный топот копыт. Будто сотня лошадей неслась во весь опор в ночи, и когда Мирамис заржала, будто сотня лошадей заржала ей в ответ. Все ближе и ближе топот копыт, все неистовей дикое ржание. Не успели мы опомниться, как на нас лавиной налетела сотня белоснежных лошадей с развевающимися гривами. Мирамис оказалась прямо в середине табуна, и лошади поехали вскачь. Юм-Юм и я соскочили на

землю. Белоснежные лошади с Мирамис впереди в диком неистовстве носились при свете луны взад и вперед.

— Они так рады! — сказал Юм-Юм.

— Чему они рады? — спросил я.

— Тому, что Мирамис вернулась домой, — ответил Юм-Юм. — Разве ты не знаешь, что Мирамис родом из Дремучего Леса?

— Нет, не знаю, — сказал я.

— Ты так мало знаешь, Мио! — сказал Юм-Юм.

Я забеспокоился.

— Как ты думаешь, Юм-Юм, Мирамис не сердится, что ей приходится жить у меня? — спросил я. — Может, она тоскует по Дремучему Лесу?

Только я произнес эти слова, как Мирамис подбежала ко мне. Она положила голову мне на плечо и тихонько заржала.

— Видишь, — сказал Юм-Юм. Я был очень рад. Потрепав Мирамис по холке, я протянул ей кусок сахара, а она, мягко ткнувшись носом в руку, взяла у меня сахар.

Мы поехали дальше, все лесом и лесом, а сотня белоснежных лошадей скакала за нами следом. В воздухе носилась тайна. Весь лес знал эту тайну, липы и осины тихо шелестели над нами, шептали о ней, когда мы проезжали мимо. Белоснежные лошади знали эту

тайну, и птицы, разбуженные топотом копыт, — все знали эту тайну, все, кроме меня. Юм-Юм был прав, говоря: «Ты так мало знаешь, Мио!» Я пустил Мирамис вскачь, и белоснежные лошади тоже пустились вскачь вслед за ней. Мы мчались вихрем. Мой красный плащ зацепился за ветку дерева. Может, дерево хотело остановить меня, может, оно хотело поведать мне тайну. Но я так спешил. Я поскакал дальше, а в моем плаще осталась прореха.

Вдруг посреди леса мы увидели белоснеж-

ный домик с соломенной крышей. Вокруг цвели яблони. В свете луны они отливали молочной белизной. Окошко домика было раскрыто, и оттуда доносился какой-то мерный стук. Казалось, там кто-то ткал.

— Поглядим! — сказал я Юм-Юму.

— Давай поглядим! — ответил Юм-Юм.

Соскочив с Мирамис, по тропинке меж яблонь мы направились к дому. Я взялся за ручку двери, и стук прекратился.

— Войдите, милые мальчики! — сказал кто-то. — Я так давно вас жду.

(Продолжение следует)

СТИХИ ДРУЗЕЙ

П Л Я С О В А Я

Питер Кумало

Южно-Африканская республика

Давайте пойдем на холмы опять
Играть, играть,
Играть.

Туда, где цветут маргаритки ковром,
Пойдем, пойдем,
Пойдем.

А завтра пойдем к берегам реки
Из маргариток плести венки,
Туда, где цветут маргаритки ковром,
Вот мы куда пойдем.

Давайте пойдем на залив опять
Нырять, нырять,
Нырять.

Там черными рыбами спины ребят
Блестят, блестят,
Блестят.

Там черными рыбами спины блестят,
Там белые яхты в волнах скользят,
Там берег цветочным покрыт ковром, —
Вот мы куда пойдем!

Перевод Г. Усовой

СКОЛЬКО

СТОИТ

БАРБИ

Маленькая кукла Барби похожа сразу на двух знаменитых кинозвезд — Мэрилин Монро и Бриджит Бардо

Зате же три доллара можно купить приятеля для Барби по имени Кен. Здесь он изображен в военном костюме

Начать с того, что она очень красива и похожа на всех знаменитых артисток кино сразу. А наряды? Она только и делает, что переодевается. Утренний туалет, костюмы и платья для прогулок, роскошные балльные платья, шубка из драгоценного меха норки, шляпки, туфельки, сумочки, перчатки, цветные парики! Даже попона ее любимой собачки украшена драгоценными камнями.

Она не бог весть какая спортсменка (а плавать ей просто вредно), но у нее прекрасные купальные костюмы, яркие брюки, ботинки, свитеры для лыж, для катка, для альпинистских походов, для охоты.

А иногда ей все это надоедает, и тогда из шкафа вынимается голубой костюмчик бортпроводницы, или комбинезон парашютистки, или украшенное блестками платье танцовщицы.

Словом, уже сейчас у нее больше двухсот нарядов, и все время прибавляются новые. В ее доме целая комната отведена для туалетов. Кстати, она живет одна в большом удобном доме. У подъезда стоят три принадлежащих ей автомобили: белый, красный и самый большой — цвета чайной розы.

Зовут ее Барби. В Соединенных Штатах Америки она стоит недорого — три доллара, а в странах Западной Европы и в Японии — четыре. Это, правда, цена голой Барби, без костюмов и автомобилей. И в том-то вся и штука.

Представьте себе девочку из Нью-Йорка или Чикаго, из Лондона или Марселя. В кино, по телевидению, на блестящих страницах журналов она видит «красивую» жизнь богачей. А родители девочки зарабатывают скудно. И мечтать о собственной норковой шубке или красном автомобиле не приходится. И тут появляется кукла Барби...

Даже небогатые родители могут наскрести три доллара, чтобы доставить удовольствие дочке. А потом — еще доллар на новое платьице. А потом еще доллар-другой — на новые брючки. А девочка, играя с Барби, представляет себе, что это не кукла, а она сама живет в роскошном доме, носит дорогие наряды, ездит в шикарных автомобилях.

Барби есть у всех. Девчонки на улице хвастаются друг перед другом новыми нарядами своих Барби. А потом дома начинаются разговоры с родителями.

— У всех Барби уже есть шелковый плащ, а у моей нету.

— Но мы неделю назад давали тебе два доллара на плащ для этой Барби.

— То был простой дождевик. Купите шелковый. А то с моей Барби никто не хочет водиться.

В конце концов шелковый плащ будет куплен: ведь он стоит всего три доллара. А еще через неделю фабриканты игрушек выпустят в продажу костюм цирковой наездницы для Барби, и Барби (а вернее, ее хозяйка) будет чувствовать себя несчастной без этого костюма. Опять выкладывай три доллара. И опять, и опять...

Так крошка Барби верой и правдой служит капиталистам: выкачивает доллары из карманов обывателей.

Л. Глузман

Рисунки Л. Московского

Написал ты статью. И спросили у тебя: «О чем она?» Хорошо, если можно ответить: «О слонах». Или — «о человеке, который избрал скорородку». И все ясно. А если мне зададут такой вопрос, я скажу: «О том, получится ли эта статья, если миллион обезьян посадить за миллион пишущих машинок и позволить им стучать по клавишам, как они захотят». И никто ничего не поймет.

А разговор у нас будет о том, кто такой демон Максвелла, и откуда начинается куча зерна, и почему небо голубое. Разговор у нас будет о Человеке и Случае.

А начнем мы с загадки. Составили ее древние мудрецы, когда люди не знали ни пара, ни газа, ни электричества. И даже не знали, что Земля круглая. А решить ее не могут и поныне. Звучит она так: «Откуда начинается куча зерна?» И действительно — сколько зерен мы назовем кучей? Каждый согласится, что сто зерен кучи не составляет. И, наверное, 10 000 000 000 000 000 000 зерен — это уже куча. А какое решающее зерно надо прибавить к некуче, чтобы получилась куча?

Кажется задача эта глупой, но смысл ее очень важен. Потому что всю жизнь перед нами стоят похожие задачи. «Дети до шестнадцати лет на вечерние сеансы не допускаются», «Споры решаются большинством»...

А почему — «с шестнадцати»? Кто сказал? Что такое — большинство? Если подумать, то становится ясно, что все эти понятия — случайные. У нас в стране паспорта выдают с шестнадцати лет, а в некоторых — с семнадцати или с двадцати одного. В некоторых странах законы принимают большинством в один голос, в других — две трети голосов надо собрать. А в польском сейме — древнем органе власти — и того больше. Только единогласно принимались там

законы: все — «за» и никто — «против».

А как же нужно? Как правильно? А никак! Ответа нет. Все случайно.

Вот задача о куче зерна и говорит, что уже в древности люди понимали, какую важную роль играет Случай в жизни. И пытались изучать его. Только они ошибались — эти древние мудрецы. Они надеялись, что на любой вопрос можно ответить, если хорошенько подумать, и

не ставили опытов. Но без опытов наука развиваться не может, и поэтому законы Случая оставались для Человека тайной.

А по-научному заинтересовались Случаем лишь в XVII веке. И, как ни странно, но связан был этот новый научный подход с азартными играми. Какая карта попадает чаще — черная или красная. Что чаще «выпадает» на грани игрального кубика — «единица» или «шестерка» — вопросы эти волновали воображение. Многим казалось, что стоит найти законы Случая и можно будет всегда выигрывать и быстро разбогатеть.

Заинтересовались Случаем и крупные ученые того времени — Паскаль и Бернулли. Они не искали обогащения. Их поразила мысль, что Случай, такой загадочный и неуловимый, можно затащить в сети математики. Первое, что они сделали, — это создали понятие о вероятности события.

Что такое вероятность? Встретил ты на улице товарища. «Знаешь, — говорит он, — в пустыне Сахаре три дня подряд льет дождь». «Ну, — скажешь ты, — не может этого быть. Это событие — невероятное. Маленькая у него вероятность».

А вот если послезавтра четверть кончается, а тебя еще ни разу по географии не вызывали. Сидишь ты и думаешь: «Вызовут меня сегодня или не вызовут». И понимаешь — вызовут. Потому что уж очень это вероятно. Здесь вероятность велика.

Ученые постановили, что вероятность невозможного события равна нулю, а вероятность события, которое обязательно произойдет, равна единице. А вероятности всех других событий, значит, будут где-то между чулом и единицей. Бросаешь ты монету. Может так быть, что она упадет и на ребре останется? Не может быть. Как ни бросай — не получится. Из опыта видно, что так быть не может. Вероятность этого равна нулю. Обязательно монета упадет или «орлом», или «решкой». Из опыта это видно. Вероятность этого события равна единице. А как она чаще падает — «орлом» или «решкой»?

Французский ученый Бюффон 4040 раз бросал монету, желая это выяснить. 2048 раз у него «орел» получался и 1992 раза — «решка». Близ-

кие числа, но не совсем. А казалось бы, они должны быть одинаковыми — ведь одна сторона монеты почти не отличается от другой. И фор-

ма одна и та же, и металл один. И сопротивление воздуха для обеих сторон одно и то же. И бросаем мы, не стараясь как-нибудь схитрить. Бросаем и все! Поэтому монета должна падать одинаковое число раз что «орлом», что «решкой». И вот тут-то ученые открыли главный закон Случая — Закон Больших Чисел. По этому закону выходит, что все правила науки о Случае справедливы при большом числе опытов. Бросишь монету пять раз — она может все пять раз упасть «орлом». Бросишь миллион раз — получишь, что она падает приблизительно одинаково часто — что «орлом», что «решкой». Бросай миллиард раз — еще более сблизятся эти цифры...

Постепенно все больше и больше людей стали применять новую науку в своей работе. Многие из них, такие, как врачи, юристы, журналисты до этого математикой не пользовались, потому что она казалась им слишком сложной. Кажущаяся простота теории вероятности обманула их. Они не поняли главного — Закона Больших Чисел, который говорит, что на теорию вероятности можно надеяться, если изучаешь БОЛЬШОЕ ЧИСЛО СОБЫТИЙ. И чем больше это число, тем лучше выполняются законы науки о Случае.

Вот этого-то и не понимали эти люди. Им казалось, что если опросить тысячу человек одной страны, то можно будет узнать, что думает вся страна — много миллионов человек. Стоит лишь выбрать чаще всего встречающийся — самый ВЕРОЯТНЫЙ ответ.

Подобно Слопенку из сказки Киплинга, они задавали тысячи вопросов: от того, сколько мяса ест семья за обедом, до того, как семья относится к правительству. Пожалуй, не наука их интересовала, а нравилось им выдумывать вопросы позаконистей и соперничать друг с другом — кто больше народа опросит. До того увлекались в то время всякими опросами, что, когда умер

ли, что мельчайшие частицы вещества — молекулы подчиняются законам Случая и что с помощью теории вероятности можно изучать строение вещества. Случай вновь завладел умами.

Дело в том, что молекулы беспорядочно пляшут, двигаясь с различными скоростями. А со скоростью молекул связана температура вещества. Чем быстрее движется молекула, тем она «горячее». Чем больше «горячих» молекул, тем выше температура вещества, скажем, газа. А следовать из этого могут страшные вещи.

Выйдет человек подышать свежим воздухом. А воздух — газ! Пляшут его молекулы беспорядочно в раз-

один из таких ученых, на его могиле поставили памятник с надписью:

*«Три недели спустя,
Как умер Джефферсон,
В институт, им основанный,
Пришла от него телеграмма:
«На небесах
85,4 процента опрошенных
Голосуют за господ бога».*

ные стороны, одни молекулы — «горячие», другие — «холодные». И все это без всякой системы — случайно. Захочет человек вздохнуть, а молекулы разлетелись в разные стороны от человека, и оказался он в разреженном пространстве — мало ему воздуха. И задохнулся человек. Или еще хуже. Прилетели к нему одни «горячие» молекулы, без «холодных»... И сгорел человек.

Нет, — скажешь ты, — не может такого быть! Нет, может. Раз движутся молекулы по случайным путям, значит, могут они случайно полететь все в одну сторону — от человека. Или случайно «горячие» молекулы прилетят к человеку, а холодные от него. Может это произойти!

Но не пугайся. Ходи спокойно. Дыши свежим воздухом — ничего с тобой не случится. Не все, что может произойти, обязательно произойдет. По теории вероятности получается, что такое событие — крайне редкое. Вероятность его очень мала. Но не равна нулю, потому что событие возможно.

Похожие примеры разбирали двое ученых, Максвелл и Джинс. Их интересовало, какое явление можно считать чудесным, а какое просто маловероятным. Джинс исследовал такой случай. Представьте себе горячую печку. В печку ставят банку с холодной водой. Каков нормальный ход событий? Печка охлаждается, а вода нагревается. Будет ли чудом, если вода еще сильнее охладится, а печь еще сильнее нагреется? Нет, — отвечает Джинс, — это будет не чудо, а физическое явление. Но только явление очень маловероятное, редкое. Однако, если учесть, что Вселенная бесконечно велика и существует бесконечно долго, то можно думать, что где-нибудь и когда-то это произошло. Вот, наверное, удивился человек, с которым случилось такое!

А насчет того, как мала вероятность этого события, можно привести пример. Представь, что поймали мы миллион обезьян, связали их

хвостами, чтобы они не разбежались, и посадили их за пишущие машинки. Пусть себе стучат, что им в голову придет. Десять лет пускай стучат со скоростью лучших машинисток. Напечатает они много всякой ерунды, которая и смысла-то не имеет. Так вот вероятность «чуда Джинса» еще меньше, чем вероятность того, что среди обезьяньего хлама окажется в точности та статья, которую ты сейчас читаешь.

Маленькие молекулы — и в микроскоп-то их не увидишь. А некоторые ученые говорят, что даже цвет неба зависит от случайного движения этих неприметных частичек. Двигаются молекулы беспорядочно, и все время в каждом кубическом сантиметре пространства их становится то больше, то меньше. Говоря языком физики, образуются то сгущения, то разрежения. Солнечный свет «играет» в них, преломляется и отражается по-своему, поэтому и небо голубое. Не будь Случая, может быть, висело бы над нами скучное-прескучное небо какого-нибудь грязного цвета.

Вот уж, действительно, «Его величество Случай». Как только не вторгается он в нашу жизнь! И какие только науки не изучают его...

...Воет сирена, торопливо спускаются в бетонный бункер последние инженеры стартовой команды. Сейчас в грохоте и огне тупорылая многоступенчатая ракета отправится к Луне. Старт!

Но что это? Вместо того чтобы сверкнуть и растаять в облаках, ракета, как огромная лягушка, прыгает по космодрому. Хорошо, что ракета без людей — скорее взорвать ее, пока она не наворочила бед!..

Для того чтобы не происходило такое, работают специалисты по теории надежности.

Что же это за наука? Она изучает случайные неисправности в сложных установках. Все мы знаем, как случайно, ни с того ни с сего перестает работать приемник, протекает водо-

проводный закрытый кран, начинают неправильно «ходить» часы.

А причиной этому служит выход из строя, по-научному говоря, отказ какой-нибудь маленькой детали: сопротивления в приемнике, кожного сальника в кране, пружинки в часах.

Теория надежности изучает опасности таких отказов и частоту их. Она помогает правильно рассчитывать вычислительные машины и электрические лампочки, паровозы и пишущие машинки. Миллионы рублей экономят для государства специалисты по теории надежности.

Всем нам приходится стоять в очереди. Очередь случайна, сегодня она — большая, завтра — маленькая и, наверно, каждый задумывался, можно ли сделать так, чтобы очереди не стало вообще. Такими вопросами занимается вторая наука о Случае — теория массового обслуживания. Сколько троллейбусов какого маршрута выпустить на линию, сколько пунктов по ремонту обуви открыть в городе, даже сколько учителей должно быть в школе — все это задачи теории массового обслуживания.

А инженеров интересует, как будет вести себя ракета, если случайные обстоятельства, например, ветер, будут отклонять ее с курса. Ответ на такой вопрос дает еще одна наука — теория случайных функций...

Пальцев не хватит, чтобы перечислить науки, изучающие случайные явления, так велик и многообразен Случай.

И так велик и мудр Человек, изучающий Случай, понимающий Случай и ставящий Случай себе на службу.

СТИХИ ДРУЗЕЙ

МЫШИНЫЙ ЯЗЫК

Ванда Хотомская

Польша

Царь мышей, наевшись пышек,
Разослад приказ для мышек:
«Всех мышей предупреждаю,
Что строжайше запрещаю
Слово «Кот» употреблять —
Говорить или писать.
Тех, кто скажет это слово,
Я велю казнить сурово!»

Слово «Кот» с тех пор все мыши
И не пишут и не слышат:
Говорят там не «котел»,
А «крысел» или «мышел».
Называют там «котлеты»
Кто — «мышлеты», кто — «крыслеты».
Если верить мне не хочешь,
Сам мышей послушай ночью!

Перевод Л. Кондрашенко

СТАРТОВЫЙ РАЗБЕГ

В нашей предыдущей беседе речь шла о непосредственном начале бега — старте. Теперь познакомимся с первой фазой бега по дистанции — стартовым разгоном.

При выходе со старта ни один спринтер не может сразу же бежать с предельной скоростью. И чтобы развить скорость, спортсмен пользуется «ударным» способом бега, получившим такое название за быстрое и энергичное опускание ноги вниз — ударом.

Напомним, что при правильном старте тело бегуна сильно наклонено. Поэтому, чтобы не упасть, он стремится как можно скорее опереться ногой на дорожку. Так, «падая», спортсмен непрерывно ускоряет свое продвижение вперед. При этом не следует поднимать бедро высоко, чтобы не выпрямиться раньше времени.

Чем активнее «ударяет» бегун ногой, тем эффективнее отталкивание, тем быстрее наращивается скорость. Спортсмен бежит на носках, пятки ни в коем случае не должны касаться дорожки.

С увеличением скорости уменьшается наклон туловища и увеличивается длина шагов. Нога, ходящая вперед, увеличивает свой размах за счет выбрасывания голени. Так постепенно на протяжении стартового разгона, то есть на первых пятнадцати-двадцати метрах дистанции, совершается переход от ударного способа бега к маховому.

К этому моменту бе-

гун должен развить максимальную скорость, сохраняя при этом легкость, свободу бега и избегая всяких излишних напряжений. Добиться такой непринужденности нелегко, но стремиться к ней надо постоянно: и на соревнованиях, и на тренировках.

В стартовом разбеге большое значение имеет работа рук. Услышав сигнал стартера, бегун стремительно отрывает руки от дорожки. Одна рука мгновенно движется вперед, другая назад. При выносе вперед правой ноги туда же устремляется левая рука и наоборот. Во время всего стартового ускорения руки работают энергично, но с укороченным размахом.

Бег со стартовым ускорением — одно из основных тренировочных упражнений спринтеров. Проводя такой бег, надо следить за постепенным и ритмичным увеличением скорости, за правильностью техники.

РУБЕЖИ, КОТОРЫЕ НАДО ПРЕОДОЛЕТЬ

Каждому бегуну в зависимости от его мастерства присваивается спортивный разряд. Эти разряды определяются Единой всесоюзной спортивной классификацией. Вот разрядные нормы в спринте. Разряды присваиваются юным легкоатлетам с 14 лет.

Дистанция бега	Разрядные нормы					
	для девочек			для мальчиков		
	II юн.	I юн.	III взр.	II юн.	I юн.	III взр.
30 м	6,1	5,7	—	5,2	4,8	—
60 м	9,2	8,8	8,5	8,2	7,8	7,5
100 м	14,6	14,2	13,8	13,0	12,6	12,4
200 м	31,0	30,0	29,0	26,0	25,8	25,5
300 м	52,5	50,0	47,0	46,0	43,0	40,0
400 м	72,0	68,0	66,0	64,0	60,0	56,0
Эстафета 4 × 100 м	58,4	56,8	55,0	52,0	50,4	49,6

УПРАЖНЕНИЯ СПРИНТЕРА

ВЫПРЫГИВАНИЕ НА ОДНОЙ НОГЕ. Упражнение для развития силы. Исходное положение на снимке 1. Нога ставится на опору — скамейку, камень, бревно, плинт. После толчка энергично подтягивайте бедро маховой ноги вверх. Опорная нога полностью выпрямляется в колене (снимок 2). Выполняется поочередно по нескольку раз на правой и левой ноге.

УПРАЖНЕНИЕ ДЛЯ РУК. Исходное положение — на снимке 3. Движение рук — как при беге. Темп постепенно увеличивается. Делать пять-шесть раз по 10 секунд. Следите, чтобы размах рук был широким, а плечевые суставы расслабленными. Локти нужно сгибать под прямым углом.

КОРОЛЕВСКИЙ УКАЗ

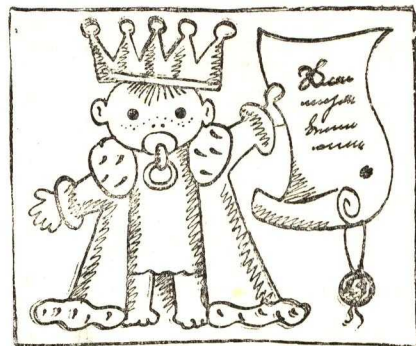

Этот документ хранится в лондонском Тауэре наряду с важнейшими государственными постановлениями, накопившимися здесь за многовековую историю Англии. Внешне этот пергаментный свиток, перевитый шелковым шнуром с подвешенными на нем государственными печатями, ничуть не отличается от своих соседей по архиву. Но, если развернуть древний свиток, сразу бросится в глаза отсутствие

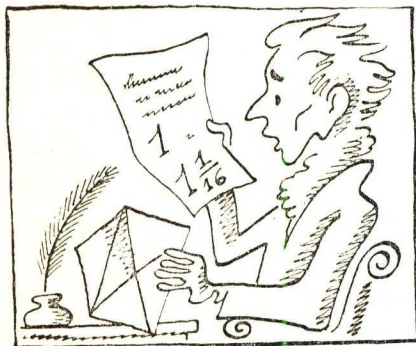
витиеватой подписи под текстом. Вместо нее — слабый оттиск маленького грязного пальца.

Текст королевского указа гласит: «Сим указом Мы, Король Британии, даруем госпоже Алисе Батлер звание Нашей няньки и высочайше повелеваем время от времени шлепать Наше Величество».

Таков первый указ короля Генриха II. Генрих «издал» этот указ в возрасте девяти месяцев от рода.

ПОПРАВКА МАТЕМАТИКА

Известный в прошлом веке английский математик Бербедж как-то решил отдохнуть от цифр и взял с книжной полки дочери только что вышедший томик стихов прославлен-

ного поэта-романтика Альфреда Теннисона. Однако чтение не клеилось: колонки цифр и математических знаков были привычнее глазам ученого, чем колонки рифм. Но вот внезапно Бербедж задумался... Перечитал снова...

*И что ни миг уносит смерть кого-то,
И что ни миг рождается младенец...*

На клочке бумаги Бербедж произвел совсем несложный для него подсчет и тут же сел писать письмо поэту:

«Дорогой сэр, позвольте математику предложить маленькую поправку к Вашему замечательному творению. Если бы в жизни действительно было так, как Вы изволили написать, население Земли не возрастало бы год от года. Однако, основываясь на научных данных, осмелюсь предложить Вам исправить две строки Ваших стихов следующим образом:

*И что ни миг уносит смерть кого-то,
И что ни миг рождается одна целая
и одна шестнадцатая младенца...*

Надеюсь, Вы благосклонно примите это предложение преданного Вашему таланту Бербеджа»

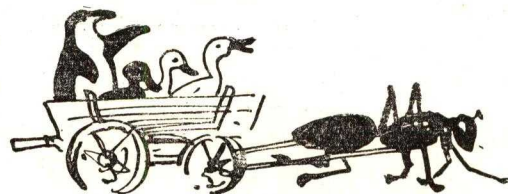
СТИХИ ДРУЗЕЙ

МУРАВЕЙ

Робер Деснос

Франция

Гуляет в шляпе вдоль аллей
Восьмиметровый муравей —
Не может быть, не может быть!
Пингвинов, уток и гусей
Везет в телеге муравей —
Не может быть, не может быть!

Он по-французски говорит:
Он знает русский и санскрит —
Не может быть, не может быть!
А почему бы и нет?

Перевод Г. Усовой

ОПЕРАЦИЯ „ПРОРЫВ“

МОРСКАЯ ВОЕННАЯ ИГРА

В игре участвуют пять фигур — две подводные лодки и три истребителя.

Командующий подводными лодками стремится прорваться на восьмую горизонталь, и если ему удастся привести сюда хотя бы одну из своих лодок, считается выигравшим.

Командующий истребителями старается уничтожить подводные лодки, прежде чем они достигнут восьмой горизонтали.

За один ход можно подвинуть все свои фигуры или только некоторые из них, а можно и вовсе не делать никаких перемещений — отказаться от хода.

Истребители ходят по прямым линиям в любом направлении не более чем на две клетки за один ход. При этом можно менять направление движения во время хода: например, подвинув истребитель на одну клетку вперед, подвинуть его затем на одну клетку вправо или влево; или, подвинув его на клетку в сторону, отойти затем на клетку назад, — и так далее, как нужно играющему, но в пределах двух клеток за один ход.

Подводные лодки передвигаются на одну клетку, но не только по прямым линиям, а еще и по диагоналям, не нанесенным на карту. Подводные лодки передвигаются скрытно от противника — по записи.

Перед началом игры фигуры ставятся на закрашенные кружки: подводные лодки на линии 1, истребители на линии 8.

Начинают подводные лодки: играющий, оставляя их на своих местах, записывает у себя поля, которые они заняли в результате этого первого хода. Затем ходит командующий истребителями. Получив второй ход, командующий подводными лодками обязан поставить их

на поля, которые он себе записал, а следующий ход снова записывает...

Таким образом, для командующего истребителями в каждый момент игры остается неизвестным истинное положение подводных лодок — он видит их на пунктах, занятых ими в предыдущий ход, и может предполагать присутствие их в любом месте, удаленном от этих пунктов на одну клетку.

Фигуры уничтожаются по правилам шахматной игры: поставив свою фигуру на кружок, занятый кораблем противника, можно его уничтожить. Уничтожая корабль противника, подводная лодка обнаруживает себя, так как в этом случае ход делается не по записи, а открыто.

Истребитель может уничтожить подводную лодку либо в такой момент, когда ее положение на карте точно известно, либо в случае, если он займет поле, на котором по записи находится подводная лодка.

Играть можно двоим или несколькими желающим, которые при этом распределяют между собою обязанности: кому каким кораблем ходить.

КАК СДЕЛАТЬ ФИГУРЫ

Перерисуйте наши фигуры на плотную бумагу — подводную лодку в двух экземплярах, истребитель — в трех.

Раскрасьте их в два цвета (подводные лодки в один, истребители — в другой) и склейте кораблики на подставку...

У нас есть десять комплектов металлических кораблей. Мы пошлем их тем из вас, кто раньше сделает себе игру, научится играть и пришлет нам запись одной из сыгранных им партий.

*На обложке рисунок Т. Капустиной
На второй странице обложки фото В. Будана
На третьей странице обложки рисунок В. Свешникова*

Редактор В. В. Торопыгин

Редакционная коллегия: Т. А. Куценко, Б. Н. Никольский, С. В. Обручев, А. И. Пантелеев, А. Ф. Пахомов, Е. В. Серова, Н. В. Терebinская (ответственный секретарь), Л. В. Успенский, Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий
Корректор В. А. Маевская

Технический редактор
А. А. Двораковская

Адрес редакции: Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон А-4-57-76

М-41911.

Тираж 300 000 экз.

Подписано к печати 15/VI 1965 г.

Формат 84 × 108¹/₁₆.

Зак. № 1506

Печ. л. 8 + 1.

6,57 усл. печ. л. 8,8 уч.-изд. л.

Цена 25 к.

Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой Главполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров СССР по печати. Измайловский проспект, 29.

Обложка и вклейки отпечатаны на 1-й Ленинградской фабрике офсетной печати.

